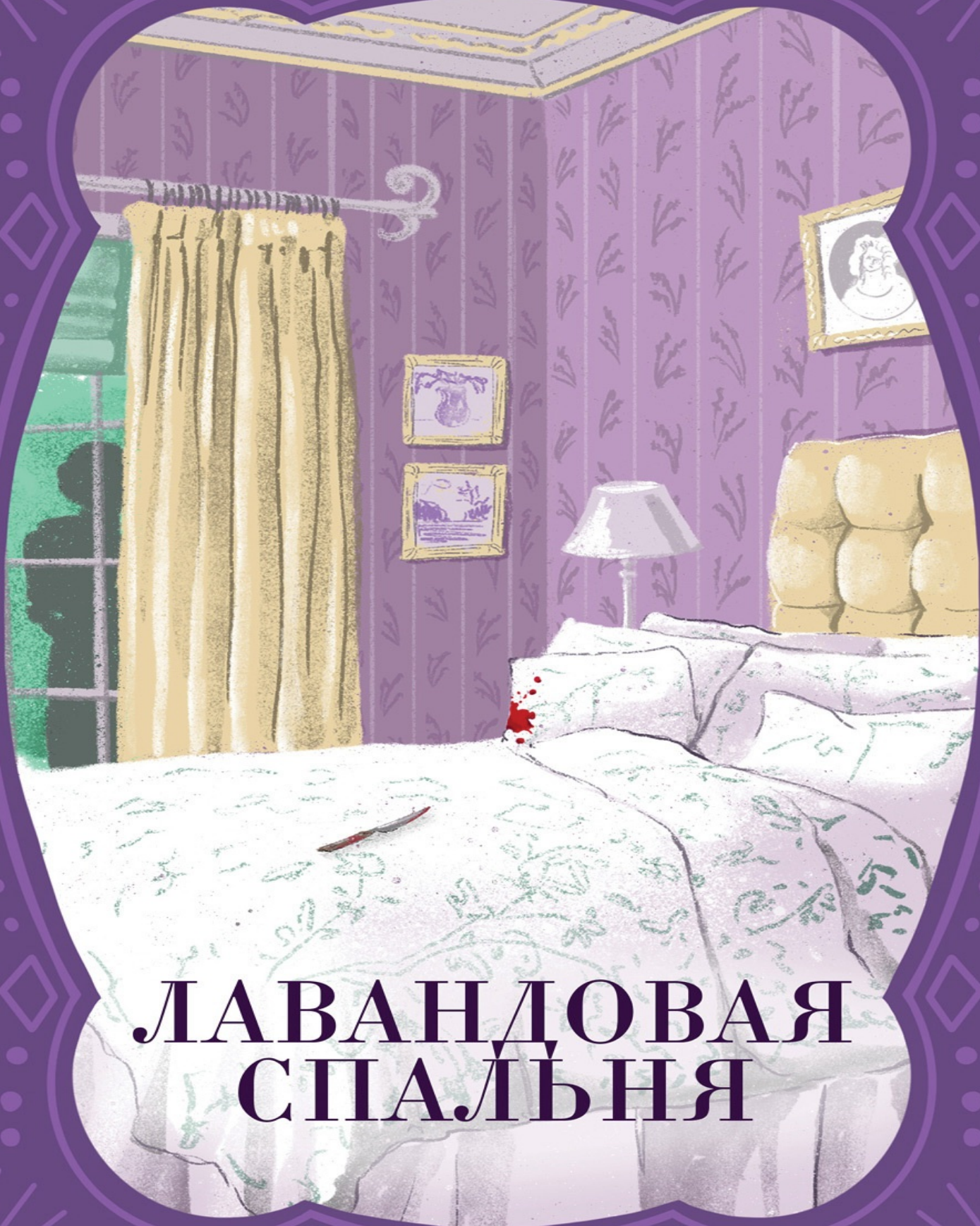

• НАТАЛИ ДОУСОН •

ЛАВАНДОВАЯ СПАЛЬНЯ

• ХОЗЯЙКА ГОСТИНИЦЫ •

Annotation

До августа оставались считанные дни, жара мало-помалу спадала, и хозяйки варили варенье из абрикосов и пекли пироги с малиной. В раскрытые окна врывались и смешивались сладкие запахи, полуденное солнце отражалось в натертом паркете, в старой фарфоровой вазе широко раскрылись бордовые розы. В такой день остается только наслаждаться обществом старых друзей и воздушным лимонным тортом, но, увы... Возвращение в город старинного семейства и последующие за ним хладнокровное убийство почтенной леди и похищение маленькой девочки расстраивают планы и заставляют чаще оглядываться по сторонам – ведь вполне может случиться, что гости – не те, за кого себя выдают, и убийца уже выбрал новую жертву.

- [Натали Доусон](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Натали Доусон
Лавандовая спальня

Глава 1

Она бежала по коридору, хотелось бы сказать – неслась вперед, как стремительная ласточка, но, увы, это было совсем не так. Натужно, тяжело дыша, с каждым шагом сильнее понимая, что ее сил не хватит одновременно на бег и дыхание. Надо остановиться и передохнуть, сообразить, где она – она все время терялась в этом доме, тесном и неуютном, несмотря на множество комнат, чуланов, кладовок и узких извилистых коридоров. Она торопилась оказаться как можно дальше от той, самой тесной и неуютной комнаты, перестать слышать этот ужасный, хриплый голос, искажившийся до неузнаваемости. Именно поэтому она и задержалась, пытаясь понять – кто же это? А когда прижалась щекой к приоткрытой двери, увидела – и ужаснулась. Но еще сильнее, чем этот мерзкий хрип, подобный скрежету давно выдохшегося органа в заброшенной церкви, ее напугал раздавшийся вслед за хрипом звук и мучительный вздох. Так однажды ее пони наступил на оброненный кем-то недоеденный кусочек арбуза, и за чавкающим треском она различила разочарованный вздох двух уличных мальчишек, не успевших договориться, кто из них метнется на мостовую, прямо под копыта и колеса, чтобы схватить желанную добычу.

От этих звуков она и пыталась убежать, удивляясь, почему слышит их до сих пор, не понимая пока, что они не разносятся по дому сами по себе, а звучат у нее в ушах. Окончательно запыхавшись, она остановилась и тут же взвизгнула – прямо на нее смотрело привидение, растрепанное, с жутко округлившимися глазами, в трепыхавшемся на худеньком теле балахоне.

«Зеркало!» – поняла она спустя мгновение, когда испуганно дернулась в сторону, и призрак повторил движение за ней.

Теперь она знала, где находится – впереди в тусклом свете давно нечищенных настенных ламп была дверь в ее спальню. Она укроется там, заберется в постель и перестанет слышать эти звуки. Она заснет, а завтра все, что она увидела, окажется неправдой. Ну, конечно же, неправдой. Ее собственной выдумкой.

Наутро именно так все и оказалось, не выдумкой даже, а ужасным сном, в котором хриплый голос твердил ей: «Ты ничего не увидела, ничего не увидела! Попробуй только сказать кому-нибудь, и я убью тебя, в самом деле убью!»

Конечно, она никому ничего не сказала ни в то утро, ни потом. Ведь

она же ничего не видела.

Глава 2

Зеркало с грохотом разбилось, и Кэтрин резко вскинула руки, заслоняясь от неминуемых осколков, но вместо острых, резких уколов почувствовала тянущую боль в шее. Она дернулась и открыла глаза.

Пока девушка соображала, что задремала прямо за своей конторкой, устроив голову на скрещенных руках, от двери к ней прошагала темная фигура. Кэти повертела головой и прищурилась – кто бы это ни был, солнце, беспощадно бьющее в окна холла, светило незнакомцу в спину.

– А я-то подумала, что здесь пусто! – знакомый резкий голос тотчас развеял туман в голове Кэтрин, но не забрал с собой боль в шее, медленно поднимающуюся к затылку. – Надо же, ты, похоже, заснула, точь-в-точь как твой дядюшка! Господи, я не помню такой жары с того лета, когда Кром обмелел почти повсюду и старый Подрик Плам вместо рыбы вылавливал из реки ржавые кастрюли и прохудившиеся ботинки.

Бетси Харт шумно вздохнула и из последних сил подняла руки с квадратным свертком, завернутым в холщовую ткань. Осторожно положив сверток на конторку, она поморщилась и защелкала пальцами, разминая суставы.

– Говорил мне Джон, подожди, пока Дик вернется и сам отнесет груз в гостиницу, так ведь я не захотела ждать! Должно быть, вы с миссис Дримлейн уже выпили весь холодный оранжад и не подумали о старом друге, который нуждается в ободрении!

Кэтрин встала и теперь смотрела на Бет в ожидании, когда ей удастся вставить словечко. Но миссис Харт, похоже, еще не исчерпала весь поток своего негодования.

– Да что ты уставилась на меня, как будто я – графиня Сазерленд? Просыпайся, Кэтрин, убери это подальше, чтоб кто-нибудь из горничных не уронил, и принеси мне попить! Я едва не изжарилась на солнце, пока дотащила твои картины!

– Картины! – Кэти наконец сообразила, что завернуто в сероватую ткань. – Дик уже привез их?

– Могла бы и не спрашивать! – ворчанию Бет сегодня, похоже, не будет конца. – Так ты пойдешь за оранжадом?

Бетси решительно направилась к стоявшему в самом темном углу холла стулу и устроилась на нем, расправив складки легкого голубого платья.

Кэтрин осторожно подняла сверток и отнесла в кабинет дядюшки, находившийся прямо за ее конторкой, а затем не без труда выпросила у измученной кухарки полкувшина оранжада и два стакана, для себя и Бетси.

Увидев поднос, миссис Харт сменила гнев на милость и даже соизволила поставить рядом со своим стулом другой, так, чтобы и на него не падали солнечные лучи.

После нескольких жадных глотков Бет спросила:

– У тебя был такой потерянный вид, когда я тебя увидела. Ты что, и в самом деле заснула?

– Задремала, – виновато призналась Кэти, только теперь догадавшаяся, что ее разбудила Бетси, с грохотом захлопнувшая входную дверь. – Мне приснилось, как будто я стою перед зеркалом и изучаю отражение, чтобы нарисовать свой портрет, и в этот миг зеркало разбилось... Тетушка Мэриан скажет, что это плохое предзнаменование.

– Тебе совсем необязательно слушать миссис Лофтли. – Бетси еще отпила из стакана и с сожалением посмотрела на почти опустевший кувшин. – От неудобной позы у тебя затекла шея, вот и снится всякая ерунда. Твой отец, доктор, разве не говорил тебе, что нельзя спать сидя?

– Наверное, ты права, – рада была согласиться Кэтрин. – И все же я испугалась...

– После всего, что произошло в этой вашей гостинице, неудивительно, что ты принимаешь резкие звуки за угрозу, – пожала плечами Бет. – Я и сама рада бы о многом забыть, но пока не могу^[1].

Миссис Харт была замужем уже целых шесть недель, и Кэтрин при каждой встрече замечала, что скверный характер Бет мало-помалу смягчается. Должно быть, ворчливость отступает вместе с тягостными воспоминаниями, но, увы, никогда не исчезнет совсем.

– Тебе надо было послать мальчишку за лакеем, Эндрю бы живо принес картины, и тебе не нужно было выходить из своей прохладной гостиной. – Кэти решила сменить тему.

– Ты как будто не рада меня видеть! – вроде бы и шутя, но с чуть заметным раздражением ответила Бет.

Кэтрин закатила глаза, как будто Бетси сказала невероятную глупость, но решила не отвечать. Они с Бет не были подругами, а теперь, когда миссис Харт не могла работать в гостинице, Кэти приходилось проводить за стойкой куда больше времени, чем в предыдущие несколько месяцев. В особенно трудные минуты Кэтрин могла ворчать не хуже Бетси, сердясь и на тетку и дядюшку с их бесконечными поручениями и нежеланием нанять другую девушку на место Бет, и на беспокойных требовательных

постояльцев, и на саму Бетси, два или три раза в неделю являющуюся в «Охотников и свинью», чтобы пересказать свежие городские сплетни и ненадолго сменить Кэти за стойкой в холле.

И все же эти месяцы сблизили их, заставив оценить лучшие качества друг друга – надежность и решительность Бет и наблюдательность и живость Кэтрин.

– А, кстати, ты так и не рассказала мне, что нарисовано на этих картинах. – Бет почувствовала недовольство Кэтрин и заговорила о другом: – Дик сказал только, что какие-то одинаковые цветы. И никак не мог взять в толк, как он выражается, почему нужно было отправлять их в соседний город, чтобы всего лишь вставить в рамы.

– Потому, что рамы должны быть изящными! – быстро ответила Кэтрин. – Тетушка Мэриан уверена, что здешний столяр не сумел бы выполнить работу хорошо. Кажется, он уже однажды что-то ей испортил. Ах да, конечно, я не сказала, это изображения лаванды, два выполнены в виде гербария – повесить над камином – и еще несколько маленьких букетиков. Их разместят над прикроватными столиками.

– Твоя тетушка решила оживить «Лавандовую спальню»? – встрепенулась Бет. – Давно пора было выкинуть те пыльные покрывала. Должно быть, их вышивали лет двести назад!

Кэтрин фыркнула, но если Бет и преувеличивала, то не сильно. Сама Кэти, входя в «Лавандовую спальню», каждый раз радовалась, что не ей, а горничным нужно наводить там порядок после редких постояльцев. Спальня была слишком большой и помпезной, чтобы мистер Лофтли позволил себе сдавать ее задешево, но ее убранство выглядело потрепанным и старомодным, и состоятельные путешественники презрительно морщили носы при виде блеклых сиреневых портьер из выгоревшего бархата и старинных неудобных кресел с жесткими спинками. Дядюшка Томас долгое время считал эту комнату самой роскошной из тех, что мог предложить своим постояльцам, и лишь две недели назад уступил настойчивым просьбам жены кое-что обновить и улучшить в «Лавандовой спальне». Миссис Лофтли ожидала почетных гостей, собиравшихся остановиться в «Охотниках и свинье» на две или даже три недели! После трагических и пугающих событий прошлой зимы, когда в одной из комнат гостиницы было совершено самое настоящее убийство, поток постояльцев обмелел подобно летнему Крому, и известие о целой компании гостей, собиравшихся прожить в «Охотниках и свинье» так долго, чрезвычайно воодушевило мистера и миссис Лофтли.

– О, ну, конечно же, твоему дядюшке не стоит жалеть денег на новые

кресла, – немедленно согласилась Бет, когда Кэти рассказала ей об ожидаемых постояльцах. – А тебе известно, кто они такие? С чего вдруг твоей тетушке понадобилась вся эта таинственность? Миссис Баклер уже сообщила всем, кто готов ее слушать больше минуты, что получила заказ на портьеры из плотного шелка, притом твоя тетушка так придирчиво выбирала его цвет, будто собралась принимать по меньшей мере герцогиню!

– Я и сама не сразу узнала, кого мы ожидаем. – Кэтрин пожала плечами. – Только вчера за ужином тетушка Мэриан упомянула в разговоре с дядей, что к нам приедут мистер и миссис Синглтон, а с ними две юные леди, горничная и слуга мистера Синглтона.

– Эти леди – не дочери Синглтонов? – Бетси сразу заметила, что Кэти не назвала девушек «мисс Синглтон».

– Ах, нет. Мистер Синглтон – их опекун. Они сестры, и их родители умерли очень давно, когда младшая из них только-только появилась на свет. По словам тетушки, их семья прежде проживала неподалеку от Кромберри. Девочек несколько лет воспитывала бабушка, а когда она тоже умерла, бедняжки оказались на попечении мистера Синглтона и его супруги. Кажется, они какие-то родственники, но в этом тетя Мэриан не очень уверена. Синглтоны увезли девочек из этих краев, и несколько лет их дом стоял заброшенным. Должно быть, он зарос плющом и дикой розой... – Кэти сделала паузу, представляя, как живописно могло выглядеть это место и как чудесно было бы нарисовать этот пейзаж сейчас, когда розы цветут так пышно, что даже над пыльным маленьким Кромберри вьется их одуряющий аромат.

– Если их семья жила неподалеку, их должны знать в городе, – прервала Бетси ее грезы. – Как зовут этих девушек?

– Хелен и Оливия Тармонт, – тут же ответила Кэтрин, опасаясь, что Бет опять начнет ворчать. – Старшая мисс Тармонт собирается замуж, и мистер Синглтон решил отремонтировать их дом, чтобы она могла жить там со своим...

– Проклятый дом будут ремонтировать? – Бетси прервала ее и в величайшем изумлении взмахнула руками, забыв, что держит в одной из них стакан с остатками оранжада. Стакан пролетел едва ли не половину холла и упал на ковер, оставив на своем пути мелкие брызги, тут же начавшие сверкать в солнечных лучах.

– Надо же, не разбился... – растерянно пробормотала Бет, взглядом проследившая за полетом.

– Проклятый дом? – переспросила Кэтрин, так же проводив взглядом

стеклянный снаряд. – О чем ты говоришь?

– Ах, я все время забываю, что ты не из этих краев! – Миссис Харт приподнялась было, чтобы пойти и поднять стакан, но тотчас опустилась на свой стул, едва только сообразила, что может рассказать жуткую, но уже несвежую историю человеку, который ее еще не слышал. – Неудивительно, что твоя тетя не спешит рассказывать всем, кто ее будущие постояльцы. Иначе посмотреть на мисс Тармонт и ее сестру сбежится весь город!

– Так ты расскажешь мне, в чем там дело?

– Разумеется, только потом не кори меня, если тебе приснится кошмар!

Кэтрин только отмахнулась. Ее любопытство было слишком сильным, чтобы обращать внимание на предостережение миссис Харт. И все же, какое-то неясное, но тягостное предчувствие на мгновение затуманило для нее яркость солнечного летнего дня. В этом же самом холле много месяцев назад она узнала от горничной Сары другую пугающую историю, в продолжении которой невольно приняла самое живое участие.

За окном прогрохотала по Мэйн-стрит повозка Джона Харта, нагруженная досками, и облачко в мыслях девушки рассеялось, осталось лишь острое, щекочущее любопытство.

Бетси тоже поглядела в сторону окна – Джон Харт был ее супругом, и она неустанно следила за тем, чтоб его возчики не останавливались поболтать с лакеями и посыльными, когда груз нужно доставить в оговоренное время. Убедившись, что повозка проследовала своим путем, Бет снова повернулась к своей юной слушательнице.

– Тармонты, насколько мне известно, старинное и почтенное семейство. Ну, то есть были такими, пока не обеднели. Во времена моего деда им пришлось продать довольно большой кусок земли... семейству Уорренби. – Бетси споткнулась на этой фамилии, а Кэтрин зябко поежилась, несмотря на жару. – От разорения их спас брак наследника с богатой, но совсем не родовитой девушкой. Она была необыкновенно красива, и это примирило соседей с необходимостью принимать у себя дочь торговца. Но характер ее, по словам дедушки, был просто ужасный. Когда она приезжала в Кромберри за покупками, она успевала перессориться со всеми лавочниками и даже, по слухам, однажды назвала викария вислоухим карпом. А уж как она третировала своих близких! У мистера и миссис Тармонт родилось двое сыновей...

Бетси ненадолго умолкла, чтобы переждать хихиканье Кэтрин. Миссис Харт уже достаточно знала эту девушку и не сомневалась – в своем воображении Кэти уже пытается воссоздать «вислоухого карпа», чтобы затем перенести этот образ в альбом для рисования. Вернее, в один из них,

тот, что она почти никому не показывала. За исключением самой Бет и еще одной старой дамы.

– Так вот, миссис Тармонт пусть и не приобрела подходящих манер, но подарила мужу двоих сыновей. Только, как она их ни воспитывала, старший вырос никуда не годным человеком. – Тут Бетси прерывисто вздохнула, и настала очередь Кэтрин смотреть на нее с пониманием – отец Бет довел семью до нищеты неумеренным пьянством. – Старший из отпрысков Тармонтов, я не помню, как его звали, при первом же удобном случае сбегал в Лондон или другие места, где можно было найти подходящую компанию для азартных игр, пьянства и разврата. Мягкосердечный отец давал ему деньги тайком от суровой матери, и это попустительство сгубило молодого джентльмена. Когда его долги превысили мыслимые размеры, а он осмелился появиться в родном доме под руку с какой-то нечестивой девицей, называвшей себя его женой, миссис Тармонт, до этого не раз угрожавшая лишить сына наследства, исполнила свою угрозу. Ее отец, или дядя, или кто-то еще из родственников сумел так устроить ее брак, что она могла распоряжаться своим приданым, как ей заблагорассудится. А у мистера Тармонта, считай, и не было собственных средств.

Кэтрин попыталась представить себе эту решительную даму. Должно быть, миссис Тармонт походила на ее собственную матушку, но была в десять раз деспотичнее, если только такое можно вообразить.

Бетси с сожалением посмотрела на крошечные липкие пятна, оставленные на натертом до блеска полу последними каплями оранжада, и продолжила:

– Ее сын опомнился, когда понял, что родители больше не намерены давать ему деньги – отец не имел такой возможности, а мать – желания. Его мольбы могли бы разжалобить мистера Тармонта, но не его жену. Тогда он перешел от просьб к угрозам, и это было его главной ошибкой. Миссис Тармонт приказала слугам собрать гардероб сына и выставить на дорогу у выезда с подъездной аллеи. И никогда больше не пускать никчемного отпрыска в их дом. Видит бог, он это заслужил!

– И все же это было жестоко с ее стороны, – пробормотала Кэти, порадовавшись, что у нее, при почти столь же суровой матушке, есть любящий и заботливый отец, к тому же несклонный во всем потакать жене.

– Как бы там ни было, этот Тармонт исчез, и много лет о нем никто ничего не слышал в наших краях. Его брат в то время учился в университете и по возвращении недоумевал, что такое произошло между братом и их матерью. На этого сына теперь возлагались все надежды

миссис Тармонт, и он их вполне оправдал: занимался делами поместья, когда его отец начал медленно угасать от какой-то опухоли, женился на достойной, хоть и не особенно красивой, девушке и никогда не спорил с матерью. У младшего Тармонта родились две девочки, но греться в лучах родительской любви и заботы им пришлось недолго. После того как окончился траур по умершему отцу, молодой Тармонт отправился с женой путешествовать на континент, чтобы развеять печаль – он был близок с отцом, хотя и появился на свет, когда Тармонты уже много лет думали, что им придется удовольствоваться единственным наследником. Из этого путешествия супруги уже не вернулись. Какая-то лихорадка или эпидемия унесла их жизни всего за три дня.

Кэтрин сочувственно вздохнула. Бедняжки мисс Тармонт, судя по тому, что говорила Бетси об их бабушке, детство девочек отнюдь не было радужным. Лишиться родителей в столь раннем возрасте и остаться на попечении деспотичной старухи – можно ли вообразить большие несчастья? Конечно, Кэти знала, что можно. Она не пробыла в Кромберри и года, а уже успела повидать немало горестей, обрушенных жестоким роком на семьи ее новых знакомых и друзей. Ее единственная подруга, радовавшая Кэтрин своей жизнерадостностью, была жестоко убита, а ее семья, вдобавок к своей печали, еще сильнее должна была согнуться под тяжестью настигшего их позора и отчуждения со стороны еще недавно близких людей, соседей и родственников.

Да мало ли какие страдания и беды повидали старые узкие улочки Кромберри! И все же в этот момент Кэти сильнее всего жалела бедных мисс Тармонт, с которыми даже не была знакома. Но Бетси еще не закончила свой рассказ, и по блеску в ее темных глазах Кэтрин догадалась, что главная часть истории впереди.

– Младшей мисс Тармонт было семь или восемь лет, а старшей не меньше пятнадцати, когда их бабушка умерла. Об этом жестоком убийстве долго говорили в Кромберри, повсюду слышны были эти леденящие душу разговоры, от которых ни одна сплетница не могла отказаться, как бы ни пугали ее подробности, разнесенные по всему городку напуганной прислугой. Я хорошо помню эту шумиху, это ведь было всего пять лет назад!

– Пять лет! – Почему-то Кэтрин представляла себе дом Тармонтов таким брошенным замком, простоявшим покинутым и забытым по меньшей мере лет сто.

– О да, всего лишь пять лет. – Похоже, Бет поняла, что хотела сказать девушка. Но она так стремилась закончить рассказ, что не сочла

возможным отвлекаться на рассуждения о том, как скоро брошенный дом превратится в развалины. – Должно быть, после смерти брата старший из сыновей миссис Тармонт... О, я вспомнила, его зовут Арчибальд! Так вот, он счел, что теперь-то уж матушка сменит гнев на милость и вернет его имя в завещание. Как-никак он остался единственным наследником!

Кэти снова подумала о девочках. В своем сочувствии к ним она едва не позабыла начало истории, а ведь у бедняжек, кроме бабки с дурным характером, был еще и дядюшка, переполненный пороками.

– Но он ошибся. – Миссис Харт облизнула пересохшие губы. Она уже почти решила попросить Кэти принести воды, но тотчас сообразила, что весь драматизм ее рассказа сойдет на нет из-за этого прозаического действия. Уж лучше потерпеть и довести историю до конца, а там, возможно, кое-кто угостит миссис Харт чаем. Бетси полагала, и не без оснований, что может надеяться на этот благоприятный исход своего похода по одуряющей жаре с тяжелыми картинами в руках.

– Миссис Тармонт повторила свой приказ не пускать его на порог, и слуги не осмелились послушаться ее. Его мать хорошо платила прислуге, вынужденной терпеть ее неуравновешенность, вспышки гнева или град язвительных уколов. К тому же на службе у Тармонтов всегда состояли два или три высоких и крепких лакея, не побоявшихся бы вышвырнуть Арчи за ворота, наградив напоследок несколькими хорошими затрещинами. По словам горничных, Арчибальд Тармонт ругался, как какой-нибудь кузнец или грузчик, но ему пришлось уйти ни с чем. Во всяком случае, все в доме решили, что он ушел и больше не появится. К тому времени старуха уже составила завещание в пользу своей старшей внучки, при условии, что та выделит младшей сестре достойное приданое.

– Почему же она не поделила наследство поровну? – удивилась Кэтрин.

– Кто мог бы вообразить, чем руководствовалась миссис Тармонт? Она не держала отчета ни перед кем, а ее поверенные должны были делать лишь то, что она им укажет. Скорее всего, она не хотела делить поместье, предпочтя целиком завещать его старшей внучке. Миссис Тармонт сочла необходимым отправить Хелен в дорогой пансион, чтобы привить ей утонченные манеры, без которых трудно найти подходящего жениха. Видит бог, я и представить себе не смогла бы, кого старая миссис Тармонт, дочь торговца, сочла бы достойным своей внучки, вернее, управления своим капиталом! – Бетси сделала паузу – мимо девушек на кухню прошла горничная.

Кэтрин, со всем вниманием слушавшая рассказ миссис Харт, успела

подумать о том, что за все эти месяцы никто до сих пор не рассказал ей эту любопытную историю. Ну, не странно ли?..

– Увы, приобрести светские манеры Хелен не удалось. Во всяком случае, в пансион она так и не поехала. Должно быть, ее образованием позже занялись Синглтоны. Как бы там ни было, за день или два до ее отъезда в пансион старую миссис Тармонт нашли в ее собственном будуаре с размозженной головой. Тут же лежал и тяжелый бюст ее величества, весь в пятнах крови!

– Ах! – Кэти вскрикнула. Она сделала это совершенно искренне, ошеломленная подобным поворотом в семейной истории Тармонтов, но при этом понимала, что именно такой реакции ждет от нее Бетси.

– Увы, тиранов, как правило, ждет страшная участь, – поучительным тоном заметила Бет. – Спавшая в закутке неподалеку горничная рассказала главному констеблю Грейтону, что как будто слышала сквозь сон хриплый голос, который то ли ругался, то ли угрожал, но эта, уже сама немолодая, горничная слишком устала за день, выполняя бесконечные поручения своей хозяйки, чтобы проснуться окончательно и пойти посмотреть, что происходит. Появись она не вовремя, бедняжка могла бы разделить судьбу госпожи.

– Позволь, я догадаюсь, – попросила Кэтрин, – Миссис Тармонт убил ее старший сын, обделенный наследством? Он требовал у нее денег?

– Не надо быть великим ученым, чтобы догадаться, – фыркнула Бетси. – Полицейские обнаружили, что одно из окон в библиотеке не заперли на ночь, и на подоконнике и дверной ручке были следы крови. Должно быть, Арчи тайно пробрался к дому, когда все улеглись спать, и поочередно проверял окна, чтобы найти то, которое поддалось бы. Во всяком случае, на клумбах нашлись следы.

– Откуда ты знаешь столько подробностей? – с удивлением и каким-то болезненным восхищением спросила Кэти.

– Это было известно всему городу – слуги покинули дом тотчас же, как только узнали о смерти хозяйки. Они боялись, что убийца вернется и покарает их за то, что они послушались приказа его матери и не пустили его в родной дом.

– А как же бедные девочки? – вспомнила Кэтрин. – Как они, должно быть, испугались и расстроились! И некому было их утешить!

– С ними осталась горничная их покойной матери. Эта женщина прислуживала им, миссис Тармонт не уволила ее после смерти сына и невестки. Именно она сообщила главному констеблю Грейтону о том, что присмотреть за девочками может один джентльмен, подходящийся им

какой-то дальней родней по материнской линии. Старшая мисс Тармонт слегла в горячке после того, как побывала в залитом кровью будуаре и увидела тело своей бабки – от этого поступка горничная не смогла ее отговорить. А маленькая Оливия была еще слишком мала, чтоб разбираться в семейных делах. Так или иначе, в доме к приезду полиции оставались только они втроем, две сиротки и верная служанка. – Бетси говорила об этой самоотверженной и храброй женщине с явным уважением. – Судья Хоуксли, уже тогда славящийся своей добротой, перевез их в свой дом и связался с поверенными миссис Тармонт. Они сообщили ему адрес этого джентльмена, теперь-то я вспомнила, что он и был мистером Синглтоном, а затем занялись всеми делами – нужно было устроить похороны, выплатить жалованье и написать рекомендательные письма слугам и кто знает, что там еще требовалось...

– И мистер Синглтон приехал за девочками? – Кэтрин не хотела даже думать о том, что пережила Хелен Тармонт, увидев тело мертвой бабки. Сама Кэти до сих пор видела во сне, как она входит в зеленую комнату, носившую романтическое название «Зал фей», и видит в кресле труп своей подруги Дженни Морвейн.

– Он с супругой приехал уже после похорон, его поместье довольно далеко отсюда. Надо отдать ему должное, он сразу же принял на себя обязанности опекуна, но не захотел ни одного дня оставаться в доме, где случилось такое страшное преступление. Он даже не стал писать жалобы и обвинять в воровстве разбежавшихся слуг, хотя из дома, если верить спискам дворецкого, которые полицейские скрупулезно сверили с деталями обстановки, пропало довольно много ценных вещей и дорогих безделушек. Возможно, что-то из этого захватил с собой Арчибальд Тармонт, когда убегал через окно библиотеки. Кто знает, на какие средства он жил тогда и живет сейчас...

– Как? Разве его не нашли? – вскричала Кэтрин. – После того, что он сделал?

– Полиции так и не удалось разыскать его, как они ни пытались, – мрачно подтвердила Бет. – Наверное, он сменил имя и внешность, ты же помнишь мистера Тауба?

– Как не помнить! – Кэти согласно кивнула. Увы, не все преступники испытывают на себе торжество справедливости правосудия. – Так, значит, девочки переехали в дом мистера Синглтона, а их собственное поместье осталось заброшенным?

– Именно так. – Бетси с облегчением вздохнула – ее рассказ подходил к концу. – Никто из бывшей прислуги не согласился остаться в поместье

сторожем, и жители Кромберри тоже, как ни пытались поверенные Тармонтов найти хоть кого-нибудь. Разумеется, старый Подрик Плам был не против, да кто ж его возьмет? Спустя какое-то время после отъезда мисс Тармонт дом стали называть проклятым. Городские шалопаи, кто посмелее, устраивали набеги на дом, да и бродяги находили там свой приют. Мистер Синглтон приказал упаковать и отправить в его поместье все ценности, какие только можно было вывезти, а остальное, должно быть, разграбили и разорили эти отнюдь не светские визитеры. Поверить не могу, что обе мисс Тармонт снова собираются жить в нем, после того кошмара, что им пришлось пережить!

– Прошло уже пять лет, наверное, Хелен выросла и постаралась оставить позади страшные воспоминания, а Оливия и вовсе позабыла все, что тогда случилось. Тем более она ведь, в отличие от сестры, не видела мертвую бабушку.

– Возможно, ты права, – немного помолчав, согласилась Бет. – Хотя и странно, что после замужества Хелен будет жить в доме своей семьи, а не в поместье мужа.

– Может быть, у него и вовсе нет поместья, – пожала плечами Кэтрин. – Что, если он врач? Или адвокат? Или кто-нибудь еще, у кого нет средств купить большой дом. Да и зачем, если у Хелен уже есть поместье?

– Они могли бы продать его и купить новый дом в других краях, – разумно заметила миссис Харт. – Что, если Арчибальд Тармонт до сих пор бродит где-нибудь неподалеку и снова появится на пороге отчего дома, чтобы теперь уже требовать денег у племянницы? Да и дом, как говорят, не слишком уютный, темный и мрачный, подходящее место для семейных трагедий!

– Возможно, они так и поступят, позже. – Кэтрин поежилась, несмотря на жару – в ее воображении тут же возникла картинка: счастливые молодожены вступают в нарядный, отремонтированный особняк, а рядом в кустах затаился убийца с кинжалом или пистолетом.

– Это было бы для них лучше всего, а для начала им бы стоило поставить на окна крепкие решетки и нанять сторожа с собаками. Когда они собираются начать работы? – Бетси задумчиво прищурилась, как будто прикидывая, сможет ли ее муж, Джон Харт, извлечь какую-либо выгоду из предстоящего ремонта особняка Тармонтов – кто-то ведь должен будет возить в поместье доски, кирпичи и бог знает что еще.

– Ах, ну откуда же мне знать? – Кэти развела руками. – Тетушка Мэриан ничего не говорила, да она и сама наверняка не знает. Мы ждем почетных гостей – только и всего. Кроме Синглтонов и их воспитанниц

сюда придет и жених старшей мисс Гармонт, но позже, через неделю или десять дней. Тетушка надеется также, что свадебные гости останутся у нас, ну, хотя бы их часть, которой не найдется места в поместье. Но знаешь, Бетси, меня куда больше удивляет, что тетя ничего не рассказала мне об этой семье и их печальной и страшной истории. Дядюшка Томас тоже ничего не говорил, а ведь и он не мог не знать о жуткой участи старой миссис Гармонт...

– Наверное, они решили не пугать тебя, должно быть, твоя матушка строго наказала им не позволять тебе даже на десять ярдов приближаться к чему-нибудь таинственному, страшному или просто любопытному, – язвительно рассмеялась Бетси.

Кэтрин нахмурилась, но не стала возражать. Лишь неделю назад Кромберри покинули ее родители, захотевшие навестить дочь перед тем, как отправиться погостить у старшего сына, преподобного Джонатана Хаддона. Миссис Хаддон подвергла самой строгой инспекции гостиницу своего брата, начиная от винного погреба и заканчивая комнатками прислуги на чердаке. При этом она едва ли не каждую минуту напоминала, что юной леди не полагается принимать участие в разговорах о том или этом предмете, ходить в те или другие места, заводить знакомства кое с кем из горожан. И следить за соблюдением всех этих правил должна миссис Лофтли. От своего брата миссис Хаддон не требовала хороших манер, ему достаточно было размещать в своей гостинице исключительно уважаемых гостей. Бедная тетюшка Мэриан и вообразить себе не могла, в каких условиях жила ее племянница до переезда в Кромберри, а еще меньше она могла себе представить, как при всей своей занятости с постояльцами она сможет выполнять все предписания миссис Хаддон.

И тетюшка, и племянница с одинаковым нетерпением ждали окончания этого визита, несмотря на то что Кэтрин была счастлива увидеться с отцом. Доктор Хаддон, напротив, нашел обустройство «Охотников и свиньи» весьма современным, Кэтрин – цветущей и довольной, несмотря на пережитые несколько месяцев назад потрясения, а что еще надо любящему отцу? Только знать, что дитя его в добром здравии и перемен в этом отношении не предвидится. Тайком от матери Кэти успела показать ему свой самый тщательно оберегаемый от чужих взглядов альбом, в котором со всем усердием изображала своих новых знакомых, подчас в весьма язвительной манере. Доктор Хаддон, хотя и высказал некоторые не очень приятные для дочери соображения, все же немало посмеялся, глядя на изображения своего коллеги доктора Голдблюма и его сына. Они были нарисованы в виде двух толстых рыб, которых поймал в свою сеть старший

браконьер Подрик Плам. И отец, и сын пытались убедить старика отпустить их обратно в воды Крома, обещая взамен вернуть Подрику молодость при помощи своих средств, весьма напоминающих алхимические зелья.

Оба напыщенные, лысеющие, они очень не нравились Кэтрин, особенно после того, как она узнала, что младший Голдблум наводил справки о величине ее приданого. Навряд ли кто-то в Кромберри мог сообщить ему что-нибудь, близкое к истине, но то, что она – дочь врача и племянница владельца солидной гостиницы, делало мисс Хаддон довольно привлекательной невестой в глазах некоторых горожан.

В недавнем прошлом Кэти пережила несчастливую влюбленность и, хотя и не испытывала уже прежней горькой тоски, не желала даже смотреть в сторону мужчин, будь то юные шалопаи, завидные женихи самого благоприятного возраста или вдовцы преклонных лет. И тех, и других, и третьих она за время своего пребывания в «Охотниках и свинье» навидалась предостаточно, но никто не затронул ее сердце, а вот рука ее с зажатым в ней карандашом порой целыми вечерами принадлежала кому-нибудь из них, да только счастливчику не доводилось узнать об этом. К счастью для всех.

– Вы отнесете чай миссис Дримлейн, мисс? – Появление горничной с чайным подносом позволило Кэтрин пропустить мимо ушей язвительность миссис Харт.

Сара была первой из тех, с кем познакомилась Кэтрин по прибытии в гостиницу своего дядюшки. Девушки привыкли друг к другу, частенько болтали, была бы только свободная минутка, и Сара уже привыкла называть Кэтрин по имени, но, увы, однажды ее услышала миссис Хаддон. Магушка Кэтрин призвала горничную соблюдать положенную дистанцию в столь резких выражениях, что миссис Лофтли пришлось потом не менее получаса успокаивать рыдающую девушку. Миссис Хаддон вскоре уехала, но Сара теперь упорно обращалась к Кэтрин «мисс» или «мисс Кэти».

– Конечно, Сара. – Кэтрин поднялась, чтобы забрать у Сары поднос, и попросила горничную унести пустой кувшин и стаканы из-под оранжада. Если Сара и удивилась тому, что две приятельницы преспокойно беседуют, когда один из стаканов валяется на полу посреди холла, то не подала виду.

Следом за Кэти вскочила и Бетси Харт.

– Позволь, я его отнесу. – Именно этого момента она и дожидалась, зная, что миссис Дримлейн непременно предложит ей выпить чая с пирожными и свежими сконами.

– Что ж, возьми, пожалуй, а я отнесу картины в «Лавандовую

спальню». Завтра рабочие повесят их, но я уже хочу взглянуть, хорошо ли они будут смотреться на тех местах, что я для них приготовила.

До замужества Бет Вортекс была очень бедна, и Кэтрин знала, что в иные вечера чаепития у миссис Дримлейн порой в буквальном смысле спасали бедняжку от того, чтобы лечь спать совсем голодной. Теперь миссис Харт не нуждалась в чашке чая и куске хлеба с чужого стола, но по привычке старалась появляться в гостинице в то время, когда миссис Дримлейн и Кэтрин, ее любимица, пили чай.

Миссис Дримлейн, проницательная и остроумная пожилая леди, постоянно проживала в «Охотниках и свинье». Много лет назад она рассорилась с сыном, обвинявшим мать в смерти своей первой жены, и покинула поместье Дримлейнов. Лишь несколько месяцев назад истинный виновный был найден, и мать и сын наконец примирились.

Ричард Дримлейн и его вторая жена Розамунд приглашали миссис Дримлейн вернуться домой, но старая дама отказалась. Слишком много болезненных воспоминаний было связано у нее с этим местом, и она не хотела повредить своему здоровью переменной обстановки. В «Охотниках и свинье» она занимала одну из самых уютных спален, но большую часть времени проводила в отделанной зеленым комнате, гордо называвшейся «Зал фей». Даже убийство, совершенное здесь, не уменьшило любви миссис Дримлейн к этой небольшой гостиной.

Кэтрин все еще входила в «Зал фей» с быстро-быстро колотящимся сердцем, а горничные и вовсе старались избегать зеленой гостиной из-за слухов о привидении, появляющемся там, – духе несчастной жертвы убийцы, молоденькой учительницы Дженни Морвейн. Впрочем, призрака замечали и в коридорах гостиницы, и миссис Дримлейн всячески поддерживала эти слухи, несмотря на досаду миссис Лофтли. Рассудительная старушка была уверена, что собственный призрак только прибавит гостинице популярности у постояльцев, а вот тетушка Мэриан и ее супруг были уверены в обратном. Преступление нанесло урон репутации «Охотников и свиньи», и дядюшке Томасу пришлось пережить немало черных часов за изучением расходных книг, но к лету положение немного улучшилось. Путешественники, упорно не желающие ехать в Бат по железной дороге, не редко останавливались на ночь в Кромберри, и некоторые из них даже готовы были встретиться с призраком лицом к лицу, чтобы было о чем рассказывать во время неспешной прогулки у источников. К несчастью, им не так везло, как вездесущим горничным, призрак как будто стеснялся посторонних людей и показывался только тем, кто знал его в земной жизни.

Глава 3

Кэтрин поспешно проскользнула в «Зал фей», стараясь не медлить на пороге, чтобы привычный страх не успел наброситься на нее. Миссис Дримлейн и Бетси уже пили чай и беседовали. Судя по изумленному виду старой дамы, миссис Харт успела рассказать ей о приезжающих вскоре Синглтонах и их воспитанницах.

Кэти почувствовала легкую досаду – ей самой хотелось сообщить новости, услышанные ею сперва от тетушки Мэриан, а затем от Бет. И, в свою очередь, спросить старушку, почему она не поделилась со своей юной подругой жуткой историей о трагедии в доме Тармонтов.

– А вот и наша малиновка. – Бледно-голубые глаза старой леди прищурились, пытаясь разглядеть, в каком настроении сегодня Кэти. После беды, случившейся в гостинице, миссис Дримлейн заботливо и ласково опекала Кэтрин, как будто та была ее родной внучкой. Да и Бетси тоже досталось этой заботы. – Садись, выпей с нами чаю. Сама я слишком взволнована, чтобы отдать должное мастерству кухарки. Надо же, старшая мисс Тармонт выходит замуж! Должно быть, ее жених не слишком разборчив или слишком влюблен, раз согласен жениться на Хелен!

– После замужества, я слышала, она будет очень богата, – заметила Бет. – Разумеется, тут уж любой жених станет враз и неразборчивым, и влюбленным!

– Ты всегда видишь все только в дурном свете! – Кэтрин подвинула стул к маленькому столику возле камина, на котором едва-едва помещался чайный поднос, и уселась рядом с приятельницами. – Почему не предположить, что этот джентльмен и мисс Тармонт всем сердцем любят друг друга? Может быть, мисс Хелен очень красива, а он мужественный и добрый... И совершенно не интересуется ее состоянием.

Бетси фыркнула.

– Не то чтобы я не знала таких мужчин, раз уж мой муж – Джон Харт, – заявила она. – Но даже достойные джентльмены не всегда женятся на хорошеньких девушках, если репутация их семей отягощена происшествиями наподобие того, что случилось в доме Тармонтов.

– Я склонна согласиться с тобой, дорогая, – высказала свое мнение и миссис Дримлейн. – Но все же не будем лишать истинную любовь шанса появиться на пороге «Охотников и свиньи». Когда, по словам твоей тетушки, Синглтоны и девочки появятся в Кромберри?

– Через четыре дня. К тому времени «Лавандовая спальня» и соседняя с ней «Комната с портретом» будут подготовлены к приезду гостей. А свадьба мисс Тармонт должна состояться через четыре недели. Я нарисовала букетики лаванды, чтобы украсить комнату, – не удержалась Кэтрин, чтоб не похвалиться своим вкладом в подготовку к приему Синглтонов и их подопечных.

– Твоя тетушка говорила мне, что решила кое-что переделать в комнатах, но ни единым словом не упомянула о Тармонтах. – В голосе старой дамы прозвучала обида.

– Должно быть, тетя Мэриан не хотела напоминать вам об ужасной смерти миссис Тармонт, – попыталась Кэти оправдать свою тетку, хотя и сама была удивлена молчанием миссис Лофтли. Обычно хозяйка гостиницы торопилась поделиться с окружающими любыми новостями, услышанными ею в городе или от других постояльцев.

– Что ж, о чем бы она там ни думала, теперь мы знаем правду, – немного ворчливо ответила миссис Дримлейн. – Я никогда не видела младшую мисс Тармонт, ведь я уехала из нашего дома за много лет до ее рождения, а Хелен помню сдобным младенцем, совершенно обычного вида, и капризной девчушкой, все время требующей сладостей. Если же бабушка или нянька отказывались исполнять ее прихоти, девочка ломала свои игрушки и бросала в няньку все, до чего могла дотянуться. Должно быть, ее бабке пришлось потратить невероятные усилия, чтобы девица могла сойти за леди. Впрочем, чего еще могла ожидать Роуз... Надеюсь, опекуны Хелен – разумные люди и смогли обуздать ее характер!

– Детские капризы возникают внезапно и так же внезапно проходят, – пожалала плечами Бет. – Моя сестрица в детстве вела себя как необузданная дикарка, а после превратилась в благонравную леди. Про Хелен в городе говорили, что она выросла хорошенькой и весьма сообразительной девушкой.

– С некоторыми детьми так и случается, – согласилась миссис Дримлейн. – Но трудно было ожидать этого от Хелен, учитывая, каким дурным нравом обладали ее бабка и дядюшка. Надеюсь, она и в самом деле переросла свои капризы и стала настоящей леди.

– А ее родители? – Кэтрин еще сильнее стало жаль бедных девочек, неужели им не досталось хотя бы кусочка счастливого детства? Ее собственная мать была строга и ворчлива, но доктор Хаддон не позволял жене третировать детей.

– Арчибальд упрямством и властностью походил на свою мать, и, должно быть, поэтому она не любила его. Тяжело постоянно видеть самое

неприятное из своих отражений...

– Разве отражений бывает много? – Кэти вспомнила недавний сон с разбитым зеркалом, и по ее затылку как будто забарабанили легкие молоточки. Снова дурное предчувствие.

– Разумеется, дитя мое! – Смех старой дамы звучал суховато, но порой в нем пробивались былые звонкие нотки. – Порой ты с удовольствием смотришь на свое отражение, любишь счастливый, красивый или самодовольный свой образ. А порой ты видишь то, чего больше всего на свете хотел бы скрыть от других людей – отчаяние, зависть, позор...

Кэтрин и Бет невольно переглянулись – очевидно, подобные мысли никогда не приходили в голову ни одной из них. Кэти тут же подумалось, что можно продолжить свой сон и наяву нарисовать свой портрет – перед ней расставлено несколько зеркал, и в каждом отражается другая Кэтрин. Ей лишь недавно исполнилось восемнадцать лет, но в ее отражениях уже найдется место и отчаянию, и позору, и самодовольству... Вот только красота ее подводит, прячется под злосчастными округлостями, да и счастье оставило ее однажды, на пороге взросления, да так пока и не вернулось...

– Так вот, если позволите, дорогие мои, я продолжу, чтоб поскорей закончить. Не очень-то мне хочется говорить о Роуз Тармонт и ее семье. Арчибальда она не любила, а он как будто нарочно делал все, чтоб еще больше разозлить ее. Вам не подобает слушать подобные истории, да и Арчи не стоит того, чтоб рассказывать о его похождениях. А вот младшего сына Роуз обожала. Он был таким же тихим и послушным, как и его отец, и женился на подходящей девушке. Соседи говорили, что Роуз помыкала сыном и невесткой так же, как и прислугой, но была по-своему добра к ним, часто дарила подарки и обращалась ласково, лишь бы только ни один из них ей не перечил.

– Вы часто виделись с Тармонтами? – не удержалась Кэтрин от вопроса. – Ваши семьи дружили?

– Трудно было дружить с Роуз, – пожала плечами миссис Дримлейн. – Ее высокомерие и лишённые изящества манеры никак не сочетались с ее красотой. Но порой она вызывала мое восхищение своими резкими, но точными высказываниями. Я часто думала о некоторых людях то же, что и она, но не могла позволить себе высказать это вслух. Это с годами я приобрела необходимую смелость и решительность... Да, думаю, сейчас мы могли бы подружиться с Роуз Тармонт, а тогда большинство соседей терпело ее присутствие на балах и званых обедах. А потом ее сын и невестка умерли, и безутешная мать погрузилась в глубокий траур. К

Тармонтам почти никто не ездил, Роуз не принимала праздных гостей, явившихся выразить лицемерное сострадание. Но об этом я лишь слышала от собственных знакомых – я уже уехала из своего дома, когда случилось это несчастье.

– И она так и не приняла старшего сына! – Кэтрин опять подумала о матери, отославшей ее из дома за единственный проступок.

– Сама Роуз не сильно распространялась об этом. – Миссис Дримлейн переплетала искривленные артритом пальцы, глядя в некоторой задумчивости, как играют в перстнях лучи заходящего солнца. – Все слухи распространяла прислуга – в одном из домов служила дочь дворецкого Тармонтов, в другой устроился кучером сын кухарки... Насколько мы поняли, Арчибальд требовал вернуть ему права наследника, но его выкрики слышали лишь слуги – Роуз не стала даже разговаривать с сыном. Он снова исчез, и в следующий раз о нем, насколько я понимаю, заговорили уже после убийства Роуз.

– Но как же он жил все эти годы? По вашим рассказам трудно представить, чтобы он занялся каким-нибудь делом! – Кэтрин не могла сочувствовать неизвестному ей порочному Арчибальду, но все же жестокость его матери казалась ей не менее отвратительной, чем его пороки.

– Кое-что он получил после смерти отца – наследство от бабушки или тетушки. Да и сам Тармонт оставил ему что-то, Роуз не смогла лишить Арчи всего. А уже после ее смерти поверенные обнаружили пропажу крупной суммы, причем один из этих людей исчез. Полиция выяснила, что средства были переведены некоему лицу с инициалами А.Т. Должно быть, Арчи как-то подкупил этого поверенного и сумел заполучить часть своего отобранного наследства, прежде чем полиция смогла бы его разыскать.

– Вероятно, он сменил имя и внешность, – пробормотала Кэти, вспомнив одного из своих недавних знакомых – вора и мошенника, который проживал в «Охотниках и свинье» в обличье благообразного старичка мистера Тауба.

– Несомненно, иначе его кто-нибудь да узнал бы. Самым разумным с его стороны было сбежать на континент. Ради спокойствия его племянниц будем надеяться, что он именно так и сделал...

Все три дамы могли бы посидеть и поболтать о Тармонтах еще, если бы горничная не пришла за Кэтрин – кто-то из постояльцев внизу требовал ее внимания. А Бетси решила, что жара уже спала настолько, что можно отправляться домой, проследить за тем, как готовится ужин для ее дорогого Джона.

Глава 4

Четыре дня спустя миссис Лофтли, несмотря на жару нарядившаяся в свое лучшее платье из плотного серебристого шелка с дорогими кремовыми кружевами, встречала в холле почетных гостей. Кэтрин тоже уделила своему туалету больше внимания, нежели обычно, – ей не хотелось чем-либо опозорить тетушку перед Синглтонами. Хотя они и не были герцогами или графами, их продолжительное пребывание в «Охотниках и свинье» обещало мистеру и миссис Лофтли весьма существенную выгоду. В душе миссис Лофтли молилась о том, чтобы ремонт в доме Тармонтов тянулся как можно дольше. Джон Харт, заезжавший в поместье присмотреть за своими возчиками, доставлявшими строительные материалы, заверил ее, что всего за пять лет дом пришел в состояние, совершенно неподходящее для свадебного приема. Пожалуй, тремя неделями тут не обойтись, и молодоженам придется остаться в «Охотниках и свинье» и после свадьбы. А если еще они пожелают устроить обед или хотя бы свадебный завтрак... Да, миссис Лофтли не стоило жалеть свое самое нарядное платье ради таких гостей!

Экипаж Синглтонов прибыл в самое неудачное время – как раз перед прибытием дилижанса. В холле собрались постояльцы, стремившиеся покинуть Кромберри. Лавочник и его жена, пожилой викарий с помощником и необъятная дама в фиолетовом платье – вдова владельца похоронной конторы. Дилижанс задерживался, и их ожидание становилось все более нетерпеливым, особенно громко высказывалась о нынешних порядках полная дама. Отчасти их нетерпение удовлетворило зрелище появления почетных гостей, явившихся, надо же, в собственном экипаже!

Мистер Синглтон одышливо пыхтел, ему явно не терпелось добраться до своей комнаты и снять тяжелые дорожные башмаки, миссис Синглтон неодобрительно поглядывала в сторону шумной компании отъезжающих, слегка сжав тонкие губы, обе мисс Тармонт то прислушивались к тому, что говорила им миссис Лофтли, то бесцеремонно оглядывались по сторонам. А Кэтрин из-за своей конторки рассматривала их всех, вместе и поочередно.

Мистер Синглтон выглядел добродушным дядюшкой, со своим красным носом и припухшими глазками, не уступая мистеру Лофтли полнотой и улыбчивостью, но улыбка его была равнодушной, а глазки оставались холодными. Миссис Синглтон оказалась такой же худощавой,

как тетушка Мэриан, и Кэтрин сдержала улыбку, представив себе, что эти две пары как будто являются отражениями друг друга. Только одним повезло владеть большим капиталом, а вторым приходилось угождать первым, чтобы заработать хотя бы небольшое состояние, призванное обеспечить их старость.

Миссис Синглтон улыбалась с притворным радушием, ее слащавые манеры и какой-то змеиный взгляд, стремительно скользивший по холлу и не задерживающийся ни на чем подолгу, сразу пришлись не по душе Кэти. Девушка слегка повернула голову, чтобы получше видеть мисс Тармонт и при этом не казаться чрезмерно любопытной.

Хелен Тармонт, высокая и стройная, не смогла бы прослыть красавицей даже в самом невзыскательном обществе. Тяжелой формы нос, густые брови над темно-серыми глазами и широкие скулы делали ее лицо простоватым, но весь облик выражал уверенность в том, что она везде будет на своем месте. Ее зеленое платье в тонкую белую полоску выглядело слишком модным для Кромберри, и Кэтрин невольно еще сильнее выпрямила спину, чтобы казаться стройнее. Увы, рядом с Хелен Тармонт она будет смотреться как круглобокий чайник возле тонкого хрустального графина.

Оставалась еще Оливия, и Кэти, в надежде на то, что хотя бы один из гостей ей понравится, взглянула на младшую мисс Тармонт. Похоже, из двоих сестер именно эта унаследовала невероятную красоту своей бабки. Оливия была почти одного роста с сестрой, а ведь ей еще, кажется, не исполнилось тринадцати! Девочка была одета в скромное голубое платье, рыжеватые волосы, светлее, чем у сестры, заплетены в косы, но тонкие темно-коричневые брови идеально приподнимались над яркими синими глазами, аккуратный прямой нос обещал и в будущем оставаться в рамках классических пропорций, а милые ямочки на щеках смягчали его строгость. Сестра что-то сказала Оливии, и юная леди вздрогнула и обернулась так стремительно, что Кэтрин испытала зависть. Сама она двигалась с некоторой грацией, свойственной полным людям, но при этом отчаянно завидовала тем, кто обладал природной легкостью и быстротой в движениях.

Пока Кэти думала, что их гости оказались не самыми приятными людьми, во всяком случае, для нее, миссис Лофтли сообщила все, что должна была, о комнатах, отведенных новым постояльцам, пересказала наскоро последние сплетни и предложила подняться наверх.

– «Лавандовая спальня» всегда была нашей лучшей комнатой, – уже, наверное, в третий раз прощепетала она, – а совсем недавно мы обновили

покрывала и портьеры, поставили большое, нет, просто огромное зеркало! И наша Кэтрин нарисовала прелестные картинки с букетиками лаванды, которые сделали комнату еще очаровательнее. У Кэти настоящий талант художника!

При этих словах тетушка Мэриан взмахнула тощей рукой, указывая на чинно сидящую за конторкой Кэтрин.

На лице миссис Синглтон отразилось брезгливое удивление.

– Ваша прислуга... пишет картины? Как это... современно, – приторная улыбка миссис Синглтон была обращена к хозяйке гостиницы, но ее взгляд метнулся на мгновение в сторону мужа – услышал ли мистер Синглтон то, что ее так поразило? И не должен ли высказать свое мнение? Но тучный джентльмен уже направился к лестнице, не дожидаясь супругу – подъем обещал стать для него нелегким испытанием.

– О, Кэтрин не прислуга, она наша племянница! – поспешила развеять недоразумение миссис Лофтли. – Ее отец, доктор Хаддон, и ее дорогая матушка решили, что Кэти будет полезно провести некоторое время в Кромберри. Ее родной городок слишком мал, чтобы для юной леди нашлось подходящее занятие, а проводить все время за рукоделием слишком скучно...

– Пожалуй, я бы выпила чаю, – бесцеремонно перебила ее Хелен Тармонт. – После пыльной кареты у меня першит в горле.

– Я думаю, мы все охотно выпьем чаю, дитя мое. – Миссис Синглтон и не подумала сделать замечание своей воспитаннице. – После того, как немного освежимся.

– Разумеется, прошу, я сама провожу вас. – Миссис Лофтли не выглядела сконфуженной, но по тому, как задергалась жилка на ее тонкой шее, Кэтрин поняла, что гости начинают тревожить ее. Кто знает, какие капризы предстоит вытерпеть хозяевам и прислуге и не покажутся ли эти три недели вечностью? Взбалмошные, придиричivé постояльцы прибывали в «Охотников и свинью» довольно часто, но никого из них миссис Лофтли не ждала с таким усердием и, соответственно, ни в ком еще не была так разочарована.

Все три гостя направились вслед за тетушкой Мэриан вверх по лестнице, и Кэтрин сосредоточилась на происходящем в холле. Пока миссис Лофтли беседовала с Синглтонами, дилижанс наконец прибыл, и мистер Лофтли, которого жена старалась не подпускать к самым изысканным постояльцам, проводил одних гостей с пожеланиями всех благ и скорейшего возвращения в Кромберри и встретил других, прибывших в «Охотников и свинью» не в собственном экипаже.

На смену шумной даме в фиолетовом платье явилась другая, чуть более стройная, но ничуть не менее вульгарная. Бордовое платье с рюшами и потертым бархатным шнуром на лифе и рукавах только добавляло красноты обрюзгшему лицу с мясистым носом и маленькими желтоватыми глазками. Толстые красные губы постоянно двигались, басовито восхваляя все, что увидела гостя, включая дядюшку Томаса, чьи щеки стали почти такого же цвета, как платье миссис Фишберн, так звали эту даму.

За обширной спиной миссис Фишберн две другие гости могли укрыться от ветра, будь на дворе стылый ноябрь. Пока мистер Лофтли отвечал на вопросы миссис Фишберн относительно стоимости комнаты и обедов, две дамы переговаривались между собой, поглядывая на лестницу, по которой поднимались гости миссис Лофтли.

– Это она? – спросила худенькая бледная девочка в потертой коричневой пелерине и унылом сером платье без кружев и рюшей.

– Да, милая. – Пожилая женщина, чья худоба и желтизна выглядели до неприличия нездорово в такой чудесный летний вечер, одернула потрепанные кружева на узких манжетах. Ее изможденное лицо осветилось каким-то сильным чувством, глаза потемнели и прищурились.

– Лучше бы мы остались в Роквелле, – тихо сказала девочка, поежившись, словно ей стало холодно в прогретом солнцем холле. – Я боюсь...

– Я тоже напугана, дорогая моя, но мы должны сделать это, так будет правильно, по-христиански! И все будет хорошо, я уверена, здесь нас с тобой ждет удача, вот увидишь!

Девочка только вздохнула, но ничего не успела сказать – мистер Лофтли сумел избавиться от миссис Фишберн, передав ее в руки горничной, и повернулся к оставшимся гостям.

– Милые дамы! – начал он со всей галантностью, будто бы не замечая бедности, третьей тенью следовавшей за его новыми постоялицами. – Вы не предупредили о своем приезде, но, к счастью, у нас найдется для вас свободный номер. «Вишневая спальня», «Комната с овцами» и «Комната с гобеленом»... Я покажу вам все три. Ах, простите, «Комнату с гобеленом» уже займет та дама.

– «Комната с овцами»? – пробормотала девочка, и Кэтрин, расслышавшая эти слова, улыбнулась – из всех вычурных названий, придуманных миссис Лофтли для номеров в гостинице, «Комната с овцами» звучала самым необычным образом.

– Мы возьмем ту, что стоит дешевле всего, – решительно заявила женщина.

Мистер Лофтли уважительно кивнул – в «Охотниках и свинье» нередко останавливались постояльцы со скромным достатком, но большинство из них стремилось так или иначе завуалировать стремление потратить на проживание как можно меньше. Придумывались те или иные предлоги и отговорки, и дяде Томасу порой приходилось туго, так как он не сразу мог понять, чем гостей не устраивает ни одна из предложенных комнат. Обычно на помощь ему приходила миссис Лофтли, деликатно напоминая, что у них есть и комнаты для людей с простым, но изысканным вкусом. Сейчас же дядюшка Томас справился сам.

– Тогда, конечно же, вам подойдет «Комната с овцами»! В ней две кровати, а на стенах прелестные обои с пушистыми овечками, они наверняка придутся по сердцу юной леди!

Женщина кивнула, и мистер Лофтли провел гостей к конторке, чтобы записать в книгу их имена.

– Миссис Луиза Мидлхем, вдова, и мисс Полин Мидлхем, – представилась пожилая дама сама и назвала свою спутницу.

Кэтрин, записывавшая их имена, невольно задумалась, кем приходится девочка этой даме. Внучкой, племянницей?

Мистер Лофтли уже распорядился, чтобы лакей отнес наверх багаж миссис Фишберн и миссис Мидлхем, и собрался вздремнуть перед ужином. Миссис Мидлхем и Полин также направились вверх по лестнице вслед за горничной, и Кэтрин осталась одна в холле.

Со второго этажа слышались голоса, сливающиеся в неясный гул. Над ним парил звучный глас миссис Фишберн, но выражает она удовлетворение от своей комнаты или, наоборот, высказывает претензии, разобрать было невозможно.

Кэтрин улыбнулась и, быстро оглядевшись, вытащила из-под стопки конторских книг свой блокнот. Сегодняшние приезжие выглядели многообещающе, если посмотреть на них взглядом художника. И Кэти не терпелось изобразить мистера и миссис Синглтон и миссис Фишберн. Вот только образы для них она еще не придумала. Частенько на ее рисунках люди преображались в животных, имеющих явное сходство с оригиналом и находившихся в ситуациях, высмеивавших их недостатки – гордыню, сварливость, пренебрежение к другим. Миссис Синглтон, пожалуй, будет выглядеть как напыщенная гусыня, постоянно подносящая к клюву нюхательные соли, так как на птичьем дворе слишком дурно пахнет. А ее супруг напоминал дородного индюка, но этот образ казался Кэтрин слишком банальным. Ничего другого не придумывалось, и она вновь спрятала блокнот, сделав в нем лишь несколько зарисовок на память.

Приближалось время ужина, и гости наверняка спустятся вниз, а Кэтрин более всего страшилась, что кто-нибудь увидит ее блокнот и изображенное в нем. Тогда уж ей не миновать позорного изгнания из Кромберри и возвращения домой, под суровую материнскую опеку.

Глава 5

– Так, значит, Синглтоны тебе не понравились, – улыбнулась миссис Дримлейн, оставив чашку.

– Совсем не понравились, – подтвердила Кэтрин – со старшей подругой она могла быть полностью откровенной.

– А мисс Тармонт?

– Хелен мне показалась такой же высокомерной, как и миссис Синглтон, да даже ее горничная, Сьюзен, смотрит на нашу прислугу так, как будто она герцогиня!

Слуги Синглтонов приехали поздним вечером с двумя экипажами, нагруженными вещами из дома Тармонтов, которые должны были торжественно занять свои прежние места. Приезжающие с постояльцами слуги обычно размещались наверху в мансарде, в маленьких, но отдельных комнатках, рядом с комнатами гостиничной прислуги. Однако же Сьюзен решительно заявила, что будет спать в комнате с юными леди, и в «Комнату с портретом» пришлось поставить дополнительную кровать.

– Тебе не доводилось часто видеть горничных, прислуживающих состоятельным леди, – улыбнулась старая дама. – Высокомерие по отношению к остальной прислуге, к торговцам, стряпчим и другим людям, зарабатывающим на хлеб тяжелым трудом, чаще всего отличает этих девушек. Так уж устроен мир, дорогая, и я не могу объяснить тебе почему. К тому же с юными леди, как я понимаю, нет гувернантки, а жить вдвоем в гостиничном номере означает нарушить приличия. Миссис Синглтон правильно сделала, что поселила горничную вместе с девочками.

Кэтрин промолчала. Ей показалось, что миссис Синглтон более занята собой и, отчасти, своим супругом, а ее подопечные предоставлены сами себе. И Сьюзен, отнюдь не молодая девушка, а женщина хорошо за сорок с вечно поджатыми губами и нахмуренными темными бровями, сама решает, как именно опекать обеих мисс Тармонт. Впрочем, надо отдать этой женщине должное – именно она не оставила осиротевших девочек одних в пустом доме после страшной гибели их бабушки, а до того не покинула Тармонтов после смерти молодой миссис Тармонт, которой прислуживала с юных лет. Должно быть, после всего пережитого вместе с этой семьей Сьюзен считает, что может вести себя скорее как компаньонка, нежели как простая прислуга.

Хелен утром выходила из гостиницы прогуляться в сопровождении

горничной, а младшая мисс Тармонт оставалась дома. Завтрак им подали прямо в номер, как и мистеру и миссис Синглтон, и остальные постояльцы были лишены возможности лицезреть самых, на сегодняшний день, родовитых гостей мистера и миссис Лофтли.

Позже Синглтоны и Оливия направились засвидетельствовать свое почтение судье Хоуксли, который был так добр к девочкам после трагедии, случившейся в их доме.

– Им следует возобновить старые связи, если Хелен собирается жить в своем доме после замужества, – заметила миссис Дримлейн. – Синглтоны незнакомы с нашими соседями, но им придется взять с собой девочек и нанести визиты нескольким семействам, проживающим рядом с их поместьем. И, разумеется, пригласить на венчание. Как зовут жениха Хелен?

– Мистер Роджер Теннерсон, но больше мне ничего о нем не известно, тетушка Мэриан не рассказала ни о его занятиях, ни о том, откуда он придет в Кромберри.

– Что ж, посмотрим... Теннерсон... Эта фамилия ни о чем мне не говорит. Возможно, Хоуксли расскажет нам что-нибудь любопытное, он обещал завтра заглянуть на чай, если стол накроют в летней беседке. Кажется, он, как и ты, все еще не может находиться в «Зале фей» без того, чтобы не вспоминать об убийстве несчастной Дженни.

Кэтрин согласно кивнула. Она любила чаепития с судьей Хоуксли и миссис Дримлейн. Двум старым друзьям всегда было о чем рассказать своей юной приятельнице, и Кэти не находила их старыми скучными ворчунами. К тому же чувствовала себя польщенной, что ей оказывается такая честь. Судья Хоуксли был известен в графстве своими строгими и справедливыми суждениями, а миссис Дримлейн, несмотря на возраст и выпавшие на ее долю горести, обладала живым воображением и своеобразным чувством юмора.

Назавтра Хоуксли явился в «Охотников и свинью», как и обещал. Сидя за накрытым белоснежной скатертью чайным столом, он рассказывал своим слушательницам, что собирался во время своего визита сделать еще одно дело – передать Синглтонам одну вещицу. К его некоторому огорчению, ни их, ни обеих мисс Тармонт не оказалось в гостинице – все четверо уехали навестить Ричарда Дримлейна и его семью. Накануне миссис Дримлейн написала сыну о возвращении внучек Роуз Тармонт и их опекунов, и Ричард любезно пригласил будущих соседей провести день в своем поместье, познакомиться с его женой и сыновьями. Мальчики

должны были развлечь Оливию, явно скучавшую без общества ровесников или хотя бы гувернантки.

– После той ужасной трагедии девочки провели некоторое время в моем доме, до тех пор, пока Синглтоны не приехали за ними, – говорил судья, одобрительно поглядывая на Кэтрин, споро разливавшую чай. – После их отъезда горничная нашла в комнате младшей мисс Тармонт этот медальон, должно быть, она спрятала его в ящик бюро, а потом забыла. Неудивительно, учитывая потрясение, которое пришлось пережить бедняжкам. Адреса Синглтоны не оставили, а доверить эту вещь поверенным Тармонтов я не решился. Должно быть, это единственная память бедняжки Оливии о последних счастливых днях детства – портрет в медальоне написан еще при жизни родителей девочек. Полагаю, его носила молодая миссис Тармонт. К сожалению, я, никчемный старик, совсем забыл о нем вчера, когда Оливия и ее опекуны были в гостях у нас.

Миссис Дримлейн и Кэти дружно заверили судью Хоуксли, что его ну никак нельзя назвать никчемным стариком, а после так же дружно наклонились над раскрытым медальоном, внутри которого можно было рассмотреть портрет двух девочек.

– Хелен обещала вырасти более красивой, – заметила миссис Дримлейн, и Кэтрин с ней охотно согласилась. – Она похожа на мать, бедняжка не была красавицей. А вот Оливия уродилась в свою бабушку, она и здесь уже похожа на Роуз, а сейчас становится ее точной копией, мне даже стало не по себе, когда я ее увидела вчера в коридоре. Как будто призрак молодой Роуз явился передо мной.

Кэтрин взглянула на судью – с некоторых пор ей не нравились разговоры о призраках, и судья Хоуксли разделял эту неприязнь.

– Девочка и впрямь походит на свою бабушку, – согласился он. – А призраки нам тут вовсе ни к чему, ни покойной Роуз Тармонт, ни кого-то еще. Правда, Оливия могла бы быть поживее, она показалась мне какой-то вялой и совсем не заинтересовалась щенками, которыми наградили меня мои зловредные внуки, дай бог сил их гувернеру!

– Должно быть, еще не пришла в себя после долгой дороги. Либо мысль о возвращении в дом, где случилось столько горя, пугает ее.

Судья кивнул головой. Он тоже думал о том, каково девочкам возвратиться в поместье Тармонтов, и разделял мнение о продаже дома и хотя бы части земель как о лучшем выходе из положения. Миссис Дримлейн спросила его, что рассказывали Синглтоны о женихе Хелен, но Хоуксли не смог удовлетворить ее любопытство в полной мере.

– По словам миссис Синглтон, молодой человек приятен наружностью,

хорошо образован и галантен, как и подобает истинному джентльмену, но небогат. Как и мисс Тармонт, он сирота, воспитанный дядей, скромным сельским сквайром. Мистер Теннерсон и его дядюшка познакомились с Синглтонами и старшей мисс Тармонт на балу прошлой зимой, их представили какие-то знакомые, и мистер Теннерсон сразу начал оказывать особенные знаки внимания мисс Хелен. Кажется, мистер Синглтон в этот момент заметил что-то о том, что юношу не отпугнули довольно резкие манеры юной леди, всегда высказывающей свои суждения без всякой возможности окружающим их оспорить.

Последнюю фразу судья произнес со снисходительной улыбкой, похоже, он придерживался современных взглядов и не собирался осуждать молодых девушек за наличие у них собственного мнения.

Миссис Дримлейн пожалала плечами, и Кэтрин поняла, что старая дама уверилась в корыстных побуждениях мистера Теннерсона. Приданое мисс Тармонт должно было привлечь охотников за богатыми невестами, и для сироты, выросшего в скромном поместье, убийство бабушки невесты ее дядей не являлось непреодолимым препятствием к ухаживаниям и предложению. Понравился ли молодой джентльмен Хелен или она попросту решила избавиться от опеки Синглтонов и сама распорядиться своими средствами, подчинив себе мужа, как это в свое время сделала ее бабка, – покажет время.

Так выразилась миссис Дримлейн, и судье Хоуксли, и Кэтрин пришлось согласиться. После этого они заговорили о других событиях, произошедших в Кромберри и окрестностях, но беседа частенько прерывалась ввиду необходимости отдать должное чудесным пирожным с малиной. После чаепития судья откланялся, оставив медальон Оливии миссис Дримлейн, обещавшей передать его девочке сразу же, как вся компания вернется в «Охотников и свинью».

Кэтрин пора было возвращаться за свою конторку, впереди ее ждал еще один долгий день в душном холле.

– Что ж, нам остается только дожидаться явления этого мистера Теннерсона и самим посмотреть, выглядит ли он влюбленным или просто довольным своей участью, – напоследок вернулась к Тармонтам и предстоящей свадьбе миссис Дримлейн и тяжело поднялась с кресла. – Пожалуй, лучшее, что можно сделать в такую жару, – пойти вздремнуть час или два. Разбуди меня раньше, малиновка, если случится что-то необыкновенное!

Этой шуткой старушка заканчивала едва ли не каждое свое заявление о намерении немного отдохнуть после завтрака, перед ужином или же среди

дня в дождливую погоду, но Кэтрин, как правило, не пользовалась этим позволением. Любой день в «Охотниках и свинье» можно было назвать необычным, во всяком случае, Кэтрин решила так сразу после своего воцарения за конторкой и теперь, спустя восемь месяцев, все еще продолжала так думать.

Кто-то из постояльцев потерял зонтик, чья-то супруга заблудилась на незнакомых улицах Кромберри, а чей-то супруг выпил лишнего в пабе мистера Лофтли, расположенном неподалеку от гостиницы. Горничная опрокинула чайный поднос на лестнице, и пирожки разлетелись по всему холлу, а чайник приземлился точно под ноги зашедшему к миссис Дримлейн судье Хоуксли. Лакей перепутал багаж, и викарий с ужасом увидел в своем сундуке предметы дамского туалета... Сколько подобных происшествий, смешных, драматических, а порой и опасных для здоровья происходило в старой гостинице, а сколько их еще произойдет! Но ничего из этого не стоило того, чтобы нарушить укрепляющий здоровье сон старой дамы. И Кэтрин не забывала радоваться этому, вспоминая кошмары ушедшей зимы. Пусть уж самое ужасное, что может случиться за день, это подгоревшее жаркое или прокисший крем, разбитая ваза или потерянный молитвенник.

Но сегодня Кэтрин ерзала за своей конторкой, встревоженная и задающая себе один и тот же вопрос: а не разбудить ли ей и в самом деле миссис Дримлейн? Или поговорить с тетужкой Мэриан? Беспокойство смешивалось со страхом, хотя она пыталась убедить себя, что ей-то уж ничего не грозит, а вот вмешиваться в чужие дела означает навлечь на себя неприятности.

Обеспокоил ее всего лишь обрывок разговора, донесшийся до нее, когда Кэти ранним вечером спускалась по скрипучей лестнице из мансарды, где находилась гладильная комната, со стопкой только что отглаженных скатертей. Уже на верхних ступенях лестницы Кэтрин услышала голоса, но разобрала слова, только когда была на середине пути.

– Разве я могу пропустить свадьбу своей племянницы? – грубый голос прозвучал резко и насмешливо, а вот ответ Кэти не расслышала. Женский голос что-то возмущенно произнес, но скрип старой лестницы заглушил слова, а внизу, в свою очередь, услышали, что кто-то спускается из мансарды. Хлопнула дверь, несколько мгновений Кэтрин слышала мерный звук шагов, но к тому времени, как она осторожно спустилась на второй этаж со своей ношей, в коридоре уже никого не было.

Она отнесла скатерти в ресторан и передала горничной, выпросила у помощницы кухарки стакан воды с долькой лимона, устроилась за

конторкой и только после этого задумалась: а чьи слова она услышала? Из четырнадцати номеров в «Охотниках и свинье» было занято сейчас только девять, и к свадьбе готовилась лишь одна из прибывших компаний – Синглтоны и их воспитанницы. Выходит, речь шла о Хелен Тармонт?

«Боже мой, этот голос говорил о своей племяннице! – Рассказ Бет Харт тотчас вспомнился Кэтрин во всех подробностях. – Только один человек может назвать Хелен племянницей – исчезнувший Арчибальд Тармонт!»

Но это означает, что убийца своей матери, жестокий беспринципный негодяй сейчас здесь, в Кромберри! В «Охотниках и свинье»!

Кэти быстро придвинула к себе конторскую книгу и просмотрела имена гостей. Кроме мистера Синглтона в гостинице проживали еще лишь двое мужчин – почтенный старый торговец и поверенный, прибывший из Честера решить какие-то дела с наследством. Отошедший от дел торговец был слишком стар, а юрист – слишком молод, чтобы приходиться дядюшкой Хелен и Оливии. Выходит, мужчина пришел в гостиницу и даже поднялся на второй этаж, и никто его не остановил!

У Кэтрин заныло под левой лопаткой от страха и чувства вины. Она не должна покидать свою конторку днем, пока двери гостиницы открыты, и уж тем более распивать чай с постояльцами. Но тетушка Мэриан, неспособная в нынешнем положении платить племяннице хорошее жалованье или нанять еще одну девушку ей на смену, закрывала глаза на отступления от правил. Если кто-то из постояльцев не заставал никого за конторкой, он мог позвонить в колокольчик, и горничная тотчас отыскала бы Кэтрин или саму миссис Лофтли.

Конечно, у дверей гостиницы должен был бы стоять швейцар, или хотя бы лакей дежурить в холле, но и этой роскоши дядя Томас не мог себе позволить. Единственный оставшийся лакей, Эндрю, был постоянно занят поручениями хозяев и постояльцев и появлялся в холле, только чтобы помочь с багажом новым гостям и проводить отъезжающих или же передать Кэти какое-то поручение, которое не мог выполнить сам.

Кромберри считался безопасным городком, во всяком случае, бродяги и пьяницы на Мэйн-стрит не показывались, поэтому Кэти чувствовала себя спокойно, сидя в одиночестве. Даже после совершенного в гостинице убийства она не стала просить дядюшку запирать двери – это противоречило бы представлениям мистера Лофтли о радушном приеме.

И вот сейчас, кажется, кто-то может полатиться за эту вынужденную простоту нравов в «Охотниках и свинье». Кэти огляделась, но в холле, конечно же, никого не было. Из ресторана были слышны голоса – тетушка Мэриан распорядилась относительно завтрашнего обеда, а мистер Лофтли

о чем-то спорил с торговцем вином. Похоже, незваный гость улучил момент и пробрался в гостиницу незамеченным. Кэтрин пообещала себе позже спросить горничных и лакея, не видели ли они незнакомого мужчину, поднимающегося наверх, к номерам, но в душе была уверена, что ответ будет отрицательным. Только постояльцам и их слугам позволительно было входить на второй этаж, а посторонних гостиничной прислуге было приказано останавливать. Или, если уж дело зайдет слишком далеко, звать на помощь дядюшку Томаса и бежать за констеблем.

«Так, значит, он спокойно вошел, поговорил с кем-то и так же преспокойно вышел на улицу. Сколько лет он не был в Кромберри, ведь миссис Тармонт прогнала его задолго до своей смерти? Может ли кто-нибудь узнать его сейчас? – размышляла Кэтрин, приходя все в большее волнение – помимо страха ее начинало кусать за пальцы любопытство. И следующая мысль подбросила ему еще больше пищи. – А к кому же он приходил?»

Миссис Синглтон – ответ напрашивался сам собой. Раздраженный голос, чьи слова Кэти не разобрала, принадлежал женщине. Но тогда, выходит, эта достойная леди знакома с преступником, с убийцей? И не позвала полицию?

– Может быть, он сумел запугать ее, как запугал слуг в доме своей матери? И Синглтоны платили ему деньги, чтобы уберечь девочек от беды? Если он убил родную мать, то разве пожалеет племянниц ради наследства?

Миссис Синглтон и девочки вернулись из гостей раньше обычного, от жары у миссис Синглтон разболелась голова, а мистер Синглтон остался ночевать у Ричарда Дримлейна. Назавтра он собирался проверить, как идут работы в доме Тармонтов, и не видел смысла возвращаться в Кромберри, когда от Дримлейнов лишь три мили до поместья Тармонтов.

Кэтрин прижала пальцы к вискам. Одна она никак не справится с этой новостью. Надо поскорее рассказать об услышанном миссис Дримлейн! И хорошо бы написать судье Хоуксли и попросить снова зайти на чай, да поскорее! Вот кому можно довериться! Уже несколько месяцев судья Хоуксли проводил довольно много времени в обществе миссис Дримлейн и ее молодых приятельниц и никогда не насмехался над доводами или, лучше сказать, домыслами Кэтрин. Он оценил ее способность нарисовать портрет преступника, наблюдательность и искреннее желание покарать злодея, убившего ее подругу и, как выяснилось, еще нескольких несчастных девушек. И едва не задушившего Бетси!

«Хоть бы Бет зашла! – досадовала Кэтрин, не решаясь покинуть свое место – вдруг в гостиницу снова вернется тот человек, Арчибальд Тармонт

– больше ему нечем быть! – Когда ее не ждут, она является, а сегодня, как нарочно, Бет не видно!»

Что она сама будет делать, если в холл внезапно войдет жестокий и коварный Арчибальд Тармонт, Кэтрин даже не подумала. Тем более что она не имела представления о его внешности. Да и мало кто в Кромберри вспомнил бы его сейчас, после стольких лет отсутствия, навряд ли он часто приезжал в городок. В ночь убийства миссис Тармонт никто не видел ее сына, и ни Кэтрин, ни Бет, ни даже миссис Дримлейн ни на минуту не задумались о том, а точно ли убийцей был сын старой дамы? Им вполне мог оказаться грабитель, беглый каторжник или браконьер, решивший ограбить богатый дом и случайно заставший не спящую в поздний час хозяйку! Бетси ведь упоминала, что из дома исчезло довольно много маленьких, но дорогих вещичек, которым если кто и ведет счет, то только дворецкий. Нет, три дамы разделяли мнение всех, или почти всех, жителей Кромберри и соседних поместий – склочную старуху убил ее беспутный сын! И этот сын вновь явился в городок, чтобы, в этом Кэтрин не сомневалась, потребовать у племянницы или у ее опекунов денег из наследства, которого он, по собственному мнению, был несправедливо лишен.

У Кэтрин лоб покрылся испариной, то ли от жары, то ли от возбуждения. Она дождалась, когда по холлу будут пробегать по своим делам горничные, и спросила их о незнакомцах, заходящих сегодня в «Охотников и свинью». Как она и ожидала, девушки видели только знакомые лица – постояльцев, навещавших их друзей из местных жителей, а еще торговцев, посыльных и всех тех, кто помогает такому колоссу, как старая гостиница, твердо стоять на ногах. Эндрю тоже никого не заметил, но сметливый малый сразу догадался, что мисс Хаддон задает вопросы неспроста, и попытался, в свою очередь, выведать, что ее встревожило. Кэти не хотела выдавать лакею все секреты их гостей, но призналась, что слышала на втором этаже незнакомый голос, не принадлежавший никому из постояльцев (почему она решила именно так, она объяснять не стала). Эндрю был неприятно удивлен такой новостью – мистер Лофтли будет очень недоволен, если у кого-нибудь из гостей пропадут деньги или ценности.

Мысли лакея сразу же завертелись вокруг воображаемого грабителя, и он пообещал по мере сил присматривать за холлом, если мисс Хаддон понадобится отлучиться. Кэтрин приняла эти слова за справедливый упрек и густо покраснела. К счастью, Эндрю не мог задерживаться рядом с конторкой надолго, и девушка вновь осталась одна, кусать губы и щелкать

пальцами в ожидании, когда миссис Лофтли сменит ее. Вечером, когда постояльцы возвращались с прогулок или из гостей, хозяйка гостиницы предпочитала сама сидеть за конторкой и обмениваться с гостями сплетнями и новостями. А к тому времени и миссис Дримлейн уж наверняка проснется и разделит с Кэтрин бремя чужой тайны.

Глава 6

Но в этот вечер им так и не удалось поговорить: к миссис Лофтли явились дамы из попечительского совета, обсудить грядущий приходской праздник, и Кэтрин пришлось чинно сидеть рядом с тетушкой и записывать все, что сумели придумать эти уважаемые матроны, стараясь перещеголять одна другую.

На следующий день, как оказалось, миссис Дримлейн с самого утра уехала к сыну, явно из побуждения расспросить поподробнее о вчерашнем визите Синглтонов и мисс Тармонт. Старая леди редко ездила в поместье Дримлейнов, но, должно быть, любопытство и жара побудили ее покинуть свое кресло в «Зале фей» и провести полдня на берегу пруда с невесткой, внуками и корзинкой с пикником.

Прежде чем Кэти поговорила со старшей подругой, она наблюдала, как миссис и мистер Синглтон и Хелен Хармонт спускаются по лестнице, чтобы провести вечер в гостях у одного из соседей Тармонтов – очаровательного мистера Блантвилла. Репутация Чарльза Блантвилла была довольно потрепанной благодаря его слабости к любовным похождениям и последовавшему за этим побегу его жены, отдавшей предпочтение учителю рисования, дававшему уроки ее сыну. После скандального развода Блантвилл женился на гувернантке маленького Лоренса, но его супружеское счастье длилось недолго. Подарив ему здоровенькую дочь, новая миссис Блантвилл умерла во время вторых родов, и вдовец не стал рисковать, вступая в третий брак. Блантвиллов неохотно принимали соседи, несмотря на веселый нрав и очаровательные манеры отца и сына, и старший Блантвилл живо согласился возобновить знакомство со старыми соседями, хоть и не мог, по правде говоря, вспомнить личико Хелен и уж тем более малышки Оливии. Старая миссис Тармонт ни за что бы не пустила Блантвилла на порог, но миссис Синглтон сочла, что в нынешней ситуации не стоит быть слишком разборчивой – Хелен и ее будущий муж не должны жить отшельниками, когда в округе собирается более или менее блестящее общество.

Как и предполагала миссис Дримлейн, Синглтоны собирались подружиться с соседями Тармонтов и наиболее почтенными горожанами еще до венчания Хелен. Сегодняшний вечер должен был этому отчасти поспособствовать – к Блантвиллу собирались ехать послушать знаменитого скрипача сам судья Хоуксли, главный констебль Грейтон и викарий

Фриддел с сестрой, мисс Фриддел. Вслед за этими столпами общества принять приглашение Чарльза Блантвилла согласились и жители нескольких поместий, отягощенные дочерьми и племянницами на выданье. Как бы там ни было, Лоренс Блантвилл был хорош собой и должен был унаследовать немалое состояние.

И вот Кэтрин с любопытством рассматривает туалеты миссис Синглтон и Хелен, довольная тем, что может отвлечься от гнетущих ее тревог о шатающемся по коридору убийце.

Миссис Синглтон в сине-зеленом переливающимся платье и подходящем ожерелье еще больше напомнила Кэтрин змею, гладко скользящую по холлу к дверям. За ней семенил муж, вздыхая и жалуясь на то, что лестница здесь слишком крутая.

В отличие от своей опекуни Хелен Тармонт нарядилась подчеркнуто скромно, как и подобает юной леди, желающей благосклонного приема в незнакомом обществе. Ужасная трагедия проклятием легла на репутацию ее семьи, но кто из соседей не пожалеет милую скромную девушку, сироту, волею обстоятельств возвратившуюся в родные места, где все будет напоминать ей о трагедии? Пять лет не так уж мало, но и немного для тех, кто любит страшные истории у рождественского камина. А историю Тармонтов еще долго будут пересказывать едва ли не в каждом доме. Гладкая прическа, лишь несколько темных локонов опускаются вдоль щек, смягчая широкие скулы, бледно-розовое платье с тонкой, изящной вышивкой и легкая кружевная шаль, прикрывающая плечи от вечерней сырости, – ничего лишнего. Но Кэтрин все же успела разглядеть помолвочное кольцо на тонком пальчике – крупный бриллиант в виде сердца или капли. Есть чем похвалиться перед другими юными леди, которые будут на вечере.

«Должно быть, ее жених не так уж беден, как показалось судье Хоуксли, – подумала Кэти, провожая взглядом мисс Тармонт. – Отчего же у него нет собственного поместья? Для них всех было бы лучше поселиться где-нибудь подальше от Кромберри, где ее безумный дядюшка не нашел бы ее! Ах, бедняжка! Что, если он как-то попытается навредить ей и ее жениху?»

Беспокойство о девушке, которая едва ее замечала, не оставляло Кэтрин весь долгий вечер до того часа, когда Эндрю запер дверь и остался дежурить в холле в ожидании припозднившихся гостей. Ни Синглтоны и Хелен, ни миссис Дримлейн до сих пор не вернулись, и разочарованная Кэти оставила свою конторку, чтобы еще немного посидеть в общей гостиной с теми из постояльцев, кто предпочитал общество уюту своих

спален.

В «Зале герцогини», так гордо именовалась гостиная на первом этаже, в отличие от романтического «Зала фей» на втором, было довольно прохладно из-за открытых весь день окон, и Кэтрин, поздоровавшись, присела на небольшой диван вблизи зажженной лампы. В руках она держала книгу, но не собиралась читать, волнение и беспокойные мысли не позволяли ей сосредоточиться на романе, еще вчера так увлекавшем ее. Делая вид, что читает, девушка рассматривала собравшееся здесь общество, состоящее исключительно из особ женского пола. Молодой стряпчий уже покинул Кромберри, а почтенный торговец отдыхал у себя в комнате. У чайного стола пожилая женщина с расплывшимся лицом, жена торговца, терпеливо слушала пространные истории миссис Фишберн, запутанные и наполненные вульгарными словечками. Чуть поодаль возле небольшого столика сидели миссис Мидлхем с шитьем и мисс Мидлхем с маленьким альбомом для рисования.

Кэтрин тотчас захотелось заглянуть в альбом девочки, ей было любопытно, что могла изобразить их юная гостья – пейзаж Кромберри, букет слегка увядших за день полевых цветов в вазе или портрет своей матери.

В «Охотниках и свинье» уже стало известно, что миссис Мидлхем приходилась Полин матерью, несмотря на определенно неподходящий возраст. Доктор Голдблюм рассказал в богадельне, которую навещал по четвергам, о визите миссис Мидлхем и намекнул, что бедная женщина доживает свои дни, мучимая смертельным недугом. А хозяйка почтового отделения миссис Морвейн, не утратившая любви к сплетням после смерти дочери, разнесла по всему Кромберри весть о том, что бедная вдова постоянно пишет кому-то письма. Правда, миссис Морвейн не осмелилась раскрыть имена адресатов, но ее многозначительные намеки только подогревали интерес сплетников, и забежавшая в гостиницу Бет Харт уже успела рассказать Кэтрин о распространившихся слухах. По словам Бет, миссис Мидлхем либо была искусной шантажисткой, вымогавшей деньги у состоятельных семейств, подкупая их слуг и выведывая семейные тайны, либо скрывающейся от правосудия преступницей, похитившей Полин еще малышкой. Теперь, на пороге смерти, миссис Мидлхем устыдилась своего проступка и пытается разыскать настоящих родителей девочки.

Кэтрин только покачала головой – чего только не напридумывают от безделья дамы из попечительского совета! Еще можно понять стариков из богадельни, болтовня – их единственное развлечение, но уж столпы общества Кромберри, каковым считали себя эти почтенные леди во главе с

сестрицей викария, могли бы найти себе занятие получше. Миссис Лофтли, чрезвычайно гордившаяся тем, что ее, хозяйку гостиницы, приняли в это общество, не прочь была посудачить о горожанах, но старалась не обсуждать своих постояльцев. Репутация гостиницы была для нее важнее места в попечительском комитете, в конце концов, кормили ее «Охотники и свинья»! Поэтому она лишь покачала головой, услышав эти домысла, и посоветовала Бетси оставить в покое бедную больную женщину и несчастного ребенка, который скоро останется сиротой.

Сейчас Кэти размышляла о судьбе Полин, отвлекшись на некоторое время от тревоги из-за находящегося где-то неподалеку мистера Тармонта. Кто будет заботиться о девочке после смерти матери? Есть ли у нее другие родственники или опекун? Скорее всего, миссис Мидлхем пишет именно им в надежде, что кто-нибудь заберет к себе Полин, но надежды эти не оправдываются. Возможно, кто-то из этих людей живет неподалеку, и Мидлхемы приехали, чтобы лично навестить родственников. Судя по одежде обеих дам, миссис Мидлхем если и была шантажисткой, то весьма неудачливой. И Полин вполне может ожидать работный дом. Кошмар, который снится по ночам тысячам бедняков.

Громкое восклицание миссис Фишберн отвлекло Кэти, а когда она снова осторожно повернула голову в сторону миссис Мидлхем и Полин, то с удивлением увидела, что рядом с ними устроилась за столиком Оливия Тармонт. Девочки склонились друг к другу, Полин что-то показывала в своем альбоме, а Оливия задумчиво крутила в пальцах карандаш, как будто хотела поправить рисунок, но не решалась.

Кэтрин удивилась. Когда эти юные леди успели познакомиться? Полин неотлучно находилась при матери, сопровождая ее во время выходов в город, а за Оливией, в отсутствие ее опекунов, бдительно смотрела горничная миссис Синглтон, вечно недовольная Сьюзен.

Впрочем, девочкам одинакового возраста не так уж трудно сдружиться, если им одиноко и скучно. После завтрака, на который миссис Синглтон соизволила сегодня спуститься вместе с воспитанницами, Оливия некоторое время прогуливалась по холлу, разглядывая обстановку, а мисс Мидлхем ждала свою мать, чтобы вместе отправиться в город. Кэтрин вышла из-за своей конторки, чтобы поговорить с дядюшкой об ошибочно доставленной им почте, и некоторое время девочки оставались в холле вдвоем. Должно быть, десяти минут им хватило, чтобы завязать знакомство.

Миссис Мидлхем о чем-то тихо спросила Оливию, и та вздрогнула от неожиданности и несколько мгновений раздумывала, прежде чем ответить.

Затем снова наклонилась над альбомом и наконец принялась что-то подправлять своим карандашом.

Обе девочки, несмотря на разницу в положении, были очень хорошенькими. Скорее всего, в молодости и добром здравии миссис Мидлхем была хороша собой, и это от нее Полин унаследовала густые темные волосы и ямочку на узком подбородке. Если бы мать Полин могла позволить себе больше тратить на еду и туалеты для дочери, мисс Мидлхем ничуть не уступала бы в очаровании Оливии, так похожей на свою печально известную красавицу-бабку.

«Как хорошо было бы нарисовать портрет их обеих! Или миниатюру, как в медальоне мисс Тармонт, – подумала Кэтрин, нехотя наклоняясь к своей книге после того, как заметила устремленный на нее любопытный взгляд миссис Фишберн. – Мисс Мидлхем будет гораздо красивее Хелен Тармонт, но ее ожидает бедность и печаль, если только ее мать не устроит ее судьбу как-нибудь лучше».

Будучи дочерью врача, Кэти не питала иллюзий относительно возможного выздоровления миссис Мидлхем. Налицо были признаки неизлечимой опухоли, таких больных Кэтрин видела не раз в приемной своего отца и замечала, как после каждого такого визита омрачалось лицо доктора Хаддона, а между его седеющих бровей пролегала безнадежная складка.

Девушка снова взглянула на двух юных леди, теперь перешептывающихся, искоса поглядывая на миссис Фишберн. Если бы Кэтрин удалось перенести эту сценку на картину, не потеряв ни одной из мелких, казалось бы, незначительных деталей, придающих вечерней атмосфере ощущение покоя и благодушия, – чайное пятно на скатерти, блики ламп в старых зеркалах, колышущаяся легкая занавеска на приоткрытом окне... Кэти подумала об отце. Во время недавней встречи он говорил с дочерью о ее живописи с небывалой прежде серьезностью. И хотя и вдоволь посмеялся над ее карикатурными портретами, оценил их довольно прохладно.

– Я понимаю, что слава Хоггарта не дает тебе покоя, дорогая моя, – сказал доктор Хаддон, откладывая в сторону альбом с рисунками карандашом и придвигая к себе папку с несколькими пейзажами, что успела нарисовать Кэтрин в Кромберри. – Тебе прекрасно удастся изобразить знакомых в дурном свете, подчеркнуть их пороки и недостатки. Но неужели же в них нет ни капли прекрасного? Ни одного проблеска искры, даваемой нам свыше? Я, как и многие достойные люди до меня, убежден, что искусство должно нести в этот мир красоту, пробуждать

лучшие чувства, а не подпитывать нашу склонность к высокомерию, сарказму, пренебрежению к другим людям, которых мы находим мелкими, смешными, старомодными. В силу своих умений и способностей я стараюсь улучшать если не человеческую душу, то сосуд, в который она ненадолго помещена всевышним, ты же, имея талант воздействовать на душу, словно бы заражаешь ее...

Заметив слезы, выступившие на глазах дочери, доктор Хаддон умолк, но он не собирался брать свои слова обратно. И Кэтрин думала о них поздними вечерами, когда, уставшая, сидела у окна в своей «Комнате с незабудками». Прав ли отец, подозревая ее единственно в склонности высмеивать других людей, не пытаясь простить им недостатки и показать то хорошее, что в них есть? Зачем она вообще делает все эти наброски? Что побуждает ее хвататься за карандаш при первом удобном случае? Недовольная собой, Кэти решила уделять больше времени реалистичному изображению натуры, и украшение «Лавандовой спальни» занимало ее несколько дней. Теперь же ей захотелось написать портрет какой-нибудь красивой женщины, сделать ее еще более прекрасной, нежели в реальности, доказать отцу, что она может видеть в людях красоту и запечатлеть ее своей рукой...

– Мисс Тармонт! Уже слишком поздно, и леди вашего возраста должна быть в постели! – Резкое замечание нарушило ход мыслей Кэтрин, и она, как и другие дамы, недоуменно уставилась на Сьюзен, подобно грозному флоту ворвавшуюся в тихую гавань «Зала герцогини».

Оливия нервно дернула подбородком, но не успела ответить – вмешалась миссис Фишберн.

– Еще совсем рано, и мы здесь прекрасно проводим время. Бедная девочка, должно быть, жутко скучает одна в своей комнате, пока ее родные веселятся на балах и званых ужинах. Полагаю, здесь она под должным присмотром!

– В самом деле, юной мисс приятно поболтать со своей ровесницей, а мы не затрагиваем тем, неподобающих для девочек ее возраста, – добавила супруга торговца.

– Через полчаса мы с дочерью поднимемся наверх, – вступила в разговор и миссис Мидлхем, голос ее звучал неровно, но уверенно, – и проводим мисс Тармонт в ее комнату.

Сьюзен презрительно поджала губы. Она явно не находила миссис Мидлхем и ее дочь подходящей компанией для Оливии.

– Идите отдыхать, Сьюзен, я скоро приду. Миссис Синглтон разрешила мне побыть немного внизу с этими любезными дамами. – Оливия старалась

говорить решительно, но выглядела при этом странно напуганной.

Горничная некоторое время молча смотрела на девочку, ее вечно нахмуренные брови, казалось, еще сильнее сошлись над широкой переносицей.

– Мисс Тармонт сказала вам, что скоро поднимется в спальню. – Голос жены торговца звучал мягко, но удивленно.

Сьюзен словно бы опомнилась, почувствовав намек на неподобающее для прислуги поведение, и, холодно кивнув, развернулась и вышла из комнаты.

– Не огорчайся, дорогуша. – Миссис Фишберн ободряюще махнула рукой в сторону чайника. – Твоя тетушка не станет ругать тебя за то, что ты засиделась здесь с нами. Выпей чашечку чая перед тем, как пойдешь спать, у нас еще остались эти славные пирожные. Да и твоей подружке не мешало бы подкрепиться, чтобы ей приснился какой-нибудь чудесный сон!

Оливия благодарно кивнула, казалось, не замечая вульгарных манер миссис Фишберн, а Полин вопросительно взглянула на мать. Миссис Мидлхем на мгновение поджала губы точь-в-точь как Сьюзен, затем расслабилась и кивнула. Полин вслед за мисс Тармонт покинула свое место и уселась рядом с Оливией у чайного стола. Добродушная супруга торговца уже наливала им слегка остывший чай, а миссис Фишберн подозвала к столу и Кэтрин.

– Идите к нам, вы, бедняжечка моя, должно быть, страшно устали за день, бегая с поручениями, при вашей-то фигурке нелегко скакать по здешним лестницам, тут уж я вас понимаю! У нас тут довольно всего, чтобы скрасить долгий вечерок!

Кэти мгновенно покраснела, столь откровенный намек на ее чрезмерную для юной девушки полноту потряс ее. Обычно подобные вещи говорила лишь ее мать, но ни в коем случае не при посторонних людях. И сейчас Кэтрин испытывала смущение и стыд, о которых успела позабыть за месяцы пребывания в Кромберри.

Миссис Мидлхем посмотрела на миссис Фишберн с явным отвращением, но та уже наливала чай для Кэтрин и придвигала ей тарелку с остатками пирожных, за которые должна была платить жена торговца. Та же ласково улыбнулась Кэти, пытаясь сгладить бестактность миссис Фишберн.

– Садитесь, милая, ваша кухарка сегодня превзошла себя, и это в такую жару! Мой муж говорит, что не торопится уезжать из Кромберри, так как здешняя еда благотворно влияет на его желудок. – Супруги и вправду задержались в «Охотниках и свинье» дольше, чем собирались.

Кэтрин ничего не оставалось, как сесть за стол рядом с Полин, а великодушная миссис Фишбернхватило и на то, чтобы позвать миссис Мидлхем присоединиться к ним. Мать Полин не стала возражать, несмотря на свою явную неприязнь к навязчивой благодетельнице, но не съела даже самого маленького пирожного, ограничившись лишь чашкой чая. Оливия ела мало и без удовольствия, а вот Полин, похоже, ни разу в своей жизни не пробовала ничего подобного и теперь отдавала должное кухарке миссис Лофтли.

Разговор за чайным столом с прежним энтузиазмом поддерживала миссис Фишберн, и в какой-то момент усталость от ее болтовни одолела даже самых терпеливых слушательниц. Миссис Мидлхем первой поднялась со своего стула и подала дочери знак сделать то же самое. За ними вскочила и Оливия, а Кэтрин еще раньше думала о том, как бы поскорее оказаться в своей комнате и сделать хотя бы быстрый набросок. Фигурки девочек, склонившихся над альбомом, все еще казались ей прекрасной возможностью нарисовать хорошую картину из тех, о которых говорил ее отец.

Жена торговца заторопилась в свою спальню вслед за другими гостями, ей явно не хотелось оставаться вдвоем с миссис Фишберн. Вульгарность этой женщины не искупало ее добродушие, тем более что оказываемое за чужой счет.

Глава 7

Наутро Кэтрин проспала дольше обычного – в субботу утром миссис Лофтли разрешала племяннице отдохнуть, так как в это время в «Охотников и свинью» приходила обычно Бетси Харт, чтобы занимать место за конторкой вплоть до самого обеда, болтать с постояльцами и сплетничать с горничными. Ее муж по субботам занимался расчетами со своими возчиками, и у Бет было несколько часов, чтобы помочь миссис Лофтли, приятно провести время и получить в благодарность коробку с пирожными или кусок окорока. Затем они с Кэтрин прогуливались по Мэйн-стрит, чтобы хоть немного развлечься, встретиться со знакомыми и просто отдохнуть от пыльной духоты и скрипучих теней – неизменных примет старой гостиницы.

Сегодня, впрочем, прогулка могла и не состояться. За окном уже несколько часов шумел долгожданный дождь, и Кэти неторопливо занималась своим туалетом, размышляя о сделанных вчера набросках. Удалось ли ей передать прорастающую из подростковой угловатости красоту Оливии? А болезненный вид Полин вызван плохим питанием или за ее бледностью и худобой прячется что-то еще? Кэтрин изо всех сил постаралась изобразить обеих девочек хорошенькими, при этом не сильно погрешив против истины, и всякий раз, выбрасывая очередной лист в корзинку для мусора, досадовала, что выражения лиц у юных леди получаются одинаково напуганными. То, что Полин тревожится за здоровье своей матери, не было удивительным, но отчего такой нервной выглядит Оливия? Должно быть, бедняжке страшно возвращаться в дом, где ее детство превратилось в кошмар.

Кэти снова достала карандаш и попыталась сделать новый набросок, придав чертам девочек большую умиротворенность. Получалось плохо, и на следующем листе она чуть развернула их лица к альбому, а не друг к другу, чтобы оставались видными лишь щека и часть носа. Этот прием помог, но девочки стали выглядеть почти неузнаваемо, лишь два юных силуэта, увлеченно рассматривающих какой-то рисунок.

Кэтрин раздумывала, вернуться ли ей к прошлому варианту или же написать не портрет конкретных людей, а жанровую картину, которую может повесить над камином кто угодно, когда в коридоре раздался высокий женский крик.

– Неужели Сара опять увидела призрак? – Кэти узнала голос

горничной и недовольно поморщилась – обладающая слишком живым воображением девушка уже не раз пугала своими криками постояльцев. А миссис Синглтон и Хелен, должно быть, еще отдыхают после вчерашней поездки в гости, они вернулись так поздно, что Кэтрин, засидевшаяся с рисунками далеко за полночь, так и не услышала их шагов и разговоров в коридоре.

Кэтрин поправила новый кружевной воротник на прелестном темно-розовом платье, которое надела по случаю субботнего дня, и собралась выйти в коридор и спросить Сару, что такое она увидела в коридоре. Она едва успела отодвинуть стул и расправить складки, как вопль повторился, но на этот раз, как ей показалось, к пронзительному воплю Сары присоединился еще один, тоном пониже. И раздавались они совсем недалеко от «Комнаты с незабудками», принадлежащей Кэтрин.

Да что же там такое случилось? Истории Сары о появлении в «Зале фей» и в коридоре возле него призрака убитой в гостинице девушки, бедняжки Дженни Морвейн, тревожили одних гостей и вызывали любопытство других, но увидеть призрак поздним субботним утром... Это уж слишком даже для впечатлительной горничной. Кэтрин бросилась к двери и тут же замерла, ухватившись за дверную ручку. Как бы мало времени ни прошло с первого вскрика, в коридоре уже нарастал шум, говорящий о том, что другие постояльцы вышли из своих комнат. И шум этот встревожил Кэти, внезапно напомнив о том, что случилось здесь полгода назад.

– Ах ты, боже мой, какой кошмар! – Громогласное восклицание миссис Фишберн послышалось совсем рядом и перекрыло остальной шум.

Кэтрин решительно распахнула дверь своей комнаты. Если миссис и мистер Лофтли заняты внизу или куда-то ушли, то успокоить гостей и навести порядок – задача их племянницы.

В коридоре она едва не наткнулась на Хелен Тармонт – «Комната с портретом», которую занимали сестры Тармонт и Сьюзен, соседствовала со спальней Кэтрин. Хелен застыла в коридоре, отойдя от двери лишь на пару ярдов, а Оливия лишь только собралась выйти из комнаты, когда навстречу девушкам от «Лавандовой спальни» направилась Сьюзен.

– Вам не стоит туда ходить, мисс, – решительно сказала она.

– Но почему? Что там произошло?

Эти же вопросы хотела задать и Кэтрин, остановившаяся за спиной Хелен. Впереди, у дверей в «Лавандовую спальню», столпились несколько человек. Миссис Фишберн поглаживала по плечу рыдающую Сару, пожилой торговец преградил дорогу своей жене и что-то тихо объяснял ей,

а миссис Мидлхем лишь только показалась в конце коридора – «Комната с овцами» располагалась от «Лавандовой спальни» дальше всех остальных.

– Случилось несчастье. Миссис Синглтон умерла. – Голос Сьюзен звучал почти обычно, но на последнем слове все же слегка дрогнул. Она заметила Кэтрин и повернулась к ней, в то время как Хелен зажала ладонью рот, чтобы сдержать вскрик. – Мисс Хаддон, попросите вашего дядюшку сейчас же вызвать полицию. Мою хозяйку ограбили и убили в вашей гостинице!

Оливия взвизгнула и кинулась с рыданием в глубь комнаты. Озабоченно взглянув ей вслед, Сьюзен схватила Хелен за руку и буквально потащила за собой. Через мгновение дверь «Комнаты с портретом» захлопнулась за ними.

Кэтрин стояла в коридоре растерянная и будто оглохшая. Причитания Сары и шум голосов других людей вдруг перестали быть отчетливыми, Кэти едва слышала их, так шумела в ее висках кровь пополам с отрывочными мыслями. В «Охотниках и свинье» опять несчастье! Нет, не просто несчастье, а убийство! Убили их гостью, саму миссис Синглтон! Какой-то негодяй сумел проникнуть в гостиницу и совершить преступление, когда почти все постояльцы были в своих комнатах, отдыхая после завтрака и пережидая дождь! Что же теперь будет с мистером и миссис Лофтли, как они переживут этот удар! А мистер Синглтон и девочки, ох, а как же Хелен и ее будущая свадьба! Теперь венчание придется отменить...

Последняя мысль немного привела Кэтрин в чувство, и девушка неуверенно двинулась по коридору в сторону «Лавандовой спальни». Торговец, мистер Биггс, уже увел свою плачущую жену в их комнату, теперь миссис Мидлхем поддерживала Сару, готовую в любое мгновение упасть в обморок. Салли, вторая горничная, замерла в дальнем конце коридора, не решаясь приблизиться, мистер Лофтли успел подняться наверх и вошел в «Лавандовую спальню», а лакей Эндрю вытягивал шею, заглядывая в комнату с порога. Миссис Фишберн, похоже, не слишком напуганная, говорила теперь громким возмущенным голосом:

– Я-то полагала, что у вас приличная гостиница! Да нас тут всех прирежут в своих спальнях ради одного или двух пенни! Что ты стоишь, малый, немедленно беги за констеблем, может, полиция еще сумеет найти негодяя!

Из комнаты послышался голос мистера Лофтли, слабый и больной:

– Наша гостья права, Эндрю, ступай за полицией и попроси их позвать главного констебля Грейтона и судью Хоуксли...

Лакей поспешил исполнить поручение, а мистер Лофтли на подгибающихся ногах вышел из спальни и закрыл за собой дверь. Казалось, на большее его сил не хватило – дядюшка Томас привалился спиной к двери и замер, тяжело дыша.

Миссис Фишберн поглядела на него с презрением, затем обернулась к остановившейся возле нее Кэтрин:

– Вы только подумайте, мисс! Грабитель преспокойно вошел сюда и убил знатную даму, да еще и забрал все ее драгоценности! Я сама видела, шкатулка валяется на полу раскрытая, а бедняжка завалилась на бок в своем кресле, платье все в крови, и на пол натекла лужа крови!

– Перестаньте пугать мою племянницу, прошу вас, – пробормотал мистер Лофтли, с отчаянием глядя на Кэтрин. – Ума не приложу, как такое могло случиться, ведь внизу в холле все время сидела миссис Харт.

– Тогда где же она? – насмешливо спросила миссис Фишберн. – У этой дамочки глаза так и горят, стоит ей слышать какую-нибудь сплетню, я уж это заметила! А шум, что подняла бедняжка Сара, уж как есть должен был привлечь ее сюда!

– Я отправила Бетси с поручением в лавку миссис Трилл. – Миссис Лофтли уже спешила по коридору к понурому супругу и услышала последние слова миссис Фишберн. – А сама отлучилась ненадолго в кухню...

– Должно быть, в это время вор и проник сюда, – тихо заметила миссис Мидлхем, на чьи изможденные плечи продолжала опираться Сара, переставшая рыдать во весь голос и теперь лишь судорожно всхлипывающая.

– Ах, боже мой, боже мой! Неужели это я во всем виновата? – Миссис Лофтли побледнела, ее узкое лицо исказилось от горя и тревоги. – Как мы скажем мистеру Синглтону о смерти жены? И бедным девочкам...

– Им уже сказала их горничная, Сьюзен, – смогла наконец выговорить Кэтрин. – Она увела обеих мисс Тармонт в их комнату.

– Вот уж кто не утратил спокойствия! – воскликнула миссис Фишберн. – Мы тут едва в обморок не попадали, а она так решительно зашла в комнату и убедилась, что госпоже уже нельзя помочь... Но больше всего досталось бедняжке Саре, это ведь она нашла покойницу, когда хотела прибрать в комнате!

– Я послал Эндрю за полицией, а заодно и за Грейтоном и судьей Хоуксли, – прерывисто сообщил мистер Лофтли. – Они лучше нашего смогут поговорить с мистером Синглтоном.

– Но он должен вернуться лишь вечером, придется послать кого-то и за

ним в поместье Тармонтов. – Тетушка Мэриан умоляюще взглянула на миссис Фишберн, затем обернулась к миссис Мидлхем. – Вы не могли бы вернуться в свою комнату, дамы? Полиции понадобится все хорошенько осмотреть. Сара, ступай вниз и выпей воды, прежде всего констебли захотят поговорить с тобой, Салли тебя ответит.

Миссис Мидлхем кивнула и повела дрожащую Сару в сторону лестницы, чтобы передать в руки второй горничной, постарше и покрепче духом. Только тут Кэтрин заметила, что за спиной матери прячется Полин. Девочка прижалась к стене, пропуская миссис Мидлхем и Сару, и направилась за ними следом, напоследок бросив взгляд на запертую дверь «Лавандовой спальни».

Миссис Фишберн же не собиралась покидать коридор.

– Я первой прибежала на крик горничной, так что полицейские захотят поговорить и со мной. К тому же я ни за что больше не останусь одна в своей комнате! Нет уж, избавьте меня от этого кошмара! Кто знает, может, убийца до сих пор прячется где-нибудь поблизости, да хоть на чердаке, и только и ждет, когда можно будет ограбить и убить нас всех поодиночке.

– Тогда вам лучше спуститься в холл, – не сдавалась миссис Лофтли. – Мы с мужем немедленно поднимемся на чердак и проверим, нет ли там кого-нибудь, хотя я уверена, что убийца уже давно сбежал, зачем ему оставаться здесь, когда скоро появится полиция?

Миссис Фишберн неохотно согласилась подождать прибытия констеблей в холле, и Кэтрин осталась в коридоре с дядюшкой и тетушкой. На глазах мистера Лофтли выступили слезы, его красное лицо выражало неизбывное горе.

– Мы погибли, теперь уж окончательно погибли, – в отчаянии прошептал он. – Кто станет останавливаться в гостинице, в которой убивают гостей?

– Несчастливая миссис Синглтон доверилась нам, – вторила ему жена. – А теперь она мертва, и бедные мисс Тармонт лишились опекуны! Как это скажется на их душевном здоровье?

Супруги обнялись, и Кэтрин отвела взгляд, не зная, что делать, как утешить несчастных родных. Мистер Лофтли не преувеличивал, когда говорил о крахе своей гостиницы. Казалось бы, убийство Дженни Морвейн нанесло репутации «Охотников и свиньи» непоправимый вред, но о гостинице написали в столичных газетах, как и о том, что в ней появляется призрак убитой девушки. Как и предполагала миссис Дримлейн, эта новость вызвала интерес у путешественников, и к началу лета старинная гостиница вновь была почти заполнена, как в прежние времена, когда

железная дорога еще не отвоевала популярность у дилижансов.

Теперь же на восстановление прежней репутации и доходов рассчитывать не приходилось. Хорошо, что у мистера Лофтли есть еще паб, вот уж он-то после такого события будет переполнен желающими пропустить кружечку-две, а то и три и послушать историю о трагедии в «Охотниках и свинье».

– Ах, почему мы отпустили Сэмюэля! – сокрушенно пробормотал мистер Лофтли. – Он мог бы дежурить в холле поочередно с Эндрю!

– Как мы могли не отпустить его? – возразила тетушка Мэриан, ее изящный чепчик сбился набок из-за того, что она несколько раз прижимала пальцы к вискам, словно пытаясь сдержать подступающую мигрень.

Сэмюэль служил в «Охотниках и свинье» несколько последних лет, как до него – его отец, дед и еще несколько поколений родственников, младшие сыновья в почтенной фермерской семье. Прошлой зимой его старший брат тяжело повредил ногу на мельнице, и Сэмюэль вынужден был попросить расчет, чтобы управляться на ферме, пока здоровье брата не наладится. Пришедший ему на смену Эндрю, славный малый, приветливый и веселый, тоже был фермерским сыном и еще не набрался нужной сметливости, чтобы поспевать везде, как это умудрялся делать Сэмюэль.

Сперва дядюшка Томас думал оставить обоих лакеев, но после злосчастных событий этой зимы его доход упал, и он с сожалением думал, что придется расстаться с Эндрю, как только Сэмюэль вернется к своим прежним обязанностям. При этом мистер Лофтли отчетливо понимал, что одного лакея мало для такой солидной гостиницы, какой хотело казаться его заведение. И вот сейчас он особенно остро ощутил, что его экономия привела к еще большим несчастьям, чем те, которых он хотел избежать.

– Чем я могу вам помочь, дядюшка? – робко спросила Кэтрин. Она внезапно осознала, что рядом, за дверью, в нескольких ярдах от нее находится мертвое тело миссис Синглтон.

Признаться, Кэти намного больше жалела своих дядю и тетю, нежели эту надменную, холодную женщину, от чьих ядовитых высказываний уже пострадали и миссис Лофтли, и обе горничные, и даже сама Кэтрин. И все же никто не заслуживает того, чтобы быть убитым ради пригоршни браслетов и сережек!

Кэти ощутила, как всю ее захватывает злость, оттесняя жалость к своим бедным родным. Как это несправедливо! Какой-то негодяй считает возможным для себя захватить чужое имущество и лишить жизни его владельца! Да еще и остаться при этом безнаказанным!

Кэтрин подумала о вопросах, которые будут задавать констебли. Как

жаль, что в сонном покое своей комнаты она не слышала ничего, что могло бы помочь найти убийцу!

– Ох, я так растеряна! – Миссис Лофтли вновь поднесла руки к вискам. – Конечно, нам нужна будет твоя помощь, но пока я даже не знаю, с чего начать... Скоро здесь будет полиция, и нам придется говорить с констеблями, а потом, боюсь, провожать наших постояльцев. Разве кто-то останется теперь?

Ее плечи горестно поникли, и мистер Лофтли, ощутивший вдруг острую необходимость прийти в себя и взять бразды правления своим маленьким мирком в свои руки, обнял жену и повлек прочь от двери «Лавандовой спальни».

– Ты могла бы побыть здесь немного, Кэти? Только если тебе не очень страшно, – на ходу спросил он. – Полиции захочется увидеть все, как было, а кто-нибудь из постояльцев может из любопытства заглянуть в спальню и что-нибудь подвинуть. Ключ от комнаты в замке с обратной стороны, но, признаюсь, я не смогу сейчас снова распахнуть эту дверь.

– Конечно, дядюшка! – Кэти помнила, как вошла в «Зал фей» и увидела в кресле тело своей мертвой подруги. Она ни за что не хотела бы пережить подобные ощущения снова. – Я подожду здесь, думаю, констебли будут с минуты на минуту, Эндрю быстро бегаёт и уже наверняка возвращается обратно.

– Тогда мы с миссис Лофтли поднимемся наверх и осмотрим мансарду, надо успокоить гостей, которые еще остаются здесь, хоть я и уверен, что вор давно уже сбежал вместе с похищенными украшениями бедной миссис Синглтон!

– Он мог спуститься по боковой лестнице, – заметила его супруга на ходу, пока Кэтрин смотрела им вслед, стараясь не наткаться взглядом на дверь «Лавандовой спальни».

– Как и подняться по ней, если дверь внизу открыта. – Мистер Лофтли отчаянно хотел утешить жену, чтоб она не чувствовала своей вины в случившемся. – Кухарка с помощницей заняты обедом, горничные убираются в ресторане, они могли и не заметить незнакомца, проскользнувшего со двора.

– Ты думаешь...

Дальше Кэтрин не расслышала, мистер Лофтли первым ступил на узкую лестницу в мансарду, и скрип ступеней под его тучной фигурой заглушил слова тетушки Мэриан.

Кэтрин осталась одна в коридоре.

Глава 8

Главный констебль Грейтон явился в «Охотников и свинью» вслед за своими подчиненными, как обязывал его долг по отношению к погибшей леди. Но и его присутствие не помогло расследованию хоть сколько-нибудь приблизиться к убийце. Никто из постояльцев ничего не слышал – в старой гостинице были крепкие стены и толстые двери. Услышать крики и шум в одной из спален еще можно было из коридора, но из другого номера – совершенно невозможно. Как нарочно, дождливое утро не способствовало прогулкам, и немногочисленные постояльцы отдыхали после завтрака в своих номерах с намерением переждать дождь и выйти на прогулку или же, если погода не позволит, спуститься в общую гостиную и провести время за чайным столом. Последнее намерение высказывала, правда, одна лишь миссис Фишберн, а миссис Мидлхем и жена почтенного торговца отнюдь не стремились к продолжению знакомства с этой шумной и вульгарной особой.

Горничная миссис Синглтон вернулась в гостиницу одновременно с появлением констеблей и тотчас упала в обморок, услышав новость о гибели своей хозяйки. Когда миссис Лофтли привела девушку в чувство, она сообщила, что миссис Синглтон послала ее в магазин миссис Трилл за новой лентой для соломенной шляпки – старая показалась леди неприлично потертой. А назавтра был назначен пикник у мистера Блантвилла, где миссис Синглтон надеялась познакомить своих подопечных с теми из их будущих соседей, кого они еще не успели встретить в городе или в гостях.

Горничная закончила туалет своей хозяйки, пока миссис Синглтон пила чай со свежими сконами, затем взяла зонтик и храбро вышла под дождь. Сьюзен провела позднее утро, занимаясь платьями и прическами мисс Тармонт. Она наскоро причесала Оливию, затем тщательно уложила волосы Хелен. Старшая мисс Тармонт уговорилась встретиться в недавно открывшейся на Мэйн-стрит кондитерской с дочерьми судьи Хоуксли, старшая из которых в прошлом ноябре вышла замуж, а младшая лишь недавно окончила пансион. Обе эти дамы помнили, как мисс Тармонт гостила в доме Хоуксли после убийства их бабки, и радушно приветствовали возвращение сестер в родные края. Особенно восхищала их храбрость Хелен, собиравшейся после замужества жить в их старом доме, который запомнился соседям как довольно мрачное жилище даже в

те годы, когда была жива старая Роуз Тармонт.

Вот так и получилось, что убийцу никто не видел и не слышал ни на лестнице, ни в коридоре. Оставалось неясным даже то, по какой лестнице преступник проник в коридор второго этажа – из так удачно оказавшегося пустым холла или же по лестнице, начинающейся сразу у заднего входа.

– Что ж, миссис Лофтли, ваша гостиница теперь славится не своими обедами, а своими убийствами? – Такой шуткой приветствовал главный констебль Грейтон несчастную хозяйку, залившуюся слезами при этом бестактном заявлении. – Ну, полно, полно, миссис Лофтли, убийства и кражи случаются и в самых достойных домах, а в «Охотниках и свинье», сколько я помню, давным-давно не происходило ничего подобного. Когда-нибудь неприятность должна была случиться, и вот она случилась.

Мистер Лофтли только понурил голову, не разделяя неуместную веселость Грейтона. Он бы предпочел, чтобы, коли уж преступлениям суждено было быть совершенными в его гостинице, это произошло бы через два десятка лет, когда сам мистер Лофтли уже уйдет на покой. Но случилось то, что случилось, и смерть светской дамы должна была привлечь внимание как общества, так и газетчиков. Скоро в «Охотников и свинью» хлынет эта пестрая братия, как это было полгода назад после смерти Дженни Морвейн. И главному констеблю Грейтону не поздоровится не меньше, чем мистеру Лофтли, – писаки обвинят первого в бездействии и некомпетентности с той же легкостью, сколь второго – в преступном небрежении по отношению к своим гостям, оказавшимся незащищенными перед лицом негодяев.

Грейтон понимал это, а потому довольно быстро вернулся к серьезному настрою.

– Как бы мало нам ни удалось узнать, – сказал он подоспевшему в «Охотников и свинью» судье Хоуксли, – можно сказать абсолютно точно, что преступление совершил кто-то, кто хорошо знал привычки обитателей гостиницы. Очевидно, он следил за входной дверью и видел, как горничная ушла, а за ней и миссис Харт оставила свой пост. И тогда он беспрепятственно проник внутрь. Мало того, ему было известно, что мистер Синглтон остался ночевать в гостях. И я не удивлюсь, если преступников было двое.

Побледневший мистер Лофтли переводил взгляд своих маленьких покрасневших глаз с одного должностного лица на другое.

– Не думаете ли вы, что убийцей миссис Синглтон является кто-то из моих слуг? – жалобно спросил он, настолько измученный, что даже не мог как следует возмутиться.

– Миссис Синглтон ударили в грудь ножом или кинжалом, когда она сидела в кресле перед зеркалом, – невозмутимо сообщил Грейтон, скорее для судьи, чем для дядюшки Томаса, который и без того должен был быть благодарен за то, что ему позволяют слышать этот разговор. – Несомненно, она видела своего убийцу и даже не попыталась вскочить и позвать на помощь или хоть как-то защититься. Горничная не заперла дверь, перед тем как уйти, и преступник, или преступница, легко проник в спальню и пересек ее, а миссис Синглтон так и осталась сидеть. Значит, ей нечего было опасаться этого человека.

– Все слуги зарекомендовали себя добросовестными работниками, при нынешней прислуге у нас не было ни одной мелкой кражи! – сумела собраться с духом и противостоять подозрениям миссис Лофтли, до того молча утиравшая бегущие по узким щекам слезы. – Неужели вы думаете, что Эндрю, или Сара, или Салли могли бы убить миссис Синглтон и ограбить ее?

– Я не говорю ни о ком конкретно, мадам, – пожал плечами Грейтон. – Лишь о том, что жертва не боялась того, кто вошел в ее комнату. Это совсем необязательно слуги, убийство мог совершить кто-то из постояльцев. По тому, что я сумел разобрать из речей этой истеричной девицы, драгоценности миссис Синглтон представляли целое состояние в глазах людей, стесненных в средствах.

Разговор этот происходил в «Комнате герцогини», выбранной констеблем Грейтоном для бесед с обитателями «Охотников и свиньи», и миссис Лофтли не могла не подумать о двух своих гостях, еще вчера беззаботно беседующих в этой гостиной. Миссис Мидлхем выглядела едва ли не нищенкой, как и ее дочь, да и миссис Фишберн при всем своем апломбе была одета в старомодные и изношенные, пусть и яркие, платья. Подозревать уважаемого торговца и его жену, часто посещавших Кромберри на протяжении нескольких лет, было так же нелепо, как подозревать самих мистера и миссис Лофтли.

И все же Грейтон, похоже, подозревал всех. Да и что еще ему оставалось?

Вернувшаяся в гостиницу Бет Харт была настолько поражена случившимся, что несколько минут просто стояла возле конторки Кэти с таким видом, будто ее поразила молния и превратила в камень. Испуг, злость и любопытство сменяли друг друга на ее лице, и Кэтрин, занявшая место за конторкой, прекрасно ее понимала.

Не зная об этом, Бетси повторила слова Грейтона:

– Мерзавец следил за гостиницей. Он как-то узнал, что миссис

Синглтон одна, и видел, как я ушла. Может быть, их даже было несколько, один наблюдал за входом на Мэйн-стрит, а другой прятался где-нибудь во дворе, за бочками или под старой телегой, и ждал возможности пробраться в гостиницу через заднюю дверь. Скорей всего, это не первая кража, которую они совершили подобным образом!

– Но зачем ему было убивать миссис Синглтон? – спросила Кэтрин, чувствующая себя почти такой же несчастной, как ее дядя и тетя. – Если он или они уже совершали кражи, не в Кромберри, а где-то еще, они могли дожидаться, когда она выйдет из своей спальни и спустится выпить чая или пойдет прогуляться.

– Ты видела этот дождь? – Бет приподняла мокрый подол нарядного кремового платья. – Сегодня ни одна знатная дама не выйдет из дому без крайней нужды. А он или они, может быть, уже собрались покинуть Кромберри и перебраться, например, в Брайтон. Там у грабителей больше возможностей для совершения своих злодеяний.

– Ох, я не знаю! – Кэти покосилась в сторону сидевших на диване горничных, шепотом обсуждавших свой разговор с полицейскими. – Возможно, они не ожидали, что миссис Синглтон окажется в своей спальне. Только вот почему она не кричала, когда увидела вошедшего в комнату убийцу?

– Может быть, она и кричала, – возразила Бет. – Да только ее никто не услышал. Или она приняла вошедшего за гостиничного лакея и не испугалась. С ее высокомерием она навряд ли запомнила в лицо здешнюю прислугу!

– Она не была приятной леди, но не заслужила такой участи! – Кэти подумала об одном из своих последних рисунков – длинная змея с лицом миссис Синглтон обвила кольцами прочный дуб, узоры на коре которого складываются в лицо мистера Синглтона. Девушка внезапно почувствовала угрызения совести и пообещала себе сжечь рисунок, как только доберется до своей спальни.

– Надеюсь, констебли во главе с мистером Грейтоном отыщут негодяев, сколько бы их ни было! – горячо поддержала ее Бет, но тут же безнадежно махнула рукой с зажатым в ней мокрым зонтиком. – Хотя их уже, скорей всего, нет в Кромберри. Надо сказать Джону, пусть расспросит своих возчиков, не просил ли кто-нибудь одного из них подвезти по дороге из нашего городка?

Кэтрин одобрила эту идею. Ей очень хотелось помочь констеблям найти убийцу, один раз им с Бет это уже удалось, но сейчас она не видела возможности быть полезной. Обе девушки еще немного поговорили о

случившемся, поминутно вздыхая и косясь в сторону лестницы, затем Бет пригласили побеседовать с сержантом. Она могла видеть кого-нибудь на улице возле гостиницы или заметить, что кто-то заглядывает в окна, пока сидела за конторкой.

Миссис Лофтли, появившаяся в холле, разогнала горничных, решительно приказав им заняться каким-нибудь делом, а сама прошла в свою спальню, чтобы ненадолго прилечь. Скоро должен был вернуться мистер Синглтон, за которым послали, и миссис Лофтли справедливо полагала, что худшее еще впереди. Мистер Лофтли вышел вместе с одним из констеблей осмотреть двор и хозяйственные постройки – вдруг обнаружатся следы прятавшегося там убийцы?

Кэтрин осталась одна в холле.

«Скорей бы вернулась миссис Дримлейн! – думала она, склонившись над конторской книгой, где были записаны имена гостей и сроки их пребывания в «Охотниках и свинье». – Я не могу себе представить, как утешить тетю и дядю, а миссис Дримлейн сумеет найти нужные слова, чтобы ободрить их. А может быть, и к лучшему, что ее не было в своей комнате в то время? После миссис Синглтон она здесь самая состоятельная дама, и негодяи могли ограбить и ее! Ах, боже мой, что, если бы она тоже стала жертвой убийц?»

Ужас охватил Кэтрин, и она вскрикнула, когда, подняв голову, обнаружила над конторкой нечесаную голову какого-то мальчишки.

– Ты кто? Что тебе нужно? – Кэти вскочила на ноги, конторская книга от ее резкого движения упала на пол.

Мальчишка проворно отпрыгнул в сторону, удивленный стремительностью довольно пухленькой девушки.

– Вот, вам велели передать, мисс. – Он опасно вытянул вперед руку с зажатой в ней бумажкой, словно Кэтрин могла наброситься на него с кулаками.

– Мне? – Кэтрин никак не могла прийти в себя после недавнего испуга.

– Вам, мисс, – нетерпеливо ответил мальчишка, вытягивая руку еще дальше, но не приближаясь к конторке. – Мне сказали передать это молодой леди в розовом платье.

Кэтрин наконец взяла бумажку кончиками пальцев, стараясь не касаться грязной руки мальчика.

– Кто сказал? – Парнишка не походил на почтальона, и Кэти никак не могла взять в толк, откуда он взялся.

– Какая-то леди. – Парень пожал плечами. – Подозвала меня на улице

и попросила отнести вам письмо.

Бумажка не очень-то походила на письмо, и Кэтрин быстро развернула сложенный вчетверо крошечный листок, вырванный, похоже, из записной книжки.

«Уезжай туда, откуда приехала, если не хочешь, чтобы с тобой случилось несчастье!»

Угроза, выведенная небрежным почерком на листке, так поразила Кэтрин, что она несколько раз перечитала пляшущие по бумаге слова, прежде чем осознала написанное. Кто-то хочет, чтоб она уехала! Какая-то неизвестная леди, которой чем-то помешала дочь скромного врача!

– Как выглядела... – Кэти подняла голову, намереваясь в первую очередь расспросить мальчишку о зловещей отправительнице письма, но тот уже сбежал, так же бесшумно проскользнув по ковру к выходу, как недавно пробрался в холл незамеченным под самым ее носом.

Вместо вестника грядущих неприятностей Кэтрин увидела вернувшуюся наконец миссис Дримлейн. Старушка шла через холл прямо к ней, ускоряя шаги, по мере того как сумела рассмотреть в полумраке лицо девушки.

– Что с тобой, дитя, ты выглядишь так, как будто сама увидела призрак! – За преувеличенно-бодрым тоном миссис Дримлейн попыталась скрыть растущую тревогу за свою юную подругу. – Ты же не веришь в эти истории в отличие от ваших горничных!

Кэти почувствовала, как к ее страху примешивается некоторое облегчение. Ее дорогой друг снова рядом и сумеет найти какое-нибудь объяснение происходящему.

– Миссис Синглтон убили прямо в «Лавандовой спальне»! – выпалила она, не подумав, что подобное известие может вызвать у старой дамы волнение, опасное для здоровья. – А мне только что прислали это!

Миссис Дримлейн ахнула, но до нее отчетливее донеслись последние слова Кэтрин, поэтому она сперва взяла протянутую ей записку и прочла ее, как и Кэти, несколько раз, а затем лишь недоверчиво посмотрела на девушку.

– Малиновка, что ты такое говоришь? Миссис Синглтон мертва? А эта записка как-то связана со случившимся здесь?

Кэтрин запоздало сообразила, что не следовало сообщать такие новости без нужной подготовки, и поторопилась усадить миссис Дримлейн на диван, чтобы сообщить ей обо всем уже без спешки.

Она даже смогла отвлечься от полученных угроз и довольно связно изложила старшей подруге события сегодняшнего утра, без сомнения,

одного из самых мрачных в многолетней истории «Охотников и свиньи».

Миссис Дримлейн выслушала девушку с положенными восклицаниями, ее лицо выражало сочувствие сразу всем – миссис Синглтон, овдовевшему мистеру Синглтону, обеим мисс Тармонт и владельцам гостиницы, снова потерявшим так много по вине чьей-то злой руки.

На самом деле старую даму в неменьшей степени встревожила записка, полученная Кэтрин неизвестно от кого и неизвестно на что намекающая, но миссис Дримлейн решила пока не пугать девушку сильнее, чем она уже была напугана.

В холле появился судья Хоуксли, и лицо его просветлело при виде двух шепчущихся на диване дам.

– Милые леди, вас-то мне и не хватало в этот горький час, – заметил он. – Полиция, увы, не смогла выяснить у здешних обитателей ничего, что могло бы помочь в расследовании, и Грейтон так огорчен этим обстоятельством, что готов свалить вину на первого встречного. Каждый, кто был здесь утром, кажется ему подозрительным, и я никак не мог убедить его не спешить с выводами и обвинениями.

Судье вовсе не обязательно было самому принимать участие в допросах гостей и прислуги, но Хоуксли был почти так же любопытен, как Бетси Харт, и столь же проникателен, как миссис Дримлейн. Он никак не мог остаться в стороне от случившегося и мирно дожидаться, пока Грейтон поймает преступников, чтобы лишь огласить в суде приговор. Признаться, судья Хоуксли завидовал главному констеблю, чья работа казалась ему куда более важной и интересной, чем его собственные обязанности. И сейчас Хоуксли, по своему обыкновению, собирался приложить все усилия, чтобы помочь младшему другу не упустить ни одной важной детали. Вот только Грейтон при всех своих талантах был порой поразительно упрям и решительно не желал соглашаться с доводами здравого смысла, приводимыми судьей. Сейчас был как раз такой случай, и Хоуксли решил сделать перерыв в споре, чтобы не наговорить лишнего и не лишиться, таким образом, возможности узнавать все последние новости о поисках преступника.

Встреча с миссис Дримлейн оказалась как нельзя более кстати, и судья тотчас предложил обеим дамам выпить чая в летней беседке. Дождь почти стих, они не успеют намокнуть, если сделают несколько шагов по двору, а ощущение пролады, принесенной дождем, будет очень приятно после нескольких дней изнуряющей жары.

Судья Хоуксли галантно прибавил, что обе дамы очаровательно

выглядят, несмотря на перенесенные сегодня потрясения, и прибавил, что мисс Хаддон очень идет ее розовое платье.

Тут Кэтрин, благодарная за комплимент, вспомнила, что она все еще в неподобающем печальным событиям розовом платье, когда миссис Лофтли уже переделалась в самое темное из своих. Извинившись перед судьей и миссис Дримлейн, Кэти попросила разрешения подняться к себе на четверть часа, чтобы сменить туалет на более скромный.

Судья пообещал сам отправиться на кухню и попросить расстроенную кухарку приготовить чайный поднос, а миссис Дримлейн с детским любопытством уселась за конторку, чтобы не оставлять холл пустым. Кто знает, кому еще придет в голову охота явиться в «Охотников и свинью»?

Разумеется, преступники не осмелились бы проникнуть в гостиницу в то время, когда в ней находятся констебли, их начальник и мировой судья, но слухи об убийстве уже поползли по городу, и скоро можно было ожидать нашествия любопытствующих.

Миссис Дримлейн, как только подумала об этом, попросила так кстати появившегося в холле констебля покараулить на крыльце, оберегая находящихся в гостинице от сплетников и сочувствующих, и впустить только бедного мистера Синглтона, до появления которого оставалось, должно быть, не более часа.

Сама же миссис Дримлейн в ожидании Кэтрин задумалась о записке. Кто и почему мог угрожать милой девушке, лишь несколько месяцев живущей в Кромберри и, кажется, не успевшей нажить себе врагов? Впрочем, кто-то думал иначе...

Глава 9

В своей комнате Кэтрин некоторое время рассматривала платье, не вполне понимая, что собирается делать. Мысли ее разлетались, как стая голубей, заметившая кошку. И только одной из птиц, попавшей в захват острых когтей, не удастся взлететь. Так и Кэти с трудом поймала эту единственную мысль – она поднялась к себе, чтобы сменить розовое платье на более темное, подходящее печальной обстановке в «Охотниках и свинье».

«Для леди в розовом платье», – вспомнилось Кэтрин сообщение мальчишки. Кто же, кто и почему прислал ей эту пугающую записку? Как будто мало убийства миссис Синглтон, которое занимает сейчас умы всего городка, а к концу дня известие о нем облетит и все соседние поместья! Так Кэтрин теперь, кроме переживаний о случившемся и помощи дяде и тете, должна думать еще и о собственных делах. Кому она успела причинить зло в Кромберри? У нее не появилось ни поклонников, вызывающих ревность у других девушек, ни сколько-нибудь близких знакомых в городке, кто мог бы позавидовать ей или захотеть занять ее место за конторкой. Возможно, миссис Дримлейн и судья Хоуксли подскажут ей, какова может быть причина столь сильной неприязни к ней со стороны незнакомой леди.

Кэтрин вспомнила, что старая леди и судья ждут ее и, кое-как поборов растерянность, выбрала самое темное из четырех своих летних платьев, синее с простой белой отделкой по вороту и узким манжетам.

Она уже открыла дверь, чтобы выйти в коридор, но очень кстати вспомнила о записке, которую положила на крышку бюро. Надо непременно показать это послание судье Хоуксли. Кэти вернулась в глубь комнаты, схватила записку и снова направилась к двери, когда услышала в коридоре резкий голос.

– И не смей приближаться к этой девчонке и ее матери! Если я еще хоть раз увижу тебя рядом с ними, пеняй на себя!

Хлопнула дверь, в коридоре послышались шаги, приглушенные расстеленной на полу дорожкой, но и они через мгновение стихли.

Кэтрин осторожно выглянула в коридор и увидела удаляющуюся прямую спину горничной. Сьюзен. Кэти отпрянула, испугавшись, что эта злобная женщина обернется, и некоторое время ждала, прежде чем снова выйти из комнаты.

По коридору Кэтрин шла медленно, подслушанные слова еще

прибавили ей тревоги. С кем так грубо и дерзко говорила горничная? Конечно же, с одной из мисс Тармонт. И не надо было обладать опытом главного констебля Грейтона, чтобы догадаться – так говорить Сьюзен могла только с Оливией.

Хелен вела себя независимо и почти так же высокомерно, как миссис Синглтон, и живо поставила бы на место забывшуюся прислугу, а вот Оливия постоянно выглядела напряженной и даже – Кэтрин готова была поручиться за свои наблюдения – напуганной. Опекуны, казалось, совсем мало заботились о ней, сосредоточив все свое внимание на старшей из сестер, помолвленной и представляющей интерес для светского общества. Оливия же была слишком мала, чтобы искать ей жениха, и не обещала в будущем стать наследницей большого состояния. В отсутствие гувернантки, которую, как сообщила миссис Синглтон тетушке Мэриан, рассчитали вскоре после Рождества, девочка явно чувствовала себя одинокой и потерянной. Кэтрин видела, как Оливия потянулась к Полин Мидлхем, и к тому моменту, как дошла до лестницы, не сомневалась – Сьюзен говорила именно о мисс Мидлхем и ее матери.

Но как смеет горничная указывать своей юной госпоже, с кем ей водить знакомство, да еще в таком тоне? Почему Хелен позволяет этой женщине так обращаться со своей сестрой? Из комнаты девушек Кэтрин не слышала ни звука, ни возражения в ответ на угрозу горничной.

С самого утра обе мисс Тармонт не покидали свою комнату, и Сьюзен оставалась с ними. Что они делали, когда грабитель пробрался в комнату миссис Синглтон? Кэтрин спускалась вниз, думая об этом. Скорее всего, Хелен встала так же поздно, как и миссис Синглтон, и Сьюзен занималась ее туалетом, а Оливия тихо сидела и читала или вышивала, чтобы не потревожить склонную к резким отповедям сестру.

Главный констебль Грейтон проявил удивительную для себя чуткость и не стал требовать, чтобы осиротевшие во второй раз девушки спустились в «Зал герцогини» для беседы с полицейскими, а сам поднялся в «Комнату с портретом». Кэтрин видела его разочарованное лицо, когда он вернулся в холл. Сестры и их горничная явно не смогли сообщить ему ничего важного, как и другие постояльцы гостиницы.

Миссис Дримлейн поднялась из-за конторки сразу же, как увидела Кэтрин, и обе прошли через ресторан во дворик, отгороженный от хозяйственного двора живой изгородью. В этом дворике дядюшка Томас пару лет назад установил уютную беседку, над которой летом натягивал легкий тент, и дамы с удовольствием проводили в ней время за чаем и разговорами. Судья Хоуксли уже ждал приятельниц, устроившись в

плетеном кресле, а Салли расставляла на столе чашки и тарелочки со всем, что успела испечь к этому часу взволнованная кухарка.

Всем троим не терпелось начать разговор и, едва Салли скрылась за дверью ресторана, миссис Дримлейн успела заговорить первой:

– Поистине, это ужасно! Друг мой, вам и Грейтону удалось узнать хоть что-нибудь, что поможет найти и покарать преступника?

Судья Хоуксли раздраженно отложил ложечку, звякнув о блюдец.

– Ах, если бы! Всегда находится кто-нибудь, кто что-то видел или слышал или хотя бы заметил что-нибудь необычное, но тут все как будто сговорились! Мирное, обычное утро, гости и хозяйева занимались своими делами, да еще этот дождь не благоволил к прогулкам, и коридор и холл оставались пустыми довольно долгое время! Констебли опрашивают сейчас жителей соседних домов и лавочников на Мэйн-стрит в надежде, что кто-то видел незнакомца, входящего в «Охотников и свинью».

«Что стоило тетушке Мэриан не отсылать Бет за покупками, пока не закончится дождь?» – подумала Кэти, глядя в проем беседки на быстро светлеющее небо. – Тогда ничего бы этого не произошло. Или нет? Если убийца пробрался наверх по задней лестнице, присутствие Бет в холле ничего бы не изменило...»

– Мистер Синглтон еще не приехал? – спросила она вслух. Кэтрин помнила выражение страдания на лицах мистера и миссис Морвейн после смерти их дочери и боялась представить его на полном лице мистера Синглтона. А девочки? Любили ли они своих опекунов? Миссис Синглтон с ее холодностью навряд ли могла вызвать такое чувство. Ее супруг выглядел добродушным дядюшкой, но явно заботился лишь о всевозможных удобствах для собственной персоны. Они с миссис Синглтон, кажется, прекрасно ладили, но не способны были испытывать сильную привязанность к кому бы то ни было.

– Грейтон закончил с разговорами и ждет его в «Зале герцогини», чтобы уведомить о гибели супруги. Доктор Голдблум сопровождал тело миссис Синглтон в больницу и вернулся, на случай если его помощь понадобится.

– Как она умерла? – спросила миссис Дримлейн, и судья тотчас ответил, не беспокоясь о том, что его слова окажут чрезмерно сильное впечатление на леди.

– Ее ударили узким ножом или кинжалом прямо в грудь. Жертва не защищалась, ее поза в кресле выглядела довольно расслабленной, что наводит на мысль о ее знакомстве с преступником.

– Значит, это может быть кто-то из слуг? – тут же спросила старая

дама. – И любой из постояльцев?

– Или даже мистер и миссис Лофтли или мисс Хаддон, да простите вы меня за эти слова, – подтвердил судья. – Считать так было бы самым правильным, ведь тогда нет ничего удивительного в том, что никто не видел чужака, входящего в гостиницу. Но это предположение противоречит здравому смыслу – кому могли так срочно понадобиться украшения миссис Синглтон, чтобы убить и ограбить ее в час, когда в комнатах по соседству находится столько людей. Горничные и лакей могут войти в любую спальню в отсутствие гостей, а другие постояльцы не производят впечатления коварных злодеев.

Миссис Дримлейн согласно кивнула. В самом деле, уважаемый старый торговец, давно известный в Кромберри, его жена, больная женщина с девочкой подростком... Никто из них не походил на убийцу. Разве только миссис Фишберн?

– И все же Грейтону не мешало бы навести справки о постояльцах, особенно об этой вульгарной женщине с шумными манерами. По-моему, ей ничего не стоит задушить человека голыми руками, не говоря уж о том, чтобы ударить кинжалом.

– Разумеется, Грейтон собирается телеграфировать в городки, откуда прибыли все постояльцы. Не забудет он и о слугах мистера и миссис Синглтон, – тут же подтвердил судья. – Мы не можем избавиться от подозрения никого из находящихся в гостинице. И Грейтон приказал обыскать все комнаты в поисках драгоценностей миссис Синглтон, включая и те, что заперты сейчас, без постояльцев. Если кто-нибудь откажется от обыска, это будет казаться подозрительным.

Кэтрин содрогнулась. Что, если один из констеблей заглянет в один из ее альбомов? Но не станет же она противиться обыску!

– Уверена, что, если убийца еще в «Охотниках и свинье», он подумал о возможном обыске, – равнодушно пожала плечами миссис Дримлейн.

– И спрятал похищенное так, что ничего не удастся найти, – сокрушенно закивал судья. – В таком старом здании, как это, найдется не один десяток тайников и закоулков, да даже просто щелей между кирпичами или балками, где можно спрятать горстку драгоценностей. По словам горничной миссис Синглтон, она взяла с собой не так уж и много украшений. Хотя для кого-то они, конечно, могли оказаться непреодолимым соблазном.

– И все же не должны были навести этого человека на мысль об убийстве... – задумчиво протянула старушка, сощутив выцветшие голубые глаза.

– Вы хотите сказать, что Грейтон ошибается? Что все мы ошибаемся? – точно так же прищурился Хоуксли, тотчас уловивший мысль старого друга.

Кэтрин выпрямилась, поочередно поглядывая на собеседников. Она каким-то необъяснимым чувством ощутила, что сейчас в воздухе повиснет какая-то важная идея, которую нужно будет только поймать и приручить, прежде чем она растает, снова оставив их всех в недоумении и тревоге.

– Мог ли кто-то желать зла миссис Синглтон? Вне зависимости от ее драгоценностей? – Без колебаний и промедлений миссис Дримлейн выпустила эту идею витать под потолком беседки, как дети выпускают на свет мыльные пузыри. Оставалось лишь надеяться, что новая мысль проживет дольше, чем недолговечные радужные шары, и успеет принести пользу.

– Ни я, ни Грейтон не успели задуматься об этом всерьез, – медленно ответил судья, тщательно подбирая слова. – Из всех гостей нам хорошо знаком только мистер Биггс со своей супругой, о миссис Мидлхем и миссис Фишберн известно только то, что они сообщили о себе сами. И та, и другая несколько лет назад овдовели и не располагают обширными средствами. По их словам, прежде они не были знакомы с Синглтонами и Хармонтами, но всем нам известно, как часто люди могут лгать в большом и малом для своей выгоды. Кто-то из них мог встречаться с миссис Синглтон и затаить на нее обиду – уволенная несправедливо прислуга, обделенные наследством родственники...

– Миссис Мидлхем приехала в Кромберри по делу о каком-то наследстве, – вставила Кэтрин, отчаянно желая быть полезной.

– Она сообщила об этом, но не стала останавливаться подробно, – согласился Хоуксли. – И вот что странно: ее манеры показались мне знакомыми, хотя я никогда прежде не слышал о Мидлхемах.

– Эта женщина может быть из здешних краев, но мы не узнаем ее потому, что болезнь прежде времени состарила ее черты и сделала неузнаваемыми, – вмешалась миссис Дримлейн. – А зачем приехала в Кромберри эта ужасная миссис Фишберн?

– По ее словам, после смерти мужа она служила компаньонкой у какой-то старой дамы и откладывала каждый пенни из своих скудных средств, чтобы накопить на небольшой домик в приличном городке, где смогла бы провести свою старость. Выбор ее пал на Кромберри, потому что здесь когда-то жила ее сестра, и миссис Фишберн уже присмотрела себе жилье, но пока не может договориться с нынешним хозяином о цене. Она призналась, что занимается гаданием на картах и надеется этим занятием

кое-как поддерживать свой доход.

Кэтрин передернуло при мысли, что миссис Фишберн возьмет ее за руку и будет своим трубным голосом на всю улицу рассказывать о ее будущем. Эта картина столь живо возникла в ее воображении, что Кэти немедленно захотелось перенести ее на более прочную основу, в свой альбом. Тут же она вспомнила, что дала себе слово исполнить совет отца и стараться создавать красоту, и усовестилась своих мыслей.

Судья Хоуксли и миссис Дримлейн в это время успели обменяться парой фраз, но Кэти их не расслышала. Встрепенулась девушка, только когда судья произнес в продолжение начатой темы:

– Наверяд ли кому-нибудь из соседей не понравится, что мисс Хелен Тармонт выйдет замуж и поселится в семейном поместье. Насколько я слышал, Синглтонов и их подопечную приняли очень хорошо. Новое лицо в обществе в разгар летнего сезона, когда все уже наскучили друг другу с этими бесконечными пикниками и играми в гольф и лаунтеннис, да еще с жутковатой семейной историей, – это просто подарок судьбы! К тому же наших дам и джентльменов порадовала предстоящая свадьба, на венчание уже пригласили всех соседей без исключения, даже Блантвиллов! Конечно, теперь венчание придется отложить, но, если убийца рассчитывал, что свадьбу вовсе отменят, он сильно ошибся. Мисс Тармонт сказала Грейтону, что напишет своему жениху и попросит того вместе с дядюшкой приехать в Кромберри раньше назначенного срока. Уверен, она понимает, что от мистера Синглтона ни она, ни ее сестра не дождутся нужной поддержки.

– Эта девушка пошла в свою бабушку если не внешностью, то решительностью, – заметила в ответ миссис Дримлейн. – А вот Оливия, копия Роуз Тармонт с виду, кажется какой-то забитой, робкой и неуверенной в себе. Надо же, как причудливо обошлась с сестрами природа!

– Полагаю, младшая мисс Тармонт боится возвращаться в родительский дом. В отличие от сестры она не влюблена, ей не туманит голову мысль о скором супружеском счастье, и в Кромберри мисс Оливия не может не вспоминать о смерти родителей и жутком убийстве бабки. Боюсь, она не сможет спокойно спать в старом доме!

– Надеюсь, в результате ремонтных работ дом станет не таким мрачным, как я его помню! – с искренним участием к молодым леди ответила старая дама. – Может быть, свежие обои и новая мебель отвлекут внимание Оливии, она ведь была совсем ребенком пять лет назад, чтобы запомнить какие-то детали, могущие напомнить ей о смерти бабки. А немногочисленные портреты Арчи в детстве и юности были сняты со стен

еще при жизни Роуз. Так что напоминание о его существовании не будет докучать его племянницам ни перед свадьбой Хелен, ни после нее.

– Боже милостивый! – вскрикнула вдруг Кэтрин, ее круглое румяное личико начало быстро бледнеть. – Свадьба его племянницы!

– Что такое, малиновка? – миссис Дримлейн встревоженно повернулась к девушке, и судья отставил чашку, пораженный тем, как быстро мисс Хаддон переменилась в лице.

– Он сказал, что не может пропустить свадьбу племянницы! – прерывистым голосом пробормотала Кэтрин, но тут же собрала все силы и выпалила на одном дыхании: – Миссис Синглтон убил Арчибальд Тармонт!

– Что? Как? – Кэтрин не собиралась шокировать своих собеседников, но оба перенесли настоящее потрясение, услышав ее слова. Юная девушка не знала Тармонтов, не была в Кромберри после убийства Роуз Тармонт, не слышала и половины леденящих историй о ее старшем сыне, а вот судья Хоуксли сразу оценил важность услышанного. Он уже достаточно знал мисс Хаддон, чтобы быть уверенным – эта девушка не склонна к беспочвенным фантазиям в жизни, отдавая им должное только в своем альбоме. Но нынешнее заявление было слишком серьезным, чтобы поверить ему, не убедившись как следует в его правдивости.

– Может быть, вы объясните нам... – попробовал Хоуксли возобновить разговор, чувствуя неловкость оттого, что поддался порыву и издает изумленные вздохи и восклицания точно так же, как престарелая леди. С его-то опытом!

– Ох, миссис Дримлейн уехала, я так ждала ее, чтобы рассказать, а потом, из-за всех этих событий, совсем забыла о том, что я услышала!

Объяснение выглядело не слишком понятным, но судья уже собрался с силами и уяснил главное.

– Вы что-то услышали, мисс Хаддон? Что именно? Это касается Арчибальда Тармонта?

– Выпейте чаю, дитя, и расскажите нам не так поспешно, – мягко, но настойчиво приказала миссис Дримлейн, в отличие от Хоуксли еще не разобравшаяся в том, насколько важный смысл скрывается за сумбурными речами девушки.

Судья Хоуксли нетерпеливо добавил чая в опустевшую чашку Кэтрин и подвинул к ней. Девушка послушно сделала несколько глотков, и взгляд ее перестал выглядеть полубезумным. Она понимала, что от нее ждут внятных объяснений, как поняла вдруг и то, что ее рассказ уже давно должен был быть передан Грейтону и его констеблям. Ведь они ищут грабителя, но на самом деле преступник сразу собирался убить миссис

Синглтон, а ее драгоценности, должно быть, послужили ширмой, за которой скрыто его истинное намерение.

Кэтрин постаралась изложить свою историю кратко и ясно. Трудно судить, насколько ей это удалось, но по окончании ее рассказа судья Хоуксли с обеспокоенным видом откинулся в кресле, а миссис Дримлейн посмотрела на него с недоумением и укоризной. По ее мнению, следовало тотчас же послать за главным констеблем и рассказать ему о появлении в Кромберри Арчи Тармонта. Как бы сейчас ни выглядел этот негодяй, констеблям будет все же легче искать конкретную личность, а не каких-то грабителей, о которых совсем ничего не известно.

– Выходит, он уже однажды тайно пробирался в «Охотников и свинью», – задумчиво протянул судья. – И сумел незаметно уйти...

Кэтрин охнула и расплакалась. Почему, почему она сразу не рассказала дядюшке Томасу об услышанном? Он позаботился бы о том, чтобы лучше охранять своих гостей, и Арчибальд не смог бы проникнуть в гостиницу снова, не убил бы миссис Синглтон.

– Это я виновата, – с трудом проговорила она сквозь рыдания, когда расстроенная миссис Дримлейн попыталась узнать, что так внезапно огорчило ее юную подругу. – Я не должна была дожидаться вас, чтобы решить, что делать с этими сведениями, и вот... он пришел снова и убил ее...

– Не корите себя, дитя мое. – Судья говорил печально, но без укоризны. – Вы растерялись, эти сведения слишком важные, чтобы использовать их, не подумав. И, разумеется, вся вина за убийство лежит лишь на преступнике, и ни на ком другом! Ни ваша тетя, оставившая холл без присмотра, ни ваш дядя, вынужденный экономить на прислуге, ни вы или кто-то еще из обитателей «Охотников и свиньи» не взяли в руки нож и не лишили жизни миссис Синглтон!

С этими словами судья достал из кармана безупречно чистый большой платок и подал девушке.

А миссис Дримлейн уже волновало совсем другое.

– Боже мой, дорогая, а Тармонт мог видеть или узнать вас, когда вы спускались по лестнице?

– Я не знаю. – Кэтрин вытерла щеки и нос и обернулась к ней. – Из-за стопки скатертей в руках я не могла разглядеть ступеньки и спускалась очень медленно. Когда я вошла в коридор, он был уже пуст.

– Если только негодяй не спрятался в одной из пустующих комнат и не подглядывал за вами в щелку приоткрытой двери, – тут же нашлась миссис Дримлейн.

– К чему вы клоните, друг мой? – Судья уже собрался позвонить в колокольчик, чтобы позвать горничную, но непонятные выводы старой дамы заставили его отложить звонок.

– Если Арчи Тармонт видел мисс Хаддон в коридоре и знает, что она подслушала не предназначенные для ее ушей слова, он мог написать ей эту записку! – торжествующе заявила миссис Дримлейн, для пущей убедительности подняв вверх искривленный артритом палец.

– Записку? Какую записку? – Судья посмотрел сперва на нее, затем на Кэтрин, на чьем заплаканном лице отразилось сперва понимание, а затем истинный ужас.

– Он... хочет убить меня, как убил миссис Синглтон? – шепотом спросила она и вся сжалась в своем кресле.

Миссис Дримлейн ласково погладила девушку по руке и, видя, что Кэти слишком напугана, чтобы объяснить, в чем дело, сама рассказала Хоуксли о полученной мисс Хаддон записке с угрозой.

Судья только покачал головой – казалось, тягостные известия сегодня следуют одно за другим, а ведь до конца дня еще очень далеко! Хоуксли пожелал увидеть записку, и она была извлечена на свет божий из кармана Кэтрин.

Стареющий джентльмен несколько раз внимательно перечитал записку, осмотрел лист со всех сторон и уделил особое внимание почерку.

– Полагаю, писала женщина, – сказал он после паузы.

– Вероятно, это та дама, что передала записку, – тотчас сообразила миссис Дримлейн. – Как мы все помним, с Арчибальдом приезжала однажды какая-то женщина, назвавшаяся его женой. Сам он не осмелился появиться возле гостиницы в самый момент поиска преступника и послал ее предупредить Кэтрин. Как только он совершил преступление, вспомнил, что Кэти слышала его разговор с миссис Синглтон и может догадаться, кто произнес те слова.

– Пожалуй, пора послать за Грейтоном, – решил Хоуксли и позвонил в колокольчик.

Судья был прав. Беседовать с дамами за чайным столом о совершенном преступлении, придумывать теории и объяснения случившегося означает приятно провести время, потренировать ум и пощекотать себе нервы, но совсем другое, когда одной из этих дам угрожает настоящая опасность. Тут уж необходимо переходить от разговоров к действиям, и в этом вопросе судья Хоуксли не был готов доверять своим приятельницам, как доверял их наблюдательности и здравому смыслу.

Глава 10

– И как вы могли забыть о таком, мисс Хаддон? – От Грейтона не следовало ожидать деликатного подхода, и Кэтрин пришлось снова проливать слезы и покаянно вздыхать, пока миссис Дримлейн успокаивала ее и бросала гневные взгляды на главного констебля.

К счастью для Кэтрин, у Грейтона не было ни времени, ни желания вести долгие разговоры с юной девушкой, пусть и весьма толковой для своего возраста и пола, но все же неспособной заменить ни сержанта, ни даже самого бестолкового из его констеблей.

Судье Хоуксли Грейтон поручил проинструктировать своих подчиненных относительно внешности Арчибальда Тармонта. Если тот и сумел изменить каким-либо способом свое лицо, рост и осанка останутся прежними.

После этого один из констеблей отправился в дом Тармонтов, чтобы обыскать чердак и кладовки в поисках какого-нибудь изображения Арчи. Возможно, его мать не сожгла портреты опального сына, а лишь приказала убрать их с глаз подальше. Другой констебль должен был заново опросить жителей Мэйн-стрит, но на этот раз предметом расспросов была неизвестная леди, которая могла появиться на улице утром и прогуливаться возле гостиницы, а третьему поручили разыскать мальчишку, передававшего Кэтрин записку, и посетить все меблированные комнаты и пансионы Кромберри, где могла остановиться эта дама.

Сержант Нобблз отправился расспрашивать горничных миссис Синглтон и мисс Тармонт о письмах или визитах незнакомцев, после которых миссис Синглтон могла пребывать в дурном настроении, выглядеть расстроенной или напуганной.

Сам Грейтон с тяжелым вздохом поднялся наверх. Незадолго до приглашения судьи Хоуксли прийти в беседку он сообщил мистеру Синглтону о смерти жены. Толстяк приехал в «Охотников и свинью» так быстро, как только смог, и едва дышал, когда главный констебль нанес ему столь тяжкий удар. Доктор Голдблум прошел с несчастным вдовцом в «Кремовую спальню», заблаговременно приготовленную для него миссис Лофтли – нельзя требовать от человека, чтобы он ночевал в комнате, где только что убили его жену! Мистер Синглтон даже не вспомнил о своих подопечных, его потрясение еще не уступило место горю и желанию разделить его с семьей. Грейтон собирался заглянуть к нему и расспросить

о возможном знакомстве с Арчибальдом Тармонтом, а затем задать новые вопросы мисс Тармонт. Похоже было, что это семейство что-то скрывает, и предположение Кэтрин о том, что Арчи вымогал деньги у Синглтонов, показалось Грейтону достойным внимания.

Увы, главного констебля ждало очередное разочарование. Ни мистер Синглтон, ни обе мисс Тармонт ничего не могли сообщить об Арчибальде Тармонте. На предположение о том, что его супруга была знакома с убийцей и давала ему деньги, Синглтон ответил недоуменным взглядом и попросил Грейтона оставить его в покое и заняться поисками грабителя, вместо того чтобы перекладывать все грехи на одного-единственного человека, который, должно быть, уже пять лет скрывается где-то за границей.

Хелен Тармонт сказала примерно то же самое, только куда более надменно, а заплаканная и напуганная Оливия пожаловалась Грейтону, что вместе с драгоценностями тетушки украден и медальон, на котором она изображена вместе с сестрой. Девочка отдала его на хранение миссис Синглтон. О своем дядюшке Оливия не слышала и не имела представления о том, где он мог бы находиться.

Обе горничные и камердинер мистера Синглтона также оставались в неведении относительно возможного шантажа, которым могли подвергнуться их хозяева. Грейтон ушел ни с чем, но не собирался сдаваться.

– Возможно, он явился лишь сейчас, когда узнал о будущей свадьбе мисс Хелен, – сказал Грейтон судье Хоуксли, когда они вместе покинули «Охотников и свинью» ранним вечером. – И потребовал денег в обмен на обещание не испортить венчание. А когда миссис Синглтон отказала, в чем я почти не сомневаюсь, явился снова и убил ее, чтобы выместить злобу. Драгоценности бедной женщины он, конечно же, забрал с собой. Напрашивается вопрос: как он узнал, что его племянница выходит замуж?

– Нам остается предположить лишь, что в Кромберри у него остался верный человек. Зная характер его матери, можно быть уверенным, что немало слуг, уволенных или наказанных несправедливо, затаили на нее злобу и только рады были услужить ее убийце, особенно если он готов платить им.

– Совершенно с вами согласен! Женщина, передавшая записку для мисс Хаддон, как раз и могла быть такой служанкой! Бывший дворецкий Тармонтов служит теперь в поместье недалеко от Нордчестера. Я отправлю к нему одного из констеблей и попрошу составить список прислуги, работавшей в доме последние несколько лет перед смертью миссис

Тармонт. Мы расспросим всех, кого удастся разыскать.

Судья Хоуксли одобрил действия своего приятеля и тут же заметил:

– Что ж, если Арчибальду хотелось разрушить счастье своей племянницы, лишившей его наследства, ему это удалось. Теперь венчание придется отложить до окончания траура.

– Вовсе нет! – Лицо главного констебля впервые за этот долгий день выглядело довольным, и судья понял – еще одно ошеломляющее известие Грейтон приберег напоследок. – Мисс Хелен Тармонт сообщила мне, что не собирается откладывать свадьбу!

– Но... как? – Хоуксли был по-настоящему удивлен.

– По словам этой юной леди, чей характер тверже кремня, миссис Синглтон была им слишком дальней родственницей, чтобы носить долгий траур. В такую погоду и думать нечего о том, чтобы везти ее тело домой, и похороны состоятся в Кромберри. После похорон мистер Синглтон, по мнению мисс Тармонт, вернется домой и будет соблюдать положенный траур вместе с другими близкими родственниками. Ее же поведет к алтарю дядюшка ее жениха, старший мистер Теннерсон.

– Юной леди так хочется поскорее выйти замуж, что она готова пренебречь традициями и не собирается выказать должное почтение и сочувствие семье, пять лет заботившейся о ней и ее сестре? – Судья Хоуксли был неприятно изумлен услышанным.

– Видимо, так, – согласился Грейтон. – Возможно, она не хочет, чтобы все приготовления к свадьбе пошли прахом, или же слишком влюблена, чтобы согласиться с промедлением, или же...

– Или же она не настолько сильно любила миссис Синглтон, чтобы скорбеть о ней без лицемерия, – закончил фразу судья Хоуксли, но оба подумали еще об одной причине, по которой девушка спешит как можно быстрее выйти замуж.

– Я передал обеим мисс Тармонт ваше предложение переехать в ваш дом на время, пока в их особняке заканчивают ремонт, но мисс Хелен решительно отказалась, – продолжил Грейтон. – Она – истинная внучка своей бабки и собирается поступать по своему усмотрению. Похоже, мистер Синглтон не имеет на нее никакого влияния, а все решения в их семье принимала миссис Синглтон.

– Несомненно, он не способен заботиться о девочках сейчас, да и прежде, пожалуй, тоже. Двум юным леди неприлично оставаться в гостинице без присмотра компаньонки или родственницы, и мне жаль, что мисс Хелен не приняла приглашение, – вздохнул судья Хоуксли. – Особенно жаль маленькую Оливию, должно быть, она очень несчастна в

Кромберри.

– Для девочки было бы лучше отправиться в какой-нибудь отдаленный пансион, – согласился Грейтон. – Все эти переживания могут дурно сказаться на ее здоровье. Но теперь, без миссис Синглтон, за нее все будет решать ее сестра. Мисс Хелен сообщила, что скоро ее жених и его дядя приедут в Кромберри, она уже написала им, и все они немедленно покинут гостиницу и переедут в их дом. Часть комнат уже отделана, и им хватит места, чтобы разместиться.

– Соседи не одобряют, что девушки поселятся в доме без компаньонки, – упрямо заметил Хоуксли.

– Не думаю, что этот факт окажет сколько-нибудь заметное влияние на репутацию мисс Тармонт. После двух убийств отсутствие компаньонки покажется им незначительной мелочью! – возразил главный констебль.

– Пожалуй, вы правы. – Судья Хоуксли остановился на углу улицы, ведущей к его дому, и распрощался с собеседником. – Надеюсь, вы дадите мне знать, как только узнаете что-нибудь новое.

– Разумеется, друг мой, – с готовностью кивнул Грейтон и тут же хитровато улыбнулся. – Полагаю, я смогу найти вас в «Охотниках и свинье» за чаепитием с вашим маленьким женским штабом.

– Разумеется, – улыбнулся и судья. – Вы помните, как сильно они помогли расследованию прошлогодних убийств, и я, признаюсь, надеюсь на их проникательность и сейчас. Тем более что убийство совершилось почти у них на глазах. К тому же я бы хотел ободрить мисс Хаддон, бедняжка сильно напугана этой запиской.

– Я только приветствую любую помощь, которую могут оказать расследованию здравомыслящие люди, даже леди, – вежливо кивнул Грейтон и тут же озабоченно нахмурился. – Записка и в самом деле выглядит пугающей. Что, если мисс Хаддон видела или слышала что-то еще, о чем и сама не знает, а убийца видит в ней опасность своим замыслам?

– Я переговорил с мистером Лофтли. Он встревожился не меньше, чем мы с вами, и собирается усиленно охранять свою племянницу, да и других гостей тоже, раз уж вы не позволили им уехать.

– Нельзя полностью исключать возможность того, что кто-то из них все же причастен к смерти миссис Синглтон. Для спокойствия мистера Лофтли и его домочадцев я приказал констеблю дежурить на Мэйн-стрит всю ночь и каждые полчаса заглядывать в проулок, где расположены ворота на задний двор гостиницы.

– Что ж, тогда, я думаю, им нечего опасаться. В «Охотниках и свинье»

крепкие двери и надежные запоры, а в холле будет дежурить лакей мистера Лофтли.

На этом джентльмены окончательно распрощались. Судья направился к своему дому, чтобы поделиться с любопытствующими домочадцами последними новостями, а Грейтон пошел своей дорогой, намереваясь зайти в полицейский участок и отдать еще несколько приказов, пришедших ему в голову после беседы с судьей Хоуксли.

Вечером Кэтрин никак не могла заснуть. Она пыталась читать, рисовать, писать письмо отцу, но тотчас бросала свое занятие и начинала бесцельно бродить по комнате. На самом деле ее цель состояла в том, чтобы едва ли не каждую минуту проверять, надежно ли заперта дверь в ее комнату, но Кэти не могла признаться даже самой себе, как сильно она напугана.

Вечер она провела с миссис Дримлейн и Бет Харт, явившейся ободрить миссис Лофтли и ее племянницу. Несколько месяцев назад сама Бетси едва не стала жертвой хитрого и беспощадного убийцы и лучше других могла понять ужас, который давил на Кэти удушливым покрывалом. Ее муж, Джон, прислал в гостиницу своего младшего брата Дика, чтобы тот дежурил ночью в коридоре второго этажа.

Еще не прошло и года, как невеста Дика, мисс Грин, была убита тем же человеком, что покушался на Бетси, а до того убил еще несколько девушек. Дика довольно долго подозревали в убийстве мисс Грин и, если бы не участие в этой истории миссис Дримлейн и двух ее молодых приятельниц, еще неизвестно, удалось бы младшему Харту избежать виселицы. Несмотря на обрушившиеся на Кромберри несчастья, благополучным итогом расследования, лавры за успех которого достались, конечно, главному констеблю Грейтону, стала женитьба Джона Харта на любимой девушке.

После случившегося братья были безмерно благодарны миссис Дримлейн и мисс Хаддон, и сейчас им выпал случай отплатить за полученную помощь. Дик был готов проводить в «Охотниках и свинье» все время, свободное от работы, а Джон отрядил самых толковых своих возчиков помогать констеблям в поисках преступника.

Известие о подозреваемом в убийстве миссис Синглтон Арчибальде Тармонте облетело округу едва ли не за полдня, как и предполагал Грейтон. Он даже не слишком расстраивался по этому поводу, хотя его лондонское начальство было бы возмущено утечкой столь важных сведений. Но это в Лондоне, а в маленьких городках живут по своим законам, так считал

Грейтон. Чем больше людей будет знать о том, что в городке или возле него появился опасный убийца, тем скорее он будет пойман. Люди начнут присматриваться к чужакам, слишком заметным в небольшой общине, и о каждом подозрительном человеке немедленно узнают в полиции. Пусть уж лучше констебли напрасно побегают по городу, проверяя безобидных торговцев или путешественников, чем упустят того единственного, кого должны найти.

Как ни странно, новость о том, что полиция ищет ужасающего Арчи Тармонта, успокоила постояльцев гостиницы. Одно дело, когда ограбление и убийство совершил какой-то вор или разбойник, и совсем другое – личная месть. Она касается только того, на кого направлена, а все остальные могут спать спокойно. Примерно так рассуждала миссис Фишберн, еще утром громче всех высказывавшая желание покинуть гостиницу, ей вторили мистер и миссис Биггс, и только миссис Мидлхем не проявляла излишнего волнения. Она, как и подобает доброй христианке, постучала сперва в дверь к мисс Тармонт, а затем к мистеру Синглтону и предложила свою помощь, в чем бы она ни заключалась. Помощь была отвергнута более или менее вежливо, и миссис Мидлхем вернулась к своим никому не известным делам.

Кэтрин снова прислушалась у двери, хотя и знала, что не услышит ни шагов, ни тихого разговора, приди кому-нибудь из постояльцев охота беседовать в коридоре. Уж об этом дядюшка Томас позаботился, когда только принял на себя тяжелую долю владельца маленькой гостиницы.

Девушка преодолела желание приоткрыть дверь и выглянуть в коридор. Она знала, что в тусклом свете газовых ламп увидит Дика Харта, устроившегося на соломенном матрасе в дальнем конце коридора, у самой лестницы. Внизу в холле ночевал Эндрю, а сам дядюшка Томас велел постелить ему в тесном коридорчике у задней двери, чтобы перекрыть злоумышленнику, если таковой явится, путь наверх по узкой боковой лестнице. Мистер Лофтли вооружился охотничьим ружьем судьи Хоуксли, хоть и навряд ли умел с ним обращаться, Эндрю одолжил в лавке топор мясника, а Дик явился со своим ножом и длинной палкой.

Назавтра мистер Лофтли пригласил слесаря, чтобы поставить решетки на все окна, выходящие во двор, и дополнительные замки на каждую из дверей. Таким образом, старая гостиница должна была превратиться в неприступную крепость. И все ради племянницы мистера Лофтли!

Дядя и тетя были напуганы и расстроены, когда узнали о полученном Кэти послании, и даже предложили отправить девушку в родной Стоунфолл до тех пор, пока Арчибальд Тармонт не будет арестован. Такое

предложение Кэтрин уже получала прежде, когда в Кромберри погибли несколько девушек, и отказалась от него так же, как и тогда. Она хотела остаться с дядей и тетей, хотя и испытывала неловкость из-за того, что причиняет им столько хлопот.

– Не думай об этом, милая, – утешал ее дядюшка Томас. – Решетки давно стоило поставить, как и нанять второго лакея. Это мое упущение. Когда вернется Сэмюэль, я не стану увольнять Эндрю, здесь хватает дел для двух лакеев, даже если мне придется платить им из сбережений, что мы с твоей тетей пытаемся делать на старость.

Тетушка Мэриан, преодолев собственное уныние перед лицом опасности, грозившей племяннице, тоже постаралась ободрить Кэти.

– Твой дядя преувеличивает наши убытки, дорогая. Уверена, он поднимет цену на эль в своем пабе и возместит таким образом расходы на решетки и второго лакея. После таких вот событий, приносящих одним людям горе, другие собираются чаще, чтобы обсудить случившееся за кружкой эля и рассказать обо всем тем, кто еще не слышал эту историю. Особенно будут усердствовать возчики Джона Харта, ведь они причастны к поискам убийцы, и это придаст им вес в глазах собутыльников. А скоро появятся и жадные до новостей журналисты...

Кэтрин помнила, как все это происходило несколько месяцев назад, и понимала, что тетушка Мэриан права. Но тогда опасность грозила не ей, и, несмотря на переживания, Кэти не могла не получать удовольствия от чаепитий с миссис Дримлейн и судьей Хоуксли, которые привели в конечном итоге к открытию истины.

Сейчас же она не в силах была сосредоточиться и беседовать с друзьями так, будто происшедшее касалось кого-то другого, а они всего лишь разгадывают очередную сложную шараду. Ей было страшно и неудобно, будь она одна или в компании.

Миссис Дримлейн предлагала ей ночевать в ее спальне, Бет и Джон пригласили погостить у них в доме, но Кэтрин предпочла остаться в своей спальне, то ли из упрямства, то ли из нежелания причинить им еще большее беспокойство. К полуночи она уже жалела о своем решении.

Погасив свет, Кэти то выглядывала в окно, то подходила к двери и трогала ключ, убеждаясь, что он все так же плотно сидит в замке и никто не пытается вытолкнуть его снаружи другим ключом. Когда же эта долгая ночь закончится и сколько у нее еще впереди таких вот бессонных ночей?

В конце концов усталость одолела ее настолько, что Кэтрин начала спотыкаться на мягком ковре, и девушка прилегла поверх одеяла лицом к двери, не снимая пеньюра и положив рядом с собой тяжелую книгу – свое

единственное оружие. Сон милосердно спустился к ней сразу и не принес с собой ни кошмаров, ни неожиданных пробуждений из-за треска старых обоев или шума птичьих крыльев в дымоходе.

Глава 11

Ночь прошла без потрясений для всех, кто провел ее в «Охотниках и свинье», и утром только мистер Лофтли охал и морщился от боли в спине, неминуемо сменяющей сон на неудобном ложе.

Кэтрин, к своему удивлению, проспала до самого утра и, хоть и не чувствовала себя спокойно, все же была в состоянии сидеть за стойкой и беседовать с немногочисленными постояльцами и куда большим количеством любопытствующих жителей Кромберри. Миссис Лофтли загоняла кухарку, приказывая ей готовить все новые и новые порции легких сэндвичей и кувшины оранжада. Жара вернулась, и посетители, которых больше, чем собственные дела, волновали события в гостинице мистера Лофтли, охотно занимали столики в ресторане и во дворе, а в беседку едва можно было протолкнуться.

Глядя на всю эту ярмарку шляпок, летних платьев и пестрых зонтиков от солнца, Кэтрин чувствовала легкую тошноту. В «Охотниках и свинье» жестоко и хладнокровно убили порядочную женщину, ее вдовец безуспешно искал утешение на дне винных бутылок из погреба дядюшки Томаса, напуганные подопечные не покидали своей комнаты, а горожане едва ли не устроили себе праздник. Причем среди них были не только сплетницы из попечительского совета или праздные жители окрестных поместий, но и почтенные торговцы, вечно занятые швеи и старомодно одетые домохозяйки с другого конца города, где по берегам Крома ютились домишки городской бедноты. Бабушка миссис Харт возглавила делегацию стариков из богадельни, тех, кто еще способен был пройти несколько улиц ради того, чтобы порадовать своих более дряхлых и больных товарищей свежими новостями из порочного свинарника. Так вчера вечером в пабе назвал «Охотников и свинью» старый браконьер Подрик Плам, и это унижительное прозвище тотчас облетело весь город. Как водится в таких случаях, мистер и миссис Лофтли узнали об этом ударе по репутации своего заведения последними, и миссис Лофтли долго плакала в своей спальне, стеновая и заламывая руки, пока дядюшка Томас грозился обрушить на зловещных горожан всяческие кары и подсчитывал доход от сэндвичей и оранжада.

Горничная принесла чайный поднос в холл, где на диване расположились дамы из попечительского совета, похоже, не собиравшиеся покидать свои позиции до тех пор, пока в кладовой остается хотя бы

полфунта чая.

На обратном пути на кухню Сара обернулась к лестнице и кокетливо наклонила голову, искоса поглядывая наверх. Кэтрин проследила за ее взглядом. На верхних ступенях устроился Дик Харт, чтобы наблюдать оттуда за входной дверью и частью улицы, видимую в окна по обе стороны двери. Кэтрин тихонько хмыкнула.

В прошлом году Сара рассказывала ей историю о смерти мисс Грин, невесты Дика, и не скрывала своего страха и неприязни к обоим братьям Харт. Но теперь, когда выяснилось, что Дик невиновен, Сара совершенно забыла о своем прежнем отношении.

– Что ж, если по окончании всей этой истории они поженятся, мы с Бет сможем сказать, что все наши тревоги были ненапрасными, – сказала себе Кэти и тоже посмотрела на дверь. – Пора бы уже Бетси явиться и дать мне передохнуть хотя бы полчаса. Иначе, клянусь, я заберу у дяди ружье судьи Хоуксли и разгоню этот жужжащий рой! Пусть разбегаются, как курицы, на которых нападает лиса!

Но Бет все не появлялась, а вместо нее в холл вплыла мисс Фриддел, сестра викария ближайшего прихода, оплот попечительского комитета. Кэтрин вежливо кивнула этой даме и склонила голову над конторской книгой, чтобы не видеть грузную, одышливую мисс Фриддел. Эта женщина не вызывала у Кэтрин теплых чувств. Несколько месяцев назад, после убийства в «Охотниках и свинье», именно мисс Фриддел первой перестала приглашать тетушку Мэриан на заседания комитета и заклеила старую гостиницу прозвищем «притон». После, когда убийца был найден и им оказался джентльмен из одной из самых почтенных семей, шокированные дамы вернули миссис Лофтли в свой круг. Тетушка Мэриан, так долго мечтавшая получить эту привилегию, жестоко страдала, когда ее отлучили от попечительского совета, и была счастлива вернуться в лучшее общество Кромберри, но Кэти не простила этих лицемерных сплетниц, в особенности старую ханжу мисс Фриддел. И сейчас ее удерживал от того, чтобы взять карандаш и изобразить сестру викария в каком-то неприглядном виде, лишь страх, что ее пальцы будут дрожать из-за переживаемого волнения.

Кэтрин забежала ненадолго к миссис Дримлейн, просто чтобы заверить свою старшую подругу, что с ней все в порядке, она не сходила с ума от страха целую ночь и не слышала ничего подозрительного. Тогда же она спросила миссис Дримлейн, почему горожане не обходят «Охотников и свинью» за милую, как приют для прокаженных, когда в гостинице вновь совершено убийство?

– Думаю, они бы не являлись сюда сами, а расспрашивали слуг и посыльных, не будь в эту историю замешано такое старинное семейство, как Тармонты. Если бы миссис Синглтон убил простой грабитель, все эти уважаемые жители Кромберри отвернулись бы от твоих тетушки и дядюшки. Но подозревать Арчибальда Тармонта – значит допустить, что убийца ходит где-то рядом с ними по респектабельным улицам и, возможно, планирует новое злодеяние. Это и страшно, и будоражит кровь. Им просто невозможно усидеть на месте. Послушай моего совета, малиновка: не обращай на них особенного внимания. Пройдет три-четыре дня, и они перестанут являться в «Охотников и свинью».

Наверху лестницы послышались голоса, и вниз медленно спустилась миссис Мидлхем. Сегодня она выглядела еще хуже, чем накануне, лицо ее пожелтело и будто усохло. Одной рукой она опиралась на перила, за другую ее поддерживал Дик Харт. Следом за ними спустилась Полин. Девочка не поднимала глаз, когда проходила через холл, но даже в этом рассеянном свете Кэтрин заметила, что лицо ее заплаканно.

«Должно быть, миссис Мидлхем совсем плохо себя чувствует, но не может позволить себе пригласить врача в «Комнату с овцами». Вот ей и приходится самой посещать доктора. Бет говорила, что видела ее в богадельне, когда миссис Мидлхем приходила к доктору Голдблюму».

Миссис Мидлхем равнодушно кивнула дамам, расположившимся на диванах в холле, и вышла на улицу, опираясь уже на руку дочери. Дик закрыл за ними дверь и вернулся на свою «марсовую площадку».

– Напомните мне, мисс Хаддон, как зовут эту женщину. – Мисс Фриддел бесцеремонно обратилась к Кэтрин, и той пришлось ответить.

– Это миссис Мидлхем, она гостит у нас.

– Вчера я видела ее и девочку у дверей кондитерской, кажется, они выходили оттуда. – Мисс Фриддел оглядела своих приятельниц. – И можете ли вы представить себе, дорогие дамы, кто разговаривал с этой миссис Мидлхем?

Все четверо с любопытством подались вперед. Сестра викария Фриддела была известна своим умением появляться в нужном месте в самое подходящее время. Для нее, естественно, но отнюдь не для других. Приносимые ею новости чаще всего были из разряда тех, о которых участники ее историй предпочли бы не сообщать посторонним. Напряглась и Кэти, продолжая делать вид, что подсчитывает что-то в конторской книге мистера Лофтли.

– С ними был мистер Чарльз Блантвилл! – объявила мисс Фриддел и торжествующе оглядела подруг.

Кэтрин разочарованно вздохнула. Мистер Блантвилл. И что такого особенного в этой новости? Он мог случайно столкнуться с миссис Мидлхем на крыльце, только и всего.

Похоже, дамы из благотворительного комитета думали так же.

– Блантвилл известен своей щедростью на ниве благотворительности, – заметила одна из них. – Должно быть, эта миссис Мидлхем просила у него денег, ее бедность бросается в глаза за милю.

– К тому же всякому видно, что ее дни сочтены, а кому-то ведь надо заботиться о девочке, – прибавила вторая. – Я не удивлюсь, если эта женщина обратилась ко всем богатым джентльменам в округе с просьбой поддержать ее. А откликнулся один лишь Блантвилл.

Мисс Фриддел недовольно затрясла подбородками.

– Он выглядел рассерженным и вскоре развернулся и пошел к своей карете, вы помните, ее совсем недавно доставили Джону Харту по его заказу. Огромная, как дилижанс, темно-зеленая с лаковым верхом. Он и сам был одет в зеленое и буквально позеленел от злости, расставшись с миссис Мидлхем. Проходя мимо меня, он едва кивнул, а уж чем-чем, а дурными манерами Блантвилл никогда не отличался! Полагаю, они с миссис Мидлхем ссорились из-за какого-то серьезного вопроса!

Это сообщение немного подогрело интерес дам к новости мисс Фриддел, и они с четверть часа лениво строили предположения о том, что делает миссис Мидлхем в здешних краях и какова цель ее встречи с Блантвиллом. Но Кэтрин их уже не слушала.

Вычерчивая бессмысленные зигзаги на полях конторской книги, она думала о том, что будет дальше. Прежде всего, завтра вечером придет жених Хелен со своим дядюшкой. Кэтрин надеялась, что эта встреча ободрит обеих мисс Тармонт. Со вчерашнего утра сестры не покидали свою комнату, обед и легкий ужин им относил горничная. Сьюзен неохотно отвечала на расспросы гостиничной прислуги, но сообщила, что старшая мисс Тармонт взяла на себя заботы об устройстве похорон миссис Синглтон. Помочь ей в этом вызвался сам судья Хоуксли, так как мистер Синглтон явно был не способен на разумные действия. Судя по тому, что услышала сама Кэти, заглянувшая на кухню, Сьюзен была невысокого мнения об этом джентльмене и даже не давала себе труд это скрыть.

– Мисс Хелен весь день пишет письма и телеграммы родственникам Синглтонов и тем из друзей, кто смог бы приехать почтить память миссис Синглтон. Я уже дважды ходила на почту сама и дважды посылала лакея! А мистера Синглтона дай нам бог увидеть трезвым хотя бы в тот момент, когда на гроб его бедной жены полетят первые комья земли!

Судья Хоуксли должен был прибыть в «Охотников и свинью» после обеда и привести с собой служащего похоронной конторы. К тому времени полицейские уже позволят забрать тело погибшей.

Кэтрин надеялась, что судья захватит с собой и какие-нибудь новости от главного констебля Грейтона, связанные с поисками Арчибальда Тармонта. Обнадеживающие новости. Но девушка смутно понимала, что ее надежды напрасны. И вот это чувство растущей безнадежности медленно заполняло ее отвратительным холодом. Такой холод идет летом от стоячего болота с темной, дурно пахнущей водой.

После похорон миссис Синглтон обе мисс Тармонт уедут вместе с Теннерсонами в поместье Тармонтов, мистер Синглтон отправится домой, а Кэтрин останется здесь, в «Охотниках и свинье». Ждать, когда жестокая и беспощадная судьба настигнет ее.

Но почему? Что она сделала Арчи Тармонту, чтобы так неприкрыто угрожать ей?

Кэти слишком сильно нажала на карандаш, вырисовывая очередной завиток, и толстая коричневая бумага порвалась, а карандаш сломался с неприятным треском. Мисс Фриддел наверняка сделала бы ей замечание, но, к счастью, в это время в холл вышли со стороны ресторана три наиболее крепко стоящие на ногах старушки и один тощий старик в залоснившемся сюртуке.

Вздыхая и бормоча, поддерживая друг друга, эти обделенные обеспеченной старостью, но отнюдь не любопытством старики направились к выходу, чтобы рассказать в богадельне то небольшое, что им удалось узнать об убийстве миссис Синглтон, и намного больше – придуманного ими самими.

Дик Харт сбежал по лестнице так быстро, как только мог, чтобы помочь им всем распахнуть тяжелую дверь и благополучно спуститься с крыльца. Только убедившись, что старики двинулись в правильном направлении и способны добраться до своего унылого дома, не потеряв ни конечностей, ни палок, ни одного из них, добрый малый вновь устроился на верху лестницы.

Кэтрин с отвращением наблюдала, как неодобрительно дамы из попечительского комитета сперва смотрели на тех, ради кого трудились денно и ночно на беспорядочно засеянном поле благотворительности, а затем – на Дика Харта, который мог слышать, о чем беседуют эти важные особы. Мисс Фриддел начала говорить тише, но Кэти все равно могла слышать, как она осуждает миссис Лофтли, приказавшую бесплатно накормить стариков всем, что осталось у кухарки от вчерашнего обеда.

– Так ведь они возьмут за привычку являться сюда и есть за столами в ресторане, как леди и джентльмены. А почтенные гости миссис Лофтли вряд ли хотели бы видеть рядом с собой этих несчастных.

– Миссис Лофтли, безусловно, очень добрая женщина, но ей бы не следовало заискивать перед кем ни попадя, – согласилась другая леди. – Но сейчас ей ничего не остается, как проявлять щедрость и заботу о любом из своих гостей. Кто знает, будут ли у нее новые постояльцы после того, как в гостинице совершено уже два убийства!

Подруги согласно закивали, и Кэтрин с трудом поборолла желание сломать с громким треском остатки карандаша, которые крутила в пальцах. Гнев вытеснял морозный страх из ее сердца, и она рада была сердиться, раз уж не может делать что-то еще.

День тянулся и тянулся, и нервы девушки были до того напряжены, что, когда вечером измученная миссис Лофтли подошла сзади и коснулась ее плеча, чтобы предложить пойти выпить чаю с миссис Дримлейн, Кэтрин взвизгнула. Дик Харт немедленно свесил растрепанную голову через перила лестницы и, убедившись, что ничего страшного не произошло, сочувственно покивал головой.

Кэтрин благодарно обняла тетушку, выглядевшую не лучше ее самой, и сходила на кухню за чайным подносом, уже приготовленным для миссис Дримлейн и ее постоянной собеседницы. Там же Кэтрин увидела Сьюзен, забиравшую поднос с ужином для мисс Тармонт. Горничная холодно взглянула на мисс Хаддон и резко отвернулась, словно боясь расспросов или слов сочувствия. Заметив этот взгляд, Кэтрин едва не споткнулась. Вот что еще она не рассказала судье Хоуксли и миссис Дримлейн!

Упущение следовало исправить немедленно, и Кэти так решительно вошла в «Зал фей», что миссис Дримлейн, уже сидевшая в своем кресле, сразу поняла – девушке есть что сообщить. Или же новый страх перед грозящей ей опасностью изжил старые страхи, связанные с этой милой зеленой комнатой. Кэти не обманула ожидания старой дамы и поспешно рассказала о злобной реплике Сьюзен, обращенной к кому-то из сестер Тармонт. Она не добавила, что уверена – слова были обращены к Оливии, но миссис Дримлейн и сама догадалась об этом.

– Уже не первый раз вы говорите поразительные вещи, дитя мое! – воскликнула старушка, взволнованная услышанным. – Конечно же, этот выпад был направлен в адрес младшей мисс Тармонт. Хелен не позволила бы горничной так говорить с собой, да и девочка, о которой шла речь, может быть только мисс Мидлхем. Я видела сама и слышала от вас, что Оливия, одинокая и испуганная, хотела бы подружиться со своей

ровесницей, даже если их разделяет непреодолимая социальная пропасть.

– Но почему Сьюзен так говорила? Что плохого в том, если две девочки немного поговорят и порисуют вместе? Скоро обе мисс Тармонт уедут в собственный дом, и, возможно, мисс Оливия никогда не увидит мисс Мидлхем...

– Я уже говорила вам, как часто прислуга в богатых домах приобретает налет снобизма, свойственного господам. Возможно, Сьюзен на свой лад старается поддерживать репутацию этого семейства... – Миссис Дримлейн осеклась, сообразив, что ее слова бессмысленны. В самом деле, после всего случившегося дружба одной из мисс Тармонт с девочкой из бедной семьи – последнее, что может нанести урон репутации обоим семействам, Тармонтов и Синглтонов. – Бедный мистер Синглтон, уверена, он уже сотню раз пожалел, что согласился взять на себя заботу об этих девочках. Если б не они, он бы жил преспокойно со своей супругой в собственном поместье, пил свой херес и играл в бильярд... – невпопад закончила старушка, но Кэтрин поняла ее.

– И все же пусть так, но Сьюзен не должна приказывать мисс Тармонт! Почему за Оливию не заступилась ее сестра?

– Возможно, в момент этого разговора мисс Хелен была в туалетной комнате или же она вполне разделяет взгляды своей горничной. Не забывайте, моя дорогая, Сьюзен прислуживала еще матери мисс Тармонт, а после ее смерти она могла начать относиться к девочкам как к своим собственным детям. И делать им выговоры в манере, свойственной ее суровому характеру.

Мисс Хаддон ничего не оставалось, как согласиться с миссис Дримлейн. Другого объяснения бесконечно дерзкому поведению горничной она предложить не могла, как бы сильно ни жалела Оливию.

Вот так и закончился этот день, тягостный для всех обитателей «Охотников и свиньи», кроме, пожалуй, миссис Фишберн. Эта дама отменно пообедала, сходила на прогулку и вернулась с новыми перчатками, приобретенными в лавке миссис Трилл и ее сестры за полцены. Взамен миссис Фишберн поделилась с хозяйками магазина своей версией событий, последовавших за смертью миссис Синглтон. А возможно, и до этого момента, учитывая обширное воображение миссис Фишберн.

Глава 12

– Прошу вас, мистер Теннерсон! Мне бы хотелось сказать, что я рада принимать вас у себя, и это было бы истинной правдой, но в данных обстоятельствах, боюсь, это неуместно, – щебетала взвинченная миссис Лофтли, тщетно стараясь соблюдать тон радушной хозяйки.

– О, я вполне понимаю вас, дорогая миссис Лофтли. – Старший мистер Теннерсон не без труда склонился, чтобы поцеловать ей руку. Эта старомодная галантность еще больше взволновала бедную тетюшку Мэриан, и Кэтрин, испытывающая неловкость от того, что наблюдает эту сцену, перевела взгляд на Роджера Теннерсона.

Молодой человек навряд ли был старше своей невесты, его редкие рыжеватые усики и далеко выступающие из манжет кисти рук говорили о том, что он еще не перестал расти. Пожалуй, Хелен и даже Оливия не уступали ему в росте. Каштановые с рыжиной волосы непослушно вились у висков, светло-синие глаза смотрели устало, да и весь вид юноши говорил о том, что он либо тяжело перенес путешествие, либо сильно огорчен причиной, по которой ему и дядюшке пришлось приехать в Кромберри раньше намеченного срока. Черты лица его были тонкими для мужчины, но в будущем обещали стать более мужественными, и Кэтрин подумала, что он куда красивее своей невесты и лучше подошел бы Оливии, будь она хотя бы на три года старше.

Дядюшка Роджера, мистер Джереми Теннерсон, выглядел настоящим патриархом со своими белоснежными волосами и густыми бакенбардами. Спина его была согнута, и при ходьбе он сильно хромал и опирался на толстую деревянную палку с многогранным металлическим набалдашником, искусно сделанным в виде перевернутого ананаса. Костюм пожилого джентльмена выглядел современным, но был сшит из дешевой ткани и, скорее всего, куплен в магазине готового платья. Так же скромно был одет и его племянник. Похоже, это не Хелен Тармонт повезло найти жениха, согласного взять ее в жены со всеми обстоятельствами ее биографии, а Роджеру Теннерсону следовало молиться о здравии своей невесты. Приданого Хелен хватит на то, чтобы Роджер одевался у лучшего портного и приобрел изысканный лоск настоящего джентльмена. Впрочем, черты его лица выдавали благородное происхождение, и он должен был нравиться юным девушкам, так что выгодная женитьба – только вопрос времени.

Старший Теннерсон уточнил у миссис Лофтли, какую комнату занимают «бедные девочки», и пожелал немедленно подняться к ним, даже не освежившись с дороги. Миссис Лофтли решила разместить Теннерсонов в «Комнате с апельсинами», где было две кровати. Обои с ветвями цветущих и одновременно плодоносящих апельсиновых деревьев и чахлое деревце в горшке у окна оправдывали название этой комнаты еще до того, как мистер Лофтли стал владельцем гостиницы. А миссис Лофтли прибавила к отделке номера оранжевые шторы и покрывала, а также расписные кувшины и тазики для умывания, украшенные изображениями персиков. Найти эти предметы с нарисованными на них апельсинами ей пока не удалось, а мастерство художника вполне позволяло миссис Лофтли считать эти плоды тем, чем ей бы хотелось.

При виде лестницы старший мистер Теннерсон заметно поморщился, и лицо миссис Лофтли приняло виноватое выражение. Но достойный джентльмен без всяких жалоб принялся подниматься вверх, тяжело опираясь на перила, но не позволив племяннику поддержать его.

Миссис Лофтли сочла необходимым проводить гостей вверх, но в комнату мисс Тармонт ее не пустили, и раздосадованная хозяйка гостиницы направилась в кабинет мистера Лофтли, чтобы пожаловаться на дурные манеры Сьюзен, закрывшей дверь перед ее носом после того, как в «Комнату с портретом» вошли джентльмены.

Кэтрин поднялась, чтобы размять ноги, пока в холле никого не было. Из ресторана доносились голоса посетителей, явившихся в чуть меньшем количестве, чем накануне, но все же в большем, чем в обычные вечера. Общий гул перекрывал голос миссис Фишберн, опять рассказывавшей что-то о кошмарном субботнем утре.

– Скорей бы она купила этот свой домик и съехала, – пробормотала Кэтрин, стоя у окна и любуясь проходящим по Мэйн-стрит констеблем. – Мистер Роджер Теннерсон со своим слабым голоском может позавидовать басу этой дамы, да и его дядюшка, пожалуй, тоже.

Весь сегодняшний день прошел в хлопотах – в гостиницу несколько раз забежал Стивен Морвейн, почтальон, с телеграммами от родственников Синглтонов. Три семейства и один джентльмен, кузен миссис Синглтон, пожелали остановиться в «Охотниках и свинье» на ночь, предшествующую похоронам, и на следующую за ней. Поминальный обед также решено было заказать в гостинице, чтобы скорбящим не нужно было добираться куда-то ночью в незнакомом городе.

Тетушка Мэриан всегда следила за тем, чтобы номера в ее заведении были наготове, если вдруг на пороге появится неожиданный гость, но

сейчас она была так обеспокоена причиной, по которой все эти леди и джентльмены останутся в гостинице, что несколько раз перепроверяла свежесть постельного белья и отсутствие пыли под кроватями. К счастью, четыре свободные комнаты в гостинице нашлись, и неутешных родственников покойной миссис Синглтон не пришлось отправлять в дешевые пансионы. Судья Хоуксли зашел так далеко в своей любезности, что предложил свой дом в качестве пристанища для кого-то из этих неизвестных ему леди и джентльменов, но пока в его доброте не нуждались. Однако же сделать это щедрое предложение старый хитрец счел непременно, что позволило ему опять явиться в «Охотников и свинью» почти сразу после прибытия Теннерсонов. Кэтрин, легко разгадавшая эту хитрость, готова была поклясться, что судья подмигнул ей, когда проходил мимо ее конторки к лестнице. Его Сьюзен не осмелилась не впустить в комнату мисс Тармонт, и перед тем как покинуть гостиницу, судья наскоро рассказал миссис Дримлейн и Кэтрин о своих впечатлениях от Теннерсонов.

– Старший Теннерсон был любезен и предупредителен, но, как мне показалось, раздосадован случившимся, – говорил судья, тщательно подбирая слова. – Похоже, он ожидал, что мисс Тармонт отложит венчание из-за траура, и испытал большое облегчение, когда мисс Хелен решительно заявила, что не позволит злодею, будь то ее дядюшка или кто-то другой, разрушить ее счастье. И счастье ее жениха, разумеется...

– А что об этом невероятном нарушении приличий думает сам жених? – полюбопытствовала миссис Дримлейн.

– Младший Теннерсон, откровенно говоря, показался мне довольно скучным юношей. – Хоуксли пожал плечами, его обычно проницательный взгляд выражал недоумение. – Он не выглядел ни обеспокоенным, ни счастливым, как будто его не заботит, женится он на мисс Хелен сейчас или через год-другой. Похоже, за него все решает дядюшка, а через пару недель будет решать жена.

Кэтрин не отважилась сказать, что Роджер Теннерсон хорош собой и способен понравиться молодой леди. За нее это сделала миссис Дримлейн, со свойственной ей иронией заметившая, что девятнадцатилетняя девушка могла разглядеть в Роджере то, чего не заметил седовласый судья.

– Пусть так, после всего, что пришлось вынести Хелен и ее сестре, я только рад буду услышать, что она счастлива, – неохотно согласился Хоуксли. – Но я бы не пожелал такого жениха для своей дочери или для мисс Хаддон.

Кэтрин покраснела, в словах судьи она почувствовала завуалированное

желание оказать ей поддержку. Как все-таки чудесно, что ей встретились в Кромберри такие люди, как миссис Дримлейн и судья Хоуксли! Да даже Бетси Харт с ее язвительностью и даже некоторой озлобленностью стала для Кэти куда лучшим другом, нежели оставшиеся в родном Стоунфолле подруги! А тетушка Мэриан относилась к девушке с истинно материнской заботой, куда ласковее, нежели миссис Хаддон. Вот только дядюшка Томас не мог заменить Кэтрин отца, но нельзя получить все одновременно, не так ли?

Час был поздний, и судья заторопился домой. Но перед этим проводил Кэти до дверей ее комнаты и даже заглянул внутрь, чтобы убедиться – никто не прячется за портьерой, окна надежно заперты, а после его ухода мисс Хаддон так же надежно запрет дверь.

В коридоре вновь собирался дежурить Дик Харт, похоже, воспринимавший происходящее как приключение весьма приятное, учитывая улыбки Сары, становившиеся все более поощряющими.

Блестящей идеей главного констебля Грейтона было предложить мисс Хаддон нарисовать портрет мальчишки-посыльного, принесшего ей записку. Кэтрин постаралась, и один из констеблей опознал сына уличной торговли пирожками. Джека удалось разыскать, и эта находка была пока единственной удачей полиции. Напуганный парнишка рассказал все, что мог, о женщине, передавшей ему записку для мисс Хаддон, но в отличие от Кэтрин он не умел рисовать, а описание его подходило к доброй половине жителей Кромберри.

– Горничная из приличного дома, вот и все, что мы можем сказать о ней, – сообщил Грейтон судье Хоуксли, а уж тот позже передал эти слова миссис Дримлейн, Кэтрин и мистеру Лофтли. – Крахмальный чепчик, темные волосы, хорошее платье, и она выглядела моложе матери Джека. Учитывая, что его мать проводит дни на улице со своей тележкой, а вечера за стаканчиком джина со своим сожителем, это замечание мальчика нам не пригодится. В проулке горничную ждала карета, в которой, скорее всего, сидели ее хозяева, отправившие служанку найти посыльного. Мальчишке повезло, что он слонялся по Мэйн-стрит, и он больше смотрел на предложенную ему монету, чем на горничную, но экипаж привлек его внимание своей зеленой с золотом отделкой. Я уже приказал сержанту объехать все соседние поместья и телеграфировать в близлежащие городки, расспросить конюхов и дворецких, не видел ли кто-нибудь такую дорогую карету. Да и в городе экипаж должны были заметить, Джон Харт заявил, что никогда не чинил подобный, а это означает, что владельцы не из здешних мест. Рано или поздно мы найдем его.

– Не очень-то умно со стороны владельцев такого заметного экипажа появляться среди дня на Мэйн-стрит, чтобы передавать в гостиницу записку с угрозами. – Судья неодобрительно покачал головой. – Кто-нибудь мог выйти в этот момент на улицу и рассмотреть сидящих в карете.

– Уверен, записку послала женщина, – убежденно заявил Грейтон. – Горничная в дорогом чепчике прислуживает какой-то даме...

– Этой даме поручил отправить записку Арчибальд Тармонт, – подхватил судья. – И не поинтересовался, как именно она выполнила его поручение. Разыщем леди, разыщем и джентльмена, если его можно так назвать...

Вторник прошел в «Охотниках и свинье» еще более хлопотно, чем воскресенье и понедельник, если такое возможно, но хлопоты эти были нерадостные. Уже с утра начали съезжаться родственники миссис Синглтон, а соседи Тармонтов поторопились представиться им, выразить положенное сочувствие и поглазеть на жениха мисс Тармонт. Кэтрин, Бетси и миссис Лофтли сбились с ног, исполняя поручения, пожелания и капризы, а обе горничные и лакей к ночи едва не падали от усталости. Старая гостиница как будто вновь переживала лучшие времена, когда все номера были заняты, в ресторане и общих гостиных не умолкал гул голосов, а по коридорам сновали нарядные горничные и самодовольные лакеи.

Мистер Лофтли мог бы порадоваться этой суете, если бы не причина, ее вызвавшая.

– Эти леди и джентльмены послезавтра навсегда покинут Кромберри, и они слишком поглощены своим горем и праведным гневом на убийцу, чтобы задумываться о том, что их спальни расположены рядом с комнатой, где произошло убийство. А новых гостей мы навряд ли скоро увидим... – успел сказать дядюшка Томас племяннице во время короткого ланча.

– Вы уже тревожились из-за этого зимой, после смерти Дженни, – попыталась Кэти успокоить дядюшку, но слова ее звучали неуверенно, – однако же к лету все наладилось...

– Если не считать Тармонтов, Синглтонов и всю их компанию, в гостинице проживают лишь старый мистер Биггс и две бедных вдовы! – с тяжким вздохом ответил мистер Лофтли, слишком усталый и расстроенный, чтобы спорить всерьез. – Да и то они все еще здесь лишь потому, что Грейтон запретил им уезжать. Это, по-твоему, означает, что дела пошли на лад?

На это Кэтрин нечего было возразить. Вечером, уставшая до головной боли, она смогла лишь порадоваться, что днем у нее не было времени

думать о проклятой записке. Но как избавиться от мыслей о ней позже, когда гости уедут и в большом старом здании останутся лишь дядя и тетя, слуги и она, Кэтрин?

Глава 13

– Я вижу экипажи! – воскликнула Бет Харт, уже три четверти часа глядевшая в окно.

Кэтрин поплотнее закуталась в темную шаль тетушки Мэриан. В холле было душно, но миссис Лофтли потребовала, чтобы домохозяева выглядели подобающе обстоятельствам.

Сама тетушка Мэриан в темно-сером унылом платье в очередной раз побежала проверить, все ли благополучно с обедом. Дядюшка Томас, дремавший на диване в холле, встрепенулся и с кряхтением поднялся на ноги. Ему надлежало открывать дверь, так как Эндрю и отозванный по такому случаю с фермы Сэмюэль должны были прислуживать гостям за обедом. Никаких горничных в такой день!

Мистер Лофтли взялся оберегать своих гостей от настырных журналистов, с раннего утра отирающихся возле гостиницы. Как и следовало ожидать, вездесущие писаки уже как-то прознали об убийстве в Кромберри и торопились опередить конкурентов в написании леденящих душу историй. Дядюшка Томас знал, что Грейтон любезно направил к «Охотникам и свинье» своих констеблей, чтобы защитить потрясенных горем и обстоятельствами смерти миссис Синглтон родственников от нападков журналистов. И все же он напрягся, когда леди и джентльмены начали выбираться из экипажей и двое самых опытных и плечистых мужчин отделились от горстки собратьев и поторопились к крыльцу. Констебли Грейтона, хоть и не привыкшие к подобным ситуациям в благостной тиши Кромберри, проявили сноровку и сумели удержать охотников за скандальными новостями на расстоянии от крыльца до тех пор, пока дядюшка Томас не впустил в холл всех гостей и не запер за ними двери.

Процессия медленно двинулась через холл, тихо переговариваясь. Кэтрин и стоящую возле ее конторки Бетси почти никто не замечал, только мистер Блантвилл улыбнулся обеим девушкам и судья Хоуксли ободряюще кивнул.

Тяжело ступающего мистера Синглтона поддерживал под руку кузен миссис Синглтон, доктор Фицпатрик. За ним следовала Хелен Гармонт со своим женихом, мрачные и уставшие, старшего мистера Теннерсона ободряла мисс Фриддел, а викарий Фриддел сопровождал миссис

Дримлейн, пожелавшую сегодня казаться более слабой и беспомощной, нежели в другие дни. Еще несколько недель назад никто в Кромберри не слышал о миссис Синглтон либо успел забыть ее имя, припоминая только, что какая-то леди со своим супругом взяли под опеку девочек Тармонт. А сегодня на похороны этой достойной дамы собрался едва ли не весь город! Еще двое констеблей Грейтона напрасно оглядывали толпу на кладбище в отчаянной надежде увидеть среди собравшихся Арчи Тармонта или заметить у кладбищенских ворот зеленую карету.

Викарий Фриддел произнес чувственную речь, дамы пролили строго отмеренное количество слезинок, а Хелен Тармонт покачнулась, словно не могла стоять на ногах, и жениху пришлось отвести ее от могилы и посадить на старую каменную плиту. Мистер Синглтон, кажется, не замечал ничего вокруг себя и послушно следовал указаниям других: «встаньте здесь, сэр», «пройдите вот туда, дорогой друг», «нам пора возвращаться к каретам, дружище».

Озабоченный доктор Голдблум был рад передать неожиданного пациента в руки доктора Фицпатрика. Бетси слышала, как он говорил идущему рядом с ним Ричарду Дримлейну:

– Подумать только, кузеном бедной миссис Синглтон оказался сам доктор Фицпатрик! Его наблюдения за больными в клинике произвели фурор среди просвещенного сообщества!

– Психиатрической клиники, я полагаю, – флегматично заметил мистер Дримлейн. – Я слышал, что Фицпатрик до сих пор трудится в клинике Нордчестера, хотя ему неоднократно предлагали переехать в Лондон.

– Истинно так! – никак не мог успокоиться доктор Голдблум, и в интонациях его к удивлению примешивалось некоторое сочувствие, как будто доктор Фицпатрик и сам был отчасти нездоров душевно. Сам доктор Голдблум и помыслить не мог, что можно отказаться от подобного предложения.

Доктор Фицпатрик выглядел мрачным, но любезно отвечал главному констеблю Грейтону, когда после обеда собрание рассеялось по холлу и другим открытым для гостей помещениям первого этажа. Судя по тому, что удалось расслышать Кэтрин, Грейтон спрашивал доктора, мог ли убийца миссис Синглтон оказаться безумцем. Ответа доктора она не расслышала, так как в это время в холл вышли викарий Фриддел и его сестрица с намерением выразить последние соболезнования родным миссис Синглтон и откланяться.

Из всех приехавших на похороны доктор Фицпатрик представлялся

Кэтрин наиболее интересной персоной. О его трудах она неоднократно слышала от отца, обсуждавшего их со своими учениками, и всякий раз пыталась представить, каково это: быть доктором в психиатрической клинике. Об устройстве этого заведения она имела весьма смутное представление, но и переданных шепотом леденящих историй было достаточно, чтобы посочувствовать как пациентам, так и служащим подобных учреждений. Похоже, у доктора Фицпатрика не было жены и детей, несмотря на то что его возраст приближался к сорока годам.

«Была ли у него невеста? – размышляла Кэти, искоса поглядывая на Фицпатрика, к которому теперь подошел для разговора доктор Голдблум. – В молодости он, наверное, был красив, а сейчас его портят эти залысины и складки у губ. Отец был бы не против, выйди я замуж за доктора, но только не за психиатра, так он всегда говорил! Быть может, возлюбленной доктора Фицпатрика не разрешили выйти за него, поэтому он и постарел раньше времени».

Кэтрин не заметила, как уже готова была сочинить для доктора Фицпатрика романтическую историю, а потом, возможно, и проиллюстрировать ее в своем альбоме, когда сам доктор внезапно обратился к кому-то, прервав разговор с коллегой Голдблумом:

– Мисс Фрост! Не знал, что вы знакомы с моей кузиной!

Сьюзен, как раз подававшая черные пелерины двум собравшимся уезжать дамам, обернулась и посмотрела на доктора, но тут же вновь вернулась к своим обязанностям. Больше на слова Фицпатрика никто не отозвался, и Кэтрин удивленно оглядела холл. Она не знала никого с такой фамилией. Но доктор уже направлялся к остановившейся у лестницы миссис Фишберн.

Кэти уже давно заметила хитрость этой женщины. Миссис Фишберн вернулась с прогулки четверть часа назад, но не прошла к себе наверх, а делала вид, что ищет в объемистой сумке ключ от своей комнаты. Не надо было изучать психиатрию, чтобы догадаться – эта любопытная особа хочет поглазеть на собравшихся дам и джентльменов. Кэтрин не могла осуждать ее за это любопытство, так как и сама украдкой рассматривала гостей, но миссис Фишберн была ей так неприятна, что девушка не могла дождаться, когда же та начнет подъем на второй этаж.

Кажется, миссис Фишберн наконец нашла свой ключ, но не успела подняться на три ступеньки, как доктор Фицпатрик положил ладонь на перила и снова окликнул:

– Мисс Фрост!

Миссис Фишберн повернула голову и посмотрела на доктора сверху

вниз. Ее широкое лицо выражало простодушное недоумение:

– Вы ошиблись, сэр, меня зовут Ада Фишберн, и Фишберн – фамилия моего покойного мужа.

Со своего места Кэтрин не могла видеть лица доктора, но заметила, как он растерянно пожал плечами и убрал ладонь с перил.

– Прошу прощения, миссис... Фишберн. В моей клинике служит дама, невероятно похожая на вас. Видимо, я обознался.

– Всякое бывает, сэр, – добродушно ответила миссис Фишберн. – Тем более когда вы так огорчены смертью миссис Синглтон. Мы все здесь места себе не находим!

Доктор Фицпатрик вежливо поклонился, а когда выпрямился, его собеседница уже поднималась по лестнице, жалобно поскрипывающей под ее грузным телом.

Фицпатрик недолго посмотрел ей вслед, кивнул мистеру Блантвиллу, спускавшемуся по лестнице навстречу миссис Фишберн, снова пожал плечами и направился к дивану, на котором устроилась младшая сестра мистера Синглтона со своим супругом.

Другая пара, дама и джентльмен, внешне напомилавший мистера Синглтона, завладели вниманием главного констебля Грейтона и в два голоса решительно требовали у него как можно быстрее раскрыть убийство дорогой миссис Синглтон.

Властное лицо Грейтона сегодня казалось опечаленным и уставшим. Он вежливо и твердо обещал сделать все, что только возможно, чтобы найти убийцу, но этого было мало.

– Ах, если б только бедняжка не взяла на себя заботу об этих девочках! – причитала леди, а ее муж кивал или качал головой ровно в такт ее словам. – Можно подумать, у Тармонтов нет других родственников! Не будь она так добросердечна, была бы сейчас с нами!

Кэтрин со всей мудростью своих восемнадцати лет подумала, что эта леди прежде, возможно, терпеть не могла миссис Синглтон и виделась с ней лишь раз или два в году на обеде у какого-нибудь общего родственника или на курорте. А сейчас леди набрасывалась на Грейтона, как разъяренная кошка, и ее муж даже не пытался убедить ее вести себя более сдержанно.

Хелен Тармонт сразу после похорон поднялась в свою комнату, а Оливию на церемонию и вовсе не взяли, и родственники Синглтонов могли высказывать свое мнение о порочном семействе Тармонт, не понижая голоса. На жениха Хелен и его дядюшку никто, похоже, не обращал внимания. Пожилой джентльмен тихо сидел на диване рядом с миссис Дримлейн. Любопытная старая дама явно пыталась его о чем-то

расспросить, но не преуспела. Мистер Теннерсон только грустно улыбался и изредка произносил одно или два слова. Его племянника нигде не было видно, похоже, молодой человек почувствовал себя неловко в незнакомом обществе и тоже поднялся наверх. Возможно, ему захотелось ободрить мисс Тармонт, и он сейчас развлекает Хелен и ее сестру какой-нибудь ничего не значащей болтовней.

Со своего места Кэтрин могла видеть все происходящее в холле и слышать большую часть сказанного, но ее слишком занимали собственные мысли, чтобы она могла надолго сосредоточиться на чужих разговорах. К тому же эти незнакомые люди не могли сказать ничего, что было бы ей интересно. Что-то на мгновение увлекло ее, показалось необычным, но спустя полчаса непрекращающегося гула она уже не могла вспомнить, что именно.

«Завтра всех этих людей здесь уже не будет, – думала Кэтрин, благодарно улыбаясь в ответ на очередную ободряющую улыбку старшего мистера Блантвилла. – Родственники Синглтонов уедут, жители Кромберри уже достаточно провели времени в «Охотниках и свинье» и навряд ли заглянут на ланч, пока у нас не случилось какого-нибудь нового несчастья. И только журналисты стервятниками будут кружить возле дома в надежде узнать что-то, что привлечет внимание читателей. Бедный дядюшка Томас! Навряд ли до конца лета у него еще хотя бы один день будет столько постояльцев!»

Мистер Лофтли, презрев жалобы своего кошелька, наотрез отказался размещать кого-нибудь из пишущей братии в своей гостинице.

– Чтобы эти люди без совести и сострадания слонялись по моей гостинице, заглядывали во все закутки и охотились на призрак бедной мисс Морвейн! Да я скорее подожгу лестницу на второй этаж, чем пущу туда хоть кого-то из них! – так говорил дядя Томас накануне и сдержал слово.

Он знал, что в своих статьях журналисты обязательно вспомнят об убийстве, совершенном в гостинице на Рождество, и найдут сотню метких выражений, описывающих его детище как самое кошмарное место, какое только могут выбрать в качестве пристанища ничего не подозревающие путешественники.

Миссис Лофтли не разделяла убежденность мужа, что хуже, чем сейчас, репутация «Охотников и свиньи» уже быть не может. Всегда может случиться что-то, от чего ситуация станет еще ужаснее, еще безвыходнее. Как и наоборот, попыталась утешить тетушку Кэтрин. Может быть, завтра Арчибалда Тармонта найдут, и следующую ночь все они будут спать спокойно.

Пока, впрочем, надеяться на это не приходилось, и Дик Харт по-прежнему ночевал в коридоре второго этажа, Эндрю расположился в холле, и только Сэмюэль сменил мистера Лофтли на его посту у задней двери.

Глава 14

К полудню в «Охотниках и свинье» наступила Та Самая Тишина, которой едва ли не больше, чем пожара, боятся владельцы подобных заведений. Не та благословенная послеобеденная тишина, когда насытившиеся постояльцы мирно дремлют в своих комнатах, набираясь сил перед ужином, а стылая тишина, которую сами по себе производят пустые комнаты, запертые двери и лестницы, у которых нет причин скрипеть, так как по ним некому подниматься.

Конечно, незадачливые постояльцы, которым не повезло оказаться в Кромберри в горький час, продолжали оставаться в «Охотниках и свинье», но мистер Лофтли предоставлял им кров и стол за собственные средства, ведь они не могли уехать из-за приказа констебля Грейтона. Впрочем, Грейтон был почти уверен, что добропорядочный торговец и его жена не имеют ни малейшего отношения к гибели миссис Синглтон, да и две другие дамы не вызывали у него подозрений. Так что он собирался лишь дождаться, когда из полицейских участков тех городков, откуда все они были родом, придут сведения, подтверждающие, что все гости мистера Лофтли рассказали о себе суцую правду.

Новых гостей ждать не следовало, и Бетси Харт напрасно восседала в холле, позволив Кэти провести пару часов в обществе миссис Дримлейн.

Совершенно разбитый мистер Синглтон после завтрака отправился домой, доктор Фицпатрик взялся сопровождать его до поместья и проследить за тем, чтобы неутешный вдовец не лишил себя жизни, уничтожая свой винный погреб. Другие родственники тоже уехали, а старый мистер Теннерсон и его племянник отправились посмотреть, в каком состоянии нынче находится дом Тармонтов, ведь завтра им надлежало переселиться туда. Обе мисс Тармонт и горничная поехали с ними. Оливия вышла из своей комнаты впервые за несколько дней, и Кэтрин поразились бледному и унылому виду девочки. Она выглядела совсем больной в наскоро сшитом черном платье, и мистер Лофтли заботливо предложил позвать доктора Голдблюма осмотреть мисс Тармонт.

– Моя сестра тяжело переживает смерть нашей дорогой тетушки, – резко ответила ему Хелен Тармонт. – Завтра мы вернемся домой, где она сможет гулять в саду, дышать свежим воздухом и не бояться, что любопытные соседи будут приставать к ней с расспросами. Ей сразу же станет лучше!

«Вернется в дом, где убили ее бабушку», – подумала Кэтрин, но ничего не сказала. Похоже, Хелен и в самом деле будет распорядиться мужем и близкими, как это прежде делала покойная миссис Тармонт.

Миссис Фишберн направилась по своим делам вскоре после того, как светские леди и джентльмены уехали, а миссис Мидлхем и Полин уехали незадолго до полудня в экипаже, нанятом у Джона Харта. Похоже, бедная женщина с каждым днем становилась все слабее, и Кэтрин и миссис Дримлейн уже не раз думали о том, что же будет с мисс Мидлхем после смерти матери.

– Надеюсь, миссис Мидлхем смогла найти для девочки опекунов получше тех, что достались мисс Тармонт, – заявила миссис Дримлейн, с привычным неодобрением поглядывая на висящую на стене картину с изображением чрезмерно пухлой Титании. Кэти не раз хотелось спросить, что именно не нравится миссис Дримлейн – излишества фигуры королевы фей или скудость ее туалета. На другую картину с этой же героиней старая леди обычно не смотрела – чтобы увидеть ее, миссис Дримлейн пришлось бы неудобно выгибать шею.

– Тетушка Мэриан сказала, увидев сегодня миссис Мидлхем, что, кажется, в гостинице произойдет еще одна смерть, – с грустью ответила Кэтрин, устроившаяся в полосатом кресле напротив своей старшей подруги. – Мне так жаль их обеих, и Полин, и ее мать!

– Я предлагала ей свою помощь, но эта женщина слишком горда, чтобы принять что-то от посторонних людей! – обычно безмятежное лицо миссис Дримлейн потемнело от огорчения и досады. – По словам миссис Мидлхем, о Полин будет кому позаботиться, когда ее не станет. Надеюсь, так оно и есть.

– Наверяд ли она стала бы лгать, – резонно заметила девушка. – Она ведь хотела бы для дочери лучшей судьбы!

– Конечно же, это так, но что, если приглядывать за Полин будет какая-нибудь холодная, бессердечная женщина? Мы уже видели, к какому плачевному результату привело воспитание миссис Синглтон. Хелен – неуправляемая и грубая, а Оливия кажется лишь тенью живой девочки.

Кэти поделилась впечатлением об Оливии, которое подвигло мистера Лофтли заговорить о докторе, и миссис Дримлейн сердито нахмурилась.

– Хелен слишком занята собой и своим предстоящим венчанием. Старший мистер Теннерсон показался мне здравомыслящим человеком, ему бы следовало нанять для Оливии гувернантку, а для Хелен – экономку с самыми лучшими рекомендациями. По моему мнению, Хелен еще не готова вести хозяйство в большом доме, а ее будущий муж не способен

управлять поместьем. Но хотя бы в этом ему готов помочь дядюшка, а вот без поддержки опытной женской руки будущая миссис Роджер Теннерсон навряд ли справится со своими обязанностями.

– Может быть, все сложится наилучшим образом, – попыталась возразить Кэтрин, которой больше хотелось, чтобы Оливия выглядела веселой и жизнерадостной девочкой, а раздражительная Хелен ее совсем не заботила. – Смогла же бабушка мисс Тармонт справиться с хозяйством, слугами и всеми заботами, которые есть у знатной дамы, хотя и не происходила из родовитой семьи.

– Что ж, посмотрим. – Миссис Дримлейн явно скептически относилась к талантам старшей мисс Тармонт, ей казалось, что девушка далеко не так умна, как ее бабка, женщина выдающейся силы характера и при этом на удивление практичная и умеющая обратить любое обстоятельство в свою пользу. Правда, один-единственный раз она этого сделать не сумела...

Ночью Кэти проснулась от какого-то резкого звука. Необъяснимый ужас сдавил грудную клетку так, что сердце, казалось, изо всех сил бьется о прутья, пытаясь вырваться наружу. Звук повторился, на фоне другого, размеренного, шума, и простая догадка заставила девушку всхлипнуть от облегчения.

Стук рамы. Она забыла запереть вечером окно, после того как долго сидела возле него в темноте и смотрела на освещенные окна паба дядюшки Томаса. И дождь, должно быть, принесенный ветром. И ветер, из-за которого стучит рама. Как это все просто объясняется! Никакого ночного вора, споткнувшегося в темноте о столик или этажерку, как это бывает в романах, никакого убийцы, тянущего к ней свои руки из-за полога кровати.

Сердце еще несколько минут потрепыхалось отчаянной бабочкой и медленно успокоилось. Только тогда Кэтрин выбралась из-под одеяла и подошла к окну, чтобы закрыть его. Свежесть, принесенная дождем, была ей приятна, и девушка глубоко вдохнула влажный воздух. К ее удивлению, в пабе все еще приветливо светились окна, выходит, еще не так поздно, как ей показалось. В слабом свете газовых фонарей она заметила темный вытянутый силуэт чуть дальше паба и только успела задуматься о том, что бы это могло быть, как дверь паба распахнулась, и двое припозднившихся гуляк, пошатываясь, спустились с крыльца и завернули за угол. В узкой полоске света блеснуло зеленым и черным, и Кэтрин поняла, что на улице кого-то ждет экипаж.

«Неужели кто-то из сквайров, живущих по соседству, проводит время в пабе? – удивилась Кэтрин. – Дома у них наверняка собственные винные

погребца. Или это карета доктора Голдблюма? Возможно, его срочно позвали к больному... Скорее всего, так оно и есть, жители домов на Мэйн-стрит могут позволить себе не ждать доктора до утра, как старики в богадельне или обитатели бедных кварталов на том берегу Крома...»

Девушка закрыла окно, проверила задвижку и вернулась в постель. Остаток ночи прошел для нее спокойно.

А утро пятницы началось почти так же суматошно, как утро прошлой субботы, когда Сара обнаружила тело несчастной миссис Синглтон.

Кэтрин побывала в ванной, оделась и причесалась и только собралась перечитать пришедшее накануне письмо от отца, когда в коридоре вновь раздались крики.

Девушка вскочила, письмо полетело на ковер. Неужели опять убийство? Кто мог стать жертвой на этот раз? Кэтрин никак не могла заставить себя дойти до двери и распахнуть ее. Она так и стояла, прислушиваясь к шуму, но уловить слова не было никакой возможности. Только громкие голоса, взволнованные или возмущенные, не понять.

В дверь громко постучали. Будь в «Комнате с незабудками» другой выход, Кэтрин опрометью бросилась бы прочь, настолько она была напряжена и напугана.

– Кэти, милая, ты у себя? – Голос миссис Лофтли, преувеличенно громкий – тетушке Мэриан хорошо известно, какие крепкие двери в ее гостинице.

Кэтрин ничего не оставалось, как добраться до двери и открыть ее.

– Что... что случилось? – едва вымолвила она, увидев выражение лица миссис Лофтли. Та не ответила, только растерянно покачала головой. Кэтрин протиснулась мимо замершей соляным столбом тетушки и лишь теперь увидела столпившихся неподалеку от ее двери людей.

Тетушка Мэриан стояла возле самой двери в «Комнату с незабудками», а чуть дальше прижался к стене мистер Лофтли. На него наступала Хелен Тармонт, взмахивающая руками и выкрикивавшая что-то. Роджер Теннерсон пытался остановить ее, робко касаясь ее локтя, но Хелен всякий раз дергала рукой, не глядя на жениха.

Старший мистер Теннерсон остановился чуть дальше, он был одет, как будто собирался на прогулку, и опирался на свою палку. На его лице была заметна растерянность, точно такая же, как у миссис Лофтли. Последней Кэти заметила горничную Сьюзен, стоявшую возле двери в «Комнату с портретом». Кто-то еще спешил к ним по коридору, несколько человек сразу, но тут Кэти наконец разобрала, что кричит Хелен, и повернулась к мисс Тармонт и своему дядюшке.

– Мою сестру похитили! Вся ваша забота о нашей безопасности ничего не стоит! Вы негодяй, признавайтесь, кто вас подкупил? Вам заплатили, чтобы вы выкрали ее, пока все мы спали?

– Помилуйте, мисс, о чем вы говорите... – слабо защищался ошеломленный мистер Лофтли, его живот жалобно подрагивал, когда он пытался сильнее вжаться в стену под этим бурным натиском.

– Как она могла исчезнуть, если в коридоре спал ваш человек? Выпрыгнула в окно?

– Так и есть, мисс Тармонт, – неожиданно произнес чей-то звучный голос.

Все обернулись, потрясенные как этим голосом, так и смыслом того, что он говорил.

Главный констебль Грейтон, и сам выглядевший почти таким же изумленным, смотрел на Хелен Тармонт, за его плечом маячил Дик Харт.

– Ваша сестрица спустилась, или ее спустили, по связанным простыням из окна пустующей спальни на задний двор, они до сих пор свисают на улицу! Констебль послал за помощью, как только заметил их, а сам остался сторожить внизу. Мы подумали, что вечером в гостиницу проник вор и где-то спрятался, чтобы ночью украсть все, что можно, а затем спустился вниз по простыням, но, возможно, ими воспользовался кое-кто другой. И дело намного серьезнее обычной кражи!

– Оливия сбежала? Но... этого не может быть! – Хелен нахмурила широкие брови, глядя на Грейтона, затем перевела взгляд на Сьюзен. – Спустилась по простыне? Или ее утащил похититель? Тогда почему мы со Сьюзен ничего не слышали? Он должен быть цирковым акробатом, если сумел сбежать через окно с моей сестрой и не поднять шума!

– Идемте, посмотрите сами, – коротко ответил Грейтон. – Потом вы расскажете мне все, что вам известно. Похоже, мне пора уже снять здесь номер, чтобы не сбивать зря ботинки о мостовую!

Хелен послушно двинулась вслед за ним, Дик Харт посторонился, пропуская ее, но девушка, кажется, этого не заметила. Как и своего жениха, все еще безуспешно пытавшегося держать ее под локоть. Сьюзен решительно направилась вслед за ними, но ее слегка опередил старший Теннерсон, несмотря на свою хромоту. Кэтрин и тетушка Мэриан остались стоять у дверей «Комнаты с незабудками».

– Оливия в самом деле исчезла? – понизив голос, спросила Кэти.

Миссис Лофтли кивнула.

– Мы с твоим дядюшкой занимались утренними делами, я проверяла, все ли в порядке с завтраком, Томас разговаривал с поставщиком, когда в

его кабинет ворвалась Сьюзен и закричала, что мисс Оливии нет ни в спальне, ни в ванной, ни в туалетной комнате. Томас предположил, что девочка могла пойти погулять, но эта отвратительная женщина осмелилась заявить, что мисс Тармонт не позволено покидать комнату без разрешения сестры. Как будто подобные запреты могут остановить тринадцатилетнюю девочку!

Из «Спальни баронессы» послышались возмущенные возгласы, и миссис Лофтли потянула Кэтрин за собой, поспешно заканчивая рассказ:

– Томас крикнул Сэмюэля, и тот сообщил, что никто до сих пор не выходил на улицу. Дик Харт как раз спустился вниз и уверил Сьюзен, что и мимо него мисс Оливия не проходила. Тогда горничная начала шуметь, вот как сейчас мисс Хелен, кричать что-то о похищении, и перепуганный Томас позвал меня и наших горничных искать мисс Оливию. Мы обошли все помещения внизу и поднялись наверх, Сара отправилась посмотреть, не спряталась ли мисс Оливия в мансарде, а мы хотели лучше узнать у мисс Хелен, куда и зачем могла направиться ее сестра так рано...

Последние слова миссис Лофтли говорила, когда они с Кэтрин уже приблизились к окну в «Спальне баронессы». Окно было распахнуто настежь, к толстой ножке придвинутого к нему столика привязана одна из новых простыней миссис Лофтли – горничные только вчера поменяли постельное белье после отъезда торговца и его жены. Край простыни уходил в окно, и Грейтон показывал на него потрясенной Хелен. Снизу что-то крикнул констебль. Младший мистер Теннерсон открыл соседнее окно и высунулся из него, чтобы рассмотреть что-то внизу.

Старший Теннерсон и Сьюзен остановились рядом с Хелен, дядюшка Томас предпочитал смотреть на мисс Тармонт из-за плеча Грейтона.

Грейтон подергал простыню, затем выглянул в окно и попросил констебля внизу сделать то же самое, да посильнее. Констебль, очевидно, выполнил приказ, так как всего лишь через несколько мгновений Грейтон наклонился и принялся втягивать в окно свисающую простыню, потемневшую от сырости.

Дядюшка Томас охнул, когда в окне показался смятый край простыни, а Роджер Теннерсон, наблюдавший за происходящим на улице через свое окно, воскликнул:

– Они развязались!

– Стоило только потянуть сильнее, – продолжил за него главный констебль Грейтон. – Похоже, мисс Оливия спускалась по этой импровизированной лестнице одна. Никого более тяжелого слабый узел не смог бы выдержать. Что ж, мисс Тармонт, постарайтесь объяснить мне,

каким образом ваша сестра могла незаметно выйти из комнаты и как вы думаете, зачем и куда она отправилась?

– Вы полагаете, девочку не похищали? – живо спросил старший Теннерсон, пока Хелен в изумлении рассматривала край простыни в руках Грейтона.

– Возможно, ее заставили покинуть родных угрозами или обманом, но сделала она это сама! – убежденно заявил Грейтон. – Простыни мокрые, значит, она выбиралась из окна до полуночи, дождь начался примерно в это время.

– Вчера мы поздно вернулись из поместья, – неуверенно начала говорить Хелен, ее бледное лицо говорило о сильном беспокойстве. – Мы даже хотели заночевать там, но в доме до сих пор нет необходимых мелочей, и мы решили оставить все, как запланировали. Уехать сегодня после ланча, а до этого пройтись по магазинам. Мы вернулись поздно и так устали, что я заснула тотчас же, как только закончила необходимые приготовления ко сну...

– И вы ничего не слышали? – быстро спросил ее Грейтон, едва девушка сделала паузу в своем рассказе.

– Кажется, шум дождя, окно было приоткрыто. – Хелен с вопросительным видом повернулась к Сьюзен.

Грейтон проследил за ее взглядом и обратился к горничной:

– Может быть, вы слышали шаги, скрип двери или что-то еще?

Не разжимая губ, Сьюзен покачала головой. Кэтрин невольно посочувствовала бедной Оливии, когда девочку найдут, ее явно ждут неприятности.

– Мои двери никогда не скрипят, – пробормотал задетый мистер Лофтли, но на эти слова никто не обратил внимания.

– Что-нибудь из вещей мисс Тармонт пропало? – Грейтон все еще смотрел на Сьюзен.

– Я не смотрела, сэр, – пришлось ей ответить. – Мы с мисс Хелен решили, что девочку похитили...

– Так ступайте и посмотрите, – приказал главный констебль Грейтон.

– Но как она могла выбраться из комнаты с какими-то вещами, когда моя постель находится возле самой двери? – не выдержала Сьюзен, ее досада прорывалась сквозь маску суровой невозмутимости.

– Возможно, вы тоже крепко спали, – пожал плечами Грейтон и бросил конец простыни на подоконник. – Идемте, мы не можем стоять здесь весь день. Я сам задам вопросы каждому из тех, кто находится сейчас в гостинице, а констебли заново опросят жителей соседних домов. Кто-то

мог видеть хоть что-нибудь...

Последние слова Грейтона говорили о его неуверенности в том, что разговоры с жителями домов на Мэйн-стрит и соседних улицах принесут пользу. Ночью шел дождь, было темно, а свет фонарей очень слаб. Несмотря на все возмущение горожан, власти Кромберри до сих пор экономили на газе, да и расстояние между фонарями было довольно велико.

– Кажется, я что-то видела... – слова Кэтрин заставили главного констебля остановиться.

– Мисс Хаддон? Что же вы видели? – Взгляды тотчас устремились к смущенной девушке.

– Я проснулась из-за того, что оконная рама стукнула о подоконник, – робко начала Кэти. – Наверное, дождь только начался, ветер стал сильнее, а я забыла закрыть окно...

Хелен подалась вперед, словно хотела заставить Кэтрин говорить быстрее, но Грейтон не собирался торопить девушку. Он против своей воли уже вынужден был признать однажды, что юные девушки не совсем уж пустоголовы. Иногда они могут подметить что-то важное и даже внятно рассказать об этом. Надо только постараться не напугать и не отвлечь их. Поэтому главный констебль продолжал терпеливо и доброжелательно смотреть на мисс Хаддон, хотя и ему, как старшей мисс Тармонт, не терпелось узнать, что же заметила Кэтрин.

– Я подошла к окну и выглянула на улицу. – Кэти не собиралась затягивать свой рассказ из желания порисоваться, она лишь боялась, что допустит какую-нибудь неточность. – Кажется, во всех домах напротив было темно, но в пабе еще светились окна, а затем распахнулась дверь. Кто-то вышел на улицу, и в свете из распахнутой двери я увидела, что чуть дальше паба, у поворота на Бишоп-стрит, стоит карета. Я подумала, что это экипаж доктора Голдблюма ждет его, пока доктор навещает больного...

О том, что сперва она решила, что карета принадлежит какому-нибудь джентльмену, захотевшему порезвиться в пабе, Кэтрин умолчала, боясь оскорбить мистера Грейтона. Хотя паб дядюшки Томаса был весьма уважаемым... для паба, иначе ему не позволили бы держать это заведение на Мэйн-стрит.

– У доктора Голдблюма открытая коляска, и он ни за что не поехал бы на Мэйн-стрит в дождь, – быстро ответил Грейтон. – Что еще вы заметили, мисс Хаддон? Как выглядела карета, она показалась вам большой, дорогой и красивой или, может быть, скромной, как наемные экипажи Джона Харта?

– Я видела силуэт всего лишь мгновение. – В тоне девушки звучало

сожаление о том, что она не может помочь расследованию. – Но мне показалось, что экипаж большой и, наверное, дорогой. Он блестел, как будто покрытый лаком, хотя этот блеск мог быть и из-за того, что карета намочла от дождя...

– Вы заметили его цвет?

– Кажется, черный... или темно-зеленый. Увы, сэр, я не думала, что это может быть важным, иначе рассмотрела бы его получше...

– Разумеется, вы не думали, – согласился Грейтон. – Если бы мисс Тармонт думала, что ее сестра может сбежать сегодня ночью, она вовсе не легла бы спать и запретила ложиться своей горничной. А ваш дядюшка проверил бы, надежно ли заперты двери в пустующие комнаты. И констебль дежурил бы во дворе прямо под окнами гостиницы... Никто из нас не мог предположить, что произойдет. И вы очень помогли полиции, мисс Хаддон!

– В самом деле, сэр? – Кэтрин не знала, как воспринимать язвительное замечание джентльмена, как похвалу или насмешку над всеми, в том числе и над собой.

– Я отправлю сержанта Нобблза в паб, пусть узнает, кто был там вчера, кто выходил, когда уже пошел дождь. Эти люди должны были видеть экипаж и, если нам повезет, тех, кто сидел внутри.

– Должно быть, они были слишком пьяны, чтобы что-нибудь заметить, – презрительно заявил старший мистер Теннерсон.

– Совсем необязательно, сэр, – возразил мистер Лофтли. – В мой паб ходят уважаемые горожане, и далеко не все из них позволяют себе выпить лишнего...

– Я не хотел задеть вас, – тут же примирительно сказал Теннерсон.

– Пока у нас нет других свидетельств, мы займемся пабом и каретой. – На этот раз главный констебль Грейтон был намерен все же выйти из «Спальни баронессы» и устроиться где-нибудь еще с удобством, раз уж ему опять придется задавать вопросы постояльцам «Охотников и свиньи».

Уже в коридоре главный констебль обернулся к Хелен, собиравшейся вслед за Сьюзен вернуться в свою спальню.

– Я прошу вас, мисс Тармонт, остаться пока в гостинице вместе с вашими друзьями. И, прежде чем я попрошу вас спуститься побеседовать со мной, подумайте, какие причины могли побудить мисс Оливию бежать и кто мог ей в этом помочь!

– Мою сестру похитили! – упрямо заявила Хелен. – И я хочу, чтобы вы нашли ее раньше, чем похитители причинят ей вред!

– Мы сделаем все возможное, мисс! – Грейтон коротко поклонился и

пошел в сторону лестницы, явно не желая вступать в пререкания с взволнованной девушкой. В дверях своей комнаты его приветствовала миссис Дримлейн, и Грейтон поздоровался с ней, не задерживаясь.

Кэтрин заметила вопросительный взгляд старой дамы и остановилась, чтобы поговорить с миссис Дримлейн, когда остальные разойдутся. Но в коридоре уже появилась вездесущая миссис Фишберн, преградившая дорогу Грейтону:

– Ах, сэ, что я слышу? Маленькая мисс Тармонт пропала?

Миссис Дримлейн в ужасе прижала ладонь ко рту, а Дик Харт, догнавший Кэтрин, вполголоса чертыхнулся.

– Вынужден признать, что мисс Оливии нет в ее комнате и где-либо еще в этой гостинице, – раздраженно ответил Грейтон. – И я прошу вас спуститься вниз, в гостиную, где я хотел бы поговорить с вами немного.

– Милостивый боже, да что же я могу знать об этом? – Миссис Фишберн затрясла своими подбородками. – Мы с мисс Оливией и тремя словами не перемолвились! Вот миссис Мидлхем могла бы что-нибудь рассказать, мисс Оливия уж так подружилась с ее доченькой, прелестной мисс Полин!

– Миссис Мидлхем? Мисс Оливия была дружна с ее дочерью? – Похоже, Грейтону не суждено было в ближайшее время выбраться со второго этажа. – Мистер Лофтли, будьте добры, пригласите эту даму побеседовать со мной.

– Я бы не сказала, что девочки были подругами, – впервые за последние четверть часа произнесла хоть что-то миссис Лофтли. – Они виделись всего лишь раз или два, мисс Тармонт очень редко выходила из своей спальни, а мисс Мидлхем постоянно находится рядом с больной матерью...

– А я так скажу, они бы стали подружками, будь у них побольше времени, – упрямо повторила миссис Фишберн. – Да и матушка мисс Полин привечала мисс Оливию...

Мистер Лофтли уже сноровисто добрался до двери «Комнаты с овцами» и постучал. Миссис Мидлхем открыла не сразу, должно быть, ей требовалось некоторое время, чтобы дойти до двери. Кэтрин осталась позади всех, и ей не было слышно, о чем Грейтон переговорил с миссис Мидлхем, но разговор их был недолгим. Миссис Мидлхем что-то сказала, кивнула и исчезла за закрытой дверью.

После этого главный констебль направился наконец к лестнице. За ним направилась целая процессия – мистер и миссис Лофтли, миссис Фишберн, явно не желающая ничего пропустить, миссис Дримлейн, не уступающая

ей в любопытстве, и Сара с Диком Хартом. Горничная ждала в коридоре, чтобы сообщить, что никого не нашла наверху в мансарде, как и следовало ожидать. По тому, как Сара перешептывалась с Диком, как молодой человек склонялся к ней, Кэтрин догадалась, что эти двое если уже не обменялись заверениями во взаимной склонности, то вот-вот сделают это.

– Пошли кого-нибудь в поместье, Роджер, сообщи, чтобы сегодня нас не ждали, – распорядился старший мистер Теннерсон, и его племянник, послушно кивнув, понуро двинулся по коридору, отнюдь не стремясь догнать остальных.

Старший мистер Теннерсон прошел в «Комнату с портретом» вслед за Хелен Тармонт. Теперь уже явно было не до соблюдения приличий. Сьюзен тоже вошла в спальню, и коридор опустел.

Кэтрин нерешительно остановилась у двери в свою комнату. Даже сквозь толстые двери из комнаты мисс Тармонт доносились громкие, взволнованные голоса.

Кэти очень хотелось узнать, о чем они говорят там, но она не могла подслушивать под дверью – в любой момент в коридор могла заглянуть горничная, вернуться Роджер Теннерсон или кто-то еще. Разочарованно вздохнув, Кэтрин вернулась к себе, мысли об Оливии не давали ей покоя.

«Если ее похитил Арчибальд Тармонт, чтобы потребовать у Хелен часть семейного состояния, как все мы, конечно же, сразу подумали, то зачем она сама спустилась по простыням? Или он угрожал убить Хелен, как уже убил миссис Синглтон? Может быть, он как-то умудрился поговорить с Оливией, когда был здесь впервые? Бедная девочка, как она все это время была напугана! Почему она не рассказала все полицейским сразу после смерти своей опекуниши? Судья Хоуксли мог бы увезти обеих мисс Тармонт к себе, там этот негодяй не смог бы до них добраться!»

Кэтрин подошла к стене, отделяющей ее комнату от «Комнаты с портретом», и прижалась к ней ухом. Так в детстве она подслушивала, о чем говорит ее сестрица Маргарет со своими подружками. О поклонниках, конечно же, чаще всего воображаемых.

Но сейчас Кэти надеялась, что сможет расслышать что-нибудь совсем другое. Куда более важное и захватывающее. Увы, стены в гостинице не уступали толщиной дверям, и сперва девушка могла расслышать только слабый гул голосов.

– Но кто, кто мог помочь этой маленькой...

Громкий возглас Хелен неожиданно раздался совсем близко, и Кэтрин отпрянула от стены. Окончание фразы она не услышала и догадалась, что Хелен, вероятно, ходит по комнате, не в силах успокоиться и присесть. В

голосе мисс Тармонт Кэти послышалась злоба, и последнее слово, скорее всего, было отнюдь не комплиментом. Кэтрин уже заметила, что Хелен не любит сестру, они даже обсуждали это с миссис Дримлейн. Старая дама предположила, что старшая мисс Тармонт завидует младшей из-за ее расцветающей красоты, а младшая, должно быть, обижена на несправедливое разделение наследства Роуз Тармонт. Куда проще было бы поделить состояние поровну, но Роуз, как обычно, проявила своеволие, способное добавить разлад в и без того несчастливую семью.

Кэти снова прижалась ухом к стене, на этот раз чуть левее – туда, как ей показалось, переместилась Хелен. Рассерженный женский голос что-то отвечал девушке, и Кэтрин в который раз удивилась дерзости Сьюзен.

– ...она нашла портрет, что было бы тогда? – Хелен уже почти визжала, и Кэтрин прежде всего подумала, что теперь девушку слышно и из коридора, а затем уже озадачилась – что за портрет?

– Хватит! Портрет надежно спрятан, а тебе давно пора...

Теперь мужской голос грубо говорил с Хелен, и Кэтрин до боли прижала ухо к стене, силясь услышать больше. Не только горничная, но и дядя ее жениха ведет себя так, как будто имеет право приказывать Хелен! Ладно бы еще это был мистер Синглтон! Опекун мисс Тармонт отбыл вчера утром, даже не простившись с девушками, поглощенный собой и своей потерей. Но благообразный мистер Теннерсон!

Кэтрин не могла не оправдать высокое мнение, сложившееся о ее способностях у главного констебля Грейтона и судьи Хоуксли. После того что она услышала, невозможно было не сделать вывод – мисс Тармонт, ее служанка и Теннерсоны что-то скрывают. Им известно об исчезновении Оливии больше, чем они готовы рассказать полиции, а Хелен, кажется, весьма напугана.

Кэтрин еще некоторое время пыталась разобраться хоть что-нибудь, но страсти, похоже, утихли, невнятные отголоски беседы доносились до нее, однако истерических выкриков больше не было, и разобрать слова не удалось.

«Я должна рассказать о том, что услышала, даже если мне придется сознаться, что я подслушивала». Кэтрин и сама принялась бродить по комнате, пытаясь осмыслить услышанное и сделать правильные выводы. Но ничего не приходило ей в голову, кроме того, что надо поделиться с полицией.

«Ох, ну ужели судья Хоуксли не придет сегодня повидаться с миссис Дримлейн? – Кэтрин остановилась, чувствуя легкую дурноту, и тут же поняла, что из-за утренних волнений так и не позавтракала. – С ним мне

легче говорить, чем с мистером Грейтоном, и судья не станет укорять меня за то, что подслушала чужой разговор. Только бы он не уехал куда-нибудь!»

Кэти слышала, что на днях судья собирался отбыть в Нордчестер, чтобы провести там заседание, и обеспокоенно бросилась к двери. Нужно немедленно узнать у миссис Дримлейн, когда именно уедет судья Хоуксли, и попытаться поговорить с ним раньше. Кто знает, когда он вернется!

Конечно, ей придется повторить свою историю и мистеру Грейтону, но сперва она бы предпочла отчитаться перед более снисходительным Хоуксли.

Глава 15

Миссис Дримлейн не оказалось в «Зале фей», очевидно, она все еще была внизу и, возможно, именно в эту минуту беседовала с Грейтоном. Старая леди иногда жаловалась на плохой сон и именно сегодня ночью могла услышать или увидеть что-нибудь необычное. Ее окно выходило во двор, как и окна «Спальни баронессы». «Хотя, – подумала вдруг Кэтрин, – если миссис Дримлейн видела, как Оливия Тармонт спускается по связанным простыням во двор, благообразная старушка вполне могла позволить Оливии закончить начатое». Любопытство миссис Дримлейн частенько двигало ею, но при том она считала, что люди могут поступать, как им заблагорассудится, лишь бы только не во вред другим.

Кэти спустилась в холл.

За конторкой восседала Бет Харт. Возле нее остановился брат ее мужа и явно занимался тем, что пересказывал Бетси все, что увидел и услышал этим утром.

– Вот и ты! – укоризненно воскликнула Бет. – Если б Джон не сказал, что видел мистера Грейтона, спешащего в сторону «Охотников и свиньи» так, будто туда прибыла сама ее величество с десятком герцогов и пэров, я бы до сих пор варила варенье из слив и не знала, что у вас тут опять случилось несчастье!

– Мы надеемся, что с маленькой мисс Тармонт все благополучно, – возразил ей Дик.

Бетси мрачно нахмурилась и покачала головой. Похоже, ее мысли тотчас приняли самый печальный для бедняжки Оливии оборот. Про себя Кэтрин до сих пор и мысли не допускала, что хорошенькая, но такая несчастная девочка могла погибнуть, что искать ее уже нет смысла...

– Мистер Грейтон утверждает, что она сама сбежала, спустившись через окно во двор и оттуда выбравшись на улицу, – осторожно ответила Кэти.

– Дик сказал мне, – кивнула Бет, а младший Харт оставил подруг обсуждать случившееся и устремился в сторону ресторана, где промелькнул чепчик Сары. – Признаться, от такой злобной выскочки, как Хелен Тармонт, я и сама бы сбежала. Но вот куда ей бежать? У нее здесь нет ни близких друзей, ни родных... Если только жив еще кто-то из родни ее бабки...

– Наверное, полиция найдет их, если это возможно. Кроме Арчибальда

Тармонта в этих краях у обеих мисс Тармонт нет других родственников, а никто из родни Синглтонов ни за что не станет теперь даже упоминать мисс Тармонт.

– Поразительно! И недели не прошло, как погибла миссис Синглтон, а сегодня исчезает девочка, чьей опекуницей она была! Уверена, когда все разъяснится, кто-нибудь из них напишет об этом не статью, а целую книгу! – Бет кивнула в сторону окон.

За ними Кэтрин рассмотрела слоняющихся по улице журналистов. На крыльце вместо швейцара дежурил самый крупный из констеблей Грейтона, явно поставленный сюда с целью не допустить в гостиницу посторонних, будь это любопытные журналисты или не менее любопытные горожане.

– Бетси, прошу тебя, побудь здесь еще немного! Я даже не успела позавтракать! – взмолилась Кэтрин, чувствуя, что у нее вот-вот разболится голова от голода и жажды.

– Я оставила варенье на старую Нэн, боюсь, она превратит его в смолу, – озабоченно ответила Бет, но тут же милостиво кивнула. – Так и быть, я посижу еще час или чуть больше, но потом ты расскажешь мне все, о чем забыл упомянуть Дик!

Кэти благодарно кивнула и поспешила завтракать. В другом настроении она бы улыбнулась хитрости Бет. Миссис Харт ни за что бы не ушла сейчас, когда в «Охотниках и свинье» разыгрывается новая драма, которая, дай-то бог, не перешла бы в трагедию.

В ресторане миссис Дримлейн завтракала за одним столиком с миссис Фишберн. Кэтрин постаралась скрыть свое удивление, поклонилась и хотела было проскользнуть на кухню и там наскоро перекусить, но миссис Дримлейн позвала ее:

– Дорогая, если ты уже поговорила с нашим добрым другом Грейтоном, почему бы тебе не составить мне компанию до лавки миссис Трилл? Мне нужно кое-что купить...

– Разумеется, миссис Дримлейн, я охотно пройду с вами! – Кэтрин подумала, что в последние дни почти так же редко выходила из гостиницы, как Оливия Тармонт – из своей комнаты. Прогулка пойдет ей на пользу, а по дороге она сможет обсудить с миссис Дримлейн все, что ее тревожило. Вернее сказать, все те из одолевавших ее тревог, о которых миссис Дримлейн еще не было известно.

– Тогда я жду тебя в холле через четверть часа, а пока мы с миссис Фишберн допьем свой чай. – Миссис Дримлейн приятно улыбнулась своей собеседнице, будто не замечая жуткого сине-зеленого платья из дешевой

переливчатой тафты и крупного ожерелья из неизвестных ювелирам камней, не говоря уж об ужасных манерах.

Кэтрин и тут проявила чудеса сообразительности, догадавшись, что миссис Дримлейн неспроста пригласила эту женщину разделить с ней завтрак. Возможно, проницательная миссис Фишберн что-то слышала или видела, и старая леди с невинным видом пыталась это выведать.

На завтрак почти не оставалось времени, и Кэтрин успела лишь съесть слегка подгоревшую булочку и выпить стакан молока. Кухарка посетовала:

– Вы этак скоро станете худющей, как ваша тетушка! Какой вы сюда приехали, мисс Кэтрин? А какая вы теперь? Суцая тростиночка!

Кэти хотела пошутить, что тростник ниже по течению Крома выглядит весьма упитанным, но не стала отвлекать кухарку – та уже хлопотала, подготавливая обеденные блюда, и сокрушалась, что сегодня в «Охотниках и свинье» почти некому обедать.

– На самом деле мы направляемся с визитом к судье Хоуксли, – заявила миссис Дримлейн, едва они с Кэтрин вышли наружу через заднюю дверь, чтобы избежать встречи с назойливыми журналистами.

– К судье? – Кэтрин даже остановилась.

– К чему переспрашивать, разве я неясно выразилась? – ворчливо ответила старая леди. – В вашей гостинице сейчас невозможно поговорить и пяти минут, чтобы кто-нибудь не прервал беседу. К тому же я не уверена, что кто-нибудь не захочет подслушать наш разговор. Я еще вчера уговорила с Хоуксли, что мы пожалуем к нему во время, неподходящее для визитов, чтоб не столкнуться с гостями его жены.

Юная леди подумала, что ее прошлогоднее светло-серое платье в мелкий цветочек выглядит довольно скромно для посещения дома судьи Хоуксли, но теперь с этим уже ничего нельзя было поделать. Жаль, миссис Дримлейн не предупредила ее заранее.

Некоторое время обе дамы продолжали путь молча. Несколько знакомых поздоровались с ними, но миссис Дримлейн ясно дала понять, что не собирается вступать в беседу на улице. Она опасалась, что слухи об исчезновении Оливии Тармонт уже разлетелись по городку и им с Кэтрин не избежать долгих расспросов.

Уже у самой ограды, отделяющей от улицы старинный дом Хоуксли, выкрашенный в светло-желтый цвет, старушка многозначительно посмотрела на Кэтрин.

– Я думаю, наш разговор с судьей будет весьма содержательным. Он сообщил мне одну новость, тайком от Грейтона, и попросил помочь ему. Не уверена, что у меня это вполне получилось...

– У меня тоже, – робко заметила Кэтрин, проходя вслед за миссис Дримлейн в высокую кованую калитку.

– Ох, малиновка, ты, похоже, тоже приготовила сюрприз для меня и Хоуксли? – И почтенная леди засемила к дому быстрее, чтоб поскорее узнать, какие новости несет с собой мисс Хаддон.

Судья Хоуксли принял гостей в малой библиотеке, отделенной от большой полукруглой аркой. Там Кэтрин увидела ряды книжных шкафов из темного дерева, уставленные переплетенными в кожу томами, слишком большими и старыми, чтобы заинтересовать девушку.

В малой библиотеке шкафы были меньше, книги новее, а несколько уютных кресел и большой синий диван обещали уют и неспешную беседу.

На маленьком столике у дивана уже были расставлены чайные приборы и тарелочки с угощением, и Кэти забыла о своей робости. Завтрак оказался слишком легким для нее, и после получасовой прогулки она с удовольствием съест несколько сэндвичей и булочек. Только бы это не показалось судье и миссис Дримлейн проявлением дурных манер!

Но ее старших друзей не заботило такое несущественное обстоятельство, как аппетит восемнадцатилетней девушки, которая, быть может, еще продолжала расти.

Как только дамы расселись, судья Хоуксли предоставил Кэти наливать чай, сам же поторопился заговорить:

– Грейтон был бы весьма недоволен, узнай он, что я раскрываю секреты расследования дамам. Нет-нет, он весьма уважительно относится к вашим талантам, милые друзья мои, ваша помощь полиции прошлой зимой была поистине неоценима! Однако же мысль о том, сколько людей, не считая полицейских, на свой лад занимается поисками преступника и выдвигает гипотезы, безмерно его раздражает. Поэтому...

– Мы вовсе не претендуем на лавры героинь, посрамивших полицию! – перебила его миссис Дримлейн, усмотревшая в словах Хоуксли некое снисхождение. – По совести говоря, вся слава должна принадлежать миссис Харт. Это она заполучила дневник покойной Алисии и догадалась прочесть его, вместо того чтобы сжечь и тем самым обречь на гибель еще нескольких бедняжек. Мы же лишь распивали чай и сплетничали...

Кэтрин покраснела – желчное замечание миссис Дримлейн смутило ее. Ей не хотелось быть свидетельницей ссоры между старыми друзьями. К тому же девушка чувствовала себя задетой. Пусть Бет и принесла дневник, из которого они узнали имя убийцы, все это время она горячо сопереживала родным погибших девушек и изо всех сил напрягала свой ум, пытаясь раскрыть жуткую тайну. И миссис Дримлейн принимала в этом

блуждании в темном лабиринте самое живое участие.

Судья понял, что допустил ошибку.

– Я прошу простить меня за это высказывание. Полагаю, когда вы в таком настроении, все попытки убедить вас в том, что и Грейтон, и я испытываем к вам обеим глубочайшее уважение и благодарность, ни к чему не приведут. Поэтому перейду к сути нашей беседы. Мисс Хаддон, вам, я полагаю, еще неизвестно то, что я конфиденциально сообщил миссис Дримлейн.

Девушка поспешно кивнула, надеясь, что ее старшая подруга не станет долго сердиться на судью. В этом не было никакого смысла теперь, когда им лучше объединить усилия и помочь Грейтону раскрыть это дело, даже если главный констебль не слишком-то рад такой помощи.

– Итак, мисс Хаддон, да будет вам известно, что Грейтон получил весьма любопытную информацию из полицейских участков тех городков, откуда к вам в гостиницу приехали гости. Речь идет о миссис Фишберн и миссис Мидлхем с ее дочерью.

Кэти нетерпеливо вздохнула. Как все-таки странно то, что происходит с ней и вокруг нее...

До августа оставались считанные дни, жара мало-помалу спадала, и хозяйки варили варенье из абрикосов и пекли пироги с малиной. В раскрытые окна врывались и смешивались сладкие запахи, полуденное солнце отражалось в натертом паркете, в старой фарфоровой вазе бордовые розы широко раскрылись. Казалось бы, в такой день остается только наслаждаться обществом старых друзей и воздушным лимонным тортом, но, увы, не придется. Убийца миссис Синглтон не найден, журналисты вот-вот начнут высмеивать некомпетентность местной полиции, родственники покойной леди негодуют, хорошо еще, что далеко от Кромберри. А теперь исчезла Оливия Тармонт, и городок гудит от слухов, как потревоженный неловкой рукой улей. Или даже целая пасака.

– Так вот, – продолжил судья, надеявшийся заполучить все внимание своих собеседниц, – обе эти дамы, судя по всему, не те, за кого выдают себя!

Миссис Дримлейн хоть и была уже посвящена в секрет судьи Хоуксли, слушала так же внимательно, как и Кэти. Вдруг в рассказе судьи промелькнет какая-то новая деталь?

– Полицейским удалось узнать, что миссис Мидлхем была почтенной старушкой, долгие годы служившей нянькой в каком-то богатом семействе. По окончании своих трудов она купила маленький коттедж в городке Роквелл, откуда была родом, и прожила в нем до самой своей смерти...

Кэти подобающе ахнула. Она была уже не той недогадливой и неблагодарной слушательницей, что почти равнодушно внимала в первый день своего пребывания в Кромберри рассказу горничной об убийстве мисс Грин. Теперь Кэтрин лучше понимала, чего от нее ждут рассказчики, будь то простая служанка или благородный джентльмен.

– Коттедж миссис Мидлхем унаследовала племянница, но она благополучно сдает его, а сама живет неподалеку и никуда не уезжала в последние лет пятнадцать. Женщина, которая называет себя «миссис Мидлхем», на самом деле является какой-то другой особой. Возможно, она была знакома с почившей старушкой и зачем-то взяла ее имя после ее смерти.

– Действительно, зачем же... – пробормотала миссис Дримлейн.

– И это еще не все. История миссис Фишберн покажется вам еще более загадочной, дорогие дамы!

Судья с удовлетворенной улыбкой посмотрел сперва на одну слушательницу, затем на другую. Он знал, что его слов ждут со всем вниманием и сосредоточенностью, на какие только способны женщины.

– Семейство миссис Фишберн известно полиции. Ее покойный муж торговал кирпичом и лесом, двое сыновей помогали ему вести дела, а супруга занималась домом и указывала своим невесткам на их недостатки. Последнее она делала с особым удовольствием, так как отличалась бурным темпераментом. Соседи часто жаловались в полицию на шум у Фишбернов, но констебли не могли уговорить почтенную даму вести себя потише. Она могла перебить целый сервиз за несколько минут, а однажды вылила на одну из невесток чайник с кипятком. Бедняжке пришлось долго лечиться от ожогов. После смерти мужа, который мог усмирить ее с помощью тяжелых кулаков, миссис Фишберн начала впадать в настоящее буйство. В конце концов сыновья отправили ее в психиатрическую лечебницу, где она и скончалась спустя два или три года, так и не прекратив изводить персонал своими вспышками ярости.

– Боже мой! – миссис Дримлейн невольно поежилась, очевидно, представив себе атмосферу, царящую в семействе Фишбернов – скорый на расправу отец, неуравновешенная мать, обозленные отцовской тиранией сыновья и забитые, не имеющие права голоса невестки. Были ли в этой семье дети? Видели ли они хоть немного любви и заботы или их матерям приходилось скрывать свои чувства, чтобы не вызвать гнева свекрови?

– Увы, дамы из нашего благотворительного комитета могут рассказать множество подобных историй, – вздохнул судья. – А ведь семейство Фишбернов еще считалось довольно уважаемым... Но сейчас нам не

следует отвлекаться на обсуждение человеческих пороков и слабостей, тем более при нашей юной леди. Лучше задаться вопросом – если миссис Ада Фишберн окончила свои дни в нордчестерской лечебнице, то кто та женщина, что выдает себя за нее? Я попросил моего дорогого друга, миссис Дримлейн, попробовать вступить с миссис Фишберн в доверительную беседу, но ей не удалось ничего выведать у этой женщины, одни лишь сплетни и неправдоподобные истории...

– В Нордчестере! – вскрикнула Кэтрин, самым неприличным образом перебив судью. – Там служит доктор Фицпатрик! Кузен бедной миссис Синглтон!

– Именно так, мисс Хаддон, – согласился Хоуксли, не вполне понимая, почему эти его слова взволновали девушку сильнее, чем вся предыдущая речь. – Я познакомился с ним несколько лет назад, тогда он давал показания в суде по одному делу. Его глубокие суждения помогли нам тогда не отправить на виселицу невиновного... Конечно, я сразу подумал о нем, когда узнал, что ту женщину отправили в Нордчестер. Возможно, он сумеет пролить немного света на эту темную историю.

– Он видел миссис Фишберн в день похорон! И обратился к ней, но назвал совсем другим именем!

Перед глазами Кэти промелькнула эта картина – недоуменный взгляд доктора, застывшего внизу лестницы, и поскрипывание ступеней под тяжелыми шагами миссис Фишберн, едва не задевшей спускавшегося ей навстречу мистера Блантвилла.

– Вот как! – Судья подался вперед, задев коленями чайный столик. – Он знаком с этой женщиной?!

– Доктор назвал ее «мисс Форест», кажется... – Настала очередь Кэтрин завладеть вниманием собеседников. – А она ответила, что джентльмен ошибается, и ее фамилия Фишберн. Доктор извинился, объяснив свою ошибку тем, что в его клинике служит дама, очень похожая на миссис Фишберн, и она поднялась к себе.

– Очень, очень любопытно! – Хоуксли заметно повеселел. – Похоже, хотя бы эту загадку мы сумеем разгадать. Это не первый случай, когда кто-нибудь из персонала завладевал документами умершего пациента и использовал их для своих неблагоприятных дел. Вы даже не представляете, мисс Хаддон, как сильно помогаете расследованию! И, я уверен, поможете в будущем!

– Полно, друг мой, мисс Хаддон себе это прекрасно представляет, – усмехнулась миссис Дримлейн. – Мне не удалось получить у этой женщины хоть какие-нибудь сведения о ее прошлом, она, похоже, слишком

хитра, чтобы допустить даже случайную ошибку. А милейшая Кэтрин двумя словами все расставила по местам!

– Возможно, доктор Фицпатрик и в самом деле обознался... – Щеки Кэти заалели, похвала была ей приятна, но она боялась, что ошиблась или что-нибудь не так поняла, и судья Хоуксли разочаруется в ней.

– Тогда это слишком странное совпадение, – возразил Хоуксли. – Настоящую миссис Фишберн отправили в Нордчестер, и приехавший из Нордчестера доктор тотчас опознал самозванку! Нам необходимо срочно побеседовать с доктором!

– Вы отправитесь туда сами, друг мой? – поинтересовалась миссис Дримлейн.

– С тех пор как инспектор Блумфилд вышел в отставку и уехал, Грейтону не на кого положиться в делах, требующих деликатного подхода. Не отправлять же ему своих констеблей побеседовать с медицинским светилом! К тому же сейчас он озабочен бегством или похищением мисс Оливии Тармонт! Так что мне придется поехать в Нордчестер самому. – Судья не скрывал, насколько он доволен возможностью продвинуться в расследовании и поразить главного констебля Грейтона новыми фактами.

– Вы позволите мне поехать с вами? – спросила миссис Дримлейн. – Я слишком много времени провела в «Охотниках и свинье» и не прочь совершить небольшое путешествие.

– Я буду только рад, если вы составите мне компанию, – любезно ответил Хоуксли. – Нам придется заночевать в «Зайце и посохе»: за один день съездить в Нордчестер и вернуться будет для нас утомительно.

Кэтрин почувствовала острую зависть. Как бы ей хотелось самой побывать в Нордчестере, увидеть ужасы психиатрической клиники и понять, насколько слухи о них преувеличены. Да и просто попутешествовать, побывать в другом городе было бы так чудесно! Она смогла бы даже нарисовать что-нибудь по дороге! Увы, совершенно невозможно было просить судью взять с собой и ее. Она и без того слишком часто покидает свое место за конторкой, тетушка Мэриан того и гляди захочет отправить ее домой, в замшелый Стоунфолл!

– Что ж, я заеду за вами в своем экипаже после завтрака.

Судья и миссис Дримлейн уже договаривались о совместной поездке, и Кэти почувствовала себя лишней. Она рассеянно положила себе на тарелку еще одну порцию яблочного пирога. От воодушевления, с которым она направлялась в дом Хоуксли, не осталось и следа.

Ее унылые, полусонные мысли прервало замечание судьи Хоуксли:

– Теперь мы хотя бы знаем, в каком направлении двигаться, чтобы

раскрыть тайну мнимой миссис Фишберн. А вот что делать с миссис Мидлхем, я и представить себе не могу. Арестовать умирающую женщину жестоко, представляется мне, а по тому, как она держится, можно догадаться, что она не станет запросто раскрывать свои тайны...

– Но зачем этим женщинам выдавать себя за других? – неожиданно спросила Кэтрин, не заметившая, что снова прерывает речь судьи.

Ее собеседники переглянулись. Кажется, в этот момент она показалась им совершенно бестолковой девушкой.

– Думаю, тут может быть только один ответ, мисс Хаддон, – медленно произнес судья. – Женщина, связанная с Арчибальдом Тармонтом. Дама, передавшая мальчишке записку для вас... Знать бы только, которая из этих женщин содействует убийце и зачем второй скрывать свое настоящее имя...

Подумать только, Кэти совершенно позабыла об этой записке в последние дни. Похороны миссис Синглтон, многочисленные гости, сперва наводнившие гостиницу, словно августовские пчелы, а затем разлетевшиеся по своим ульям... А теперь еще и исчезновение Оливии Тармонт!

По сравнению с этими событиями записка с угрозами в адрес Кэтрин казалась дурной шуткой, и девушка не только не вспоминала о ней, но и не думала о том, что стоит бояться появления Арчибальда Тармонта в гостинице. Это теперь-то, когда в «Охотниках и свинье» постоянно толпится народ – суровые констебли, пытающиеся проникнуть всюду журналисты, любопытные горожане... Незнакомца тотчас кто-нибудь заметил бы!

И совсем другое дело, если прямо рядом с Кэтрин, всего лишь в нескольких ярдах, проживает пособница Арчи Тармонта! Ей ничего не стоит проникнуть в комнату девушки и осуществить угрозу!

Глаза девушки потемнели от страха, вкус пирога показался ей кислым, а льющиеся в окна солнечные лучи – ядовитыми.

Выражение ее лица подсказало старшим друзьям, что ужас вновь овладевает бедняжкой.

– Полно, дитя мое, с вами ничего дурного не случится, – заторопился судья. – Теперь, когда нам известно, кого надо опасаться, мы приставим констеблей незаметно следить за обеими этими женщинами, а вам я бы посоветовал отправиться погостить у миссис Харт. Ваши дядя и тетя некоторое время обойдутся и без вас, я прикажу своему секретарю подежурить в «Охотниках и свинье» несколько дней.

– Мне бы не хотелось уезжать. – Кэтрин вдруг поняла, что не может

проявить подобную трусость и покинуть гостиницу сейчас, когда она может увидеть или услышать что-то еще. Что-то важное, что поможет полиции и судье Хоуксли разыскать Оливию Тармонт и найти наконец убийцу миссис Синглтон! А, кстати, она ведь до сих пор не поделилась тем, что услышала из «Комнаты с портретом»!

Она была так взволнована, что даже позабыла о смущении из-за своего неприглядного поступка – подслушивания чужой беседы. Да и судья Хоуксли и миссис Дримлейн слушали ее так внимательно и обеспокоенно, что им и в голову не пришло укорять ее в дурных манерах.

– Так, значит, у Хелен Тармонт тоже есть какая-то тайна! – Хоуксли покачал седовласой головой. – Поистине, в вашей гостинице собрались какие-то заговорщики! За всю свою карьеру ни я, ни Грейтон еще не сталкивались с делом, в котором было бы столько загадочного и непостижимого. И каждый день приносит лишь новые загадки, притом что мы ни на шаг не приблизились к убийце миссис Синглтон!

– Не отчаивайтесь, мой друг, – попыталась урезонить его миссис Дримлейн. – Рано или поздно все тайное станет явным. Завтра мы, по крайней мере, узнаем секреты миссис Фишберн.

– Хорошо, если так, – вздохнул судья. – Что-то подсказывает мне, что наша поездка подбросит нам еще одну тайну!

Глава 16

Почти весь следующий день Кэтрин провела в обществе Бетси Харт, которой рассказала обо всем, что услышала и узнала накануне. Бет серьезно отнеслась к тому, что враг Кэти может находиться внутри гостиницы, а не снаружи, и добровольно назначила себя стражем, охраняющим мисс Хаддон.

Никаких новостей суббота не принесла. Главный констебль Грейтон приходил побеседовать с миссис Мидлхем об исчезновении Оливии, но в отсутствие судьи Хоуксли ни Кэтрин, ни провожавший Грейтона дядюшка Томас не посмели задавать главному констеблю вопросы.

– Надо сказать, у него был весьма озадаченный вид, – только и смог сообщить мистер Лофтли Кэти и Бет, сидящим на диване в холле, вместо того чтобы тесниться вдвоем за конторкой.

– Может быть, ему удалось что-нибудь узнать от нее? – Бетси делала вид, что занята шитьем, но ее нитка не укорачивалась с самого утра, когда она только воткнула иголку в ткань.

– Если б я мог знать, миссис Харт! – Дядюшка Томас сокрушенно махнул рукой и направился к себе в кабинет, где только и мог укрыться от тревоги, окутавшей мутным облаком его злосчастную гостиницу.

– Ты говорила, что портрет, о котором шла речь в разговоре мисс Тармонт и ее горничной, надежно спрятан, – прошептала Бетси, косясь в сторону лакея, дежурившего у входных дверей.

– Так говорила Сьюзен, – возразила Кэти.

– Хотелось бы мне знать, о чьем портрете идет речь, – вздохнула Бетси. – Может быть, на нем изображена мисс Хелен с поклонником, и ее жених не должен знать об этом...

– Не забывай, при разговоре присутствовал старший мистер Теннерсон, – возразила Кэтрин. – Он не позволил бы обманывать своего племянника!

– Ты так наивна, – фыркнула Бет. – Мы много уже говорили о том, что жених Хелен может быть заинтересован в ее приданом больше, чем в ней самой. Но, быть может, его дядюшка заинтересован еще больше и всеми силами стремится устроить этот брак, чтобы поправить свои дела!

– Может быть, это и так, но они говорили о том, что портрет могла найти она... кто она? – не сдавалась Кэтрин. – Ах, если бы мы сами могли отыскать его! Может быть, многое стало бы понятным!

– Ты же не думаешь, что какой-то портрет может быть связан с бегством Оливии? – Бет отбросила рукоделие на другой конец дивана, устав делать вид, что занята лишь им. – Может быть, у Оливии был портрет ее дядюшки и по нему его могли бы узнать? Тогда понятно, что он поспешил похитить ее, пока она не показала портрет мистеру Грейтону!

– Зачем бы ей скрывать такую важную вещь? – возразила Кэти. – Ведь Арчибальд Тармонт убил женщину, которая заботилась о ней и ее сестре целых пять лет! Нет, у нее был только медальон с детскими портретами ее и Хелен, помнишь, судья Хоуксли вернул его Оливии, когда они только поселились здесь?

– О, я совсем позабыла об этом медальоне! – Бетси вскрикнула так громко, что Эндрю обернулся к ней, и она тут же успокаивающе кивнула лакею. – Господи, тут невозможно разговаривать без опасности, что кто-то подслушает! Так вот, Кэтрин, что, если речь и шла о том самом портрете? Может быть, Сьюзен украла его прежде, чем погибла миссис Синглтон, чтобы сохранить его для Хелен? А Оливия едва не нашла его?

– Сьюзен явно терпеть не может бедную Оливию, но для чего ей красть? Хелен могла отобрать у сестры медальон, в конце концов, на нем и ее портрет тоже! Нет, тут что-то совсем другое...

Обе некоторое время сидели молча, пытаясь порознь прийти к какому-то выводу, к идее, которую можно потом превратить во что-то стоящее и донести до судьи Хоуксли. Первой сдалась Кэти.

– Мы можем гадать сколько угодно, но так и не приблизимся к истине. Без портрета нам ничего не узнать! Даже судья Хоуксли развел руками, когда я рассказала ему о том разговоре.

– Тогда нам остается только заняться чем-нибудь другим. – Бет с ненавистью взглянула на свое шитье.

– Или найти портрет, – упрямо повторила Кэти.

– Но каким образом ты собираешься его искать, если даже не знаешь, что он собой представляет? – резонно заметила на это Бетси. – Ты сама говорила, что Хелен приказала горничным мистера Лофтли не тревожить ее, уборку в «Комнате с портретом» делает эта злоязычная Сьюзен...

– У дяди в кабинете есть запасные ключи от всех комнат... – прошептала Кэтрин, покосившись на сучающего у дверей лакея.

– Ты хочешь... – Бетси округлила глаза.

– Я не могу постоянно дрожать от страха в ожидании, когда Арчибальд Тармонт или его помощница придет, чтобы покарать меня за то, о чем я и понятия не имею! Когда я помогаю судье Хоуксли, я не боюсь!

Бет фыркнула, но не стала высмеивать девушку за самоуверенность.

Конечно, они лишь слабые женщины, но помогли полиции в прошлом, как никто другой. Да и сейчас Кэтрин уже раздобыла для Грейтона и Хоуксли куда больше сведений, чем все их констебли, вместе взятые! Место за конторкой в «Охотниках и свинье» оказалось колодцем, откуда можно было бесконечно вычерпывать обрывки важных разговоров, не предназначенных для чужих ушей. Стоит лишь прибавить чуть-чуть наблюдательности и удачливости, и можно узнать многое, очень многое... Пользоваться этими сведениями для собственных корыстных целей Бетси считала недопустимым, но сейчас ведь совсем другое дело! Им нужно найти убийцу! Ну, хорошо, они могут помочь найти убийцу, а столь важное дело требует необычных поступков. И судить их, в случае удачи, никто не будет. О неудаче же Бет предпочитала не размышлять вовсе.

– Что ж, нам нужно только дождаться, когда Хелен Тармонт уедет вместе со своим женихом и его дядюшкой, и проникнуть к ним в комнату! – заявила она так небрежно, словно речь шла всего лишь о починке старого чепчика.

– Не забывай о Сьюзен! Эта женщина пугала Оливию и пугает меня, – напомнила Кэтрин. – Сегодня утром я слышала, как она приказывала слуге мистера Теннерсона позаботиться об экипаже, в три часа они поедут в поместье Тармонтов.

– Надеюсь, они возьмут с собой горничную, – пробормотала Бет и тут же безнадежно махнула рукой. – Постой, что мы можем там найти, если полиция обыскивала гостиницу тотчас же после убийства миссис Синглтон!

– В том-то и дело, что комнату мисс Тармонт не обыскивали! Никто не стал бы подозревать Хелен и Оливию в убийстве их опекуниши!

Бетси ахнула, ее щеки покраснели от возбуждения.

– В самом деле? А Сьюзен? Разве не могла она поддаться соблазну и украсть драгоценности? Кража могла случиться перед тем, как миссис Синглтон убили...

– Я не знаю, что думали полицейские, – призналась Кэтрин. – Сперва, по словам судьи Хоуксли, мистер Грейтон подозревал чуть ли не каждого в гостинице, но, как только я вспомнила, что слышала в коридоре разговор Арчибалда Тармонта с какой-то дамой, поиски сосредоточились на нем. Боюсь, что и обыск проводили поспешно и довольно небрежно, так сказал нам с тетей дядюшка Томас.

– Что ж, мы попробуем пробраться в «Комнату с портретом» и осмотреть ее, – решила Бет. – Ты хорошо представляешь, как там расставлена мебель, есть ли в бюро потайные ящички или что-нибудь

подобное?

Кэтрин помолчала, собираясь с мыслями. Конечно, хорошо бы спросить Сару, но горничная придет в ужас, узнав, что задумали мисс Хаддон и ее подруга. Придется искать самим...

– Я знаю, какая мебель стоит в этой комнате, но, боюсь, искать нам придется в вещах мисс Тармонт и их горничной. – Девушка поморщилась, мысль о том, чтобы копаться в чужом гардеробе, была ей неприятна. Но что ей оставалось?

– Ох! – Бетси только сейчас поняла, что представляет собой затея Кэтрин. – Мы можем потратить несколько часов и так ничего и не найти! И все нужно сложить обратно так, чтобы никто не заметил, что в комнате кто-то побывал!

– Боюсь, что так, – согласилась мисс Хаддон с обреченным, но решительным видом.

Они едва дождались трех часов, но, увы, Хелен не уехала вместе с Теннерсонами. С ними отправилась Сьюзен, которую, судя по всему, ожидало почетное место экономки. И эта деспотичная особа собиралась уже сейчас показать нанятой недавно прислуге, кому надлежит подчиняться. Хелен же осталась в «Комнате с портретом» предаваться печали и ждать, а вдруг счастливая судьба вернет ей сестру!

Девушки поболтали с миссис Лофтли и горничными, чьи обязанности облегчало отсутствие в гостинице многочисленных гостей, а после обеда Бетси уговорила Кэтрин переночевать в ее доме. Дик Харт уехал на отдаленную ферму с грузом и не успевал возвратиться до наступления ночи, миссис Дримлейн не ждали раньше завтрашнего дня, и Кэти с каждым часом нервничала все сильнее и сильнее. Ведь на втором этаже, кроме нее, должны были ночевать только миссис Фишберн и миссис Мидлхем с Полин. Которая из них привезла с собой злой умысел? И как его разгадать? На эти вопросы ответов пока не было...

Мистер Лофтли согласился отпустить племянницу, если только она и миссис Харт не станут дожидаться темноты, а Эндрю проводит их до самых дверей дома Хартов.

Бетси почувствовала, насколько напугана Кэтрин, когда она согласилась оставить «Охотников и свинью» без особых возражений.

– Так идем прямо сейчас! – решила Бетси.

– Хорошо, я только надену шляпку и возьму свой альбом! – Кэти заторопилась наверх, а Бет осталась ждать ее, по привычке усевшись за конторку, хотя в ее услугах никто не нуждался.

Поднявшись наверх, Кэтрин по привычке остановилась перевести дух

и тут же заметила, как далеко впереди тучная фигура исчезла за одной из дверей. Миссис Фишберн зашла к Хелен Тармонт! Но зачем? Позабыв о неровном дыхании, Кэти подобрала юбки и побежала по коридору, стараясь не наступать на скрипучие половицы. Ковер заглушал ее шаги, и через несколько мгновений она уже аккуратно открывала дверь своей комнаты.

Очутившись в «Комнате с незабудками», она сперва заперла дверь на ключ, затем подбежала к стене, отделявшей ее пристанище от «Комнаты с портретом», и прижалась к ней щекой. Девушка надеялась, что голос миссис Фишберн будет слышно даже сквозь стену, и не ошиблась. Разговор в комнате уже начался, так что она услышала лишь обрывок фразы:

– ...что ее похитил дядюшка. Не стоит беспокоиться, через день или два она найдется. У нее нет денег, и на ней слишком дорогое платье, чтобы ее сочли за нищенку или дочь какого-нибудь лавочника. Кто-нибудь ее непременно заметит!

Голос миссис Фишберн за стеной казался низким, как у мужчины. Увы, ответ Хелен разобрать не удалось, но следующую фразу миссис Фишберн Кэти услышала вполне отчетливо:

– Кто поверит ей без медальона? Всего лишь болтовня девчонки, у которой не все в порядке с головой после трагедии с ее бабкой! Поверь, в Нордчестере я навидалась достаточно таких, как она! И мы-то уж знали, как излечить их от этих нездоровых фантазий!

Кэтрин вся напряглась, вжимаясь щекой в стену, оклеенную обоями с незабудками. Сердце ее билось так сильно, что она вдруг испугалась, что его услышат там, за стеной.

Выходит, они с Бет оказались правы, и накануне в этой комнате говорили о том самом медальоне с портретом обеих мисс Тармонт, который все эти годы хранил в своем доме судья Хоуксли! И миссис Фишберн на самом деле приехала из Нордчестера, где служила в клинике доктора Фицпатрика!

– Моя сестра хорошо сделала, что отдала его мне! Прекрати паниковать, дорогуша, этак можно все испортить! Через две недели вы с мальчишкой поженитесь, как и собирались. И несносная девчонка будет подружкой невесты вместе с другими юными леди из соседских семейств. Я ни за что не пропущу венчания, ты будешь прелестной невестой! О, я знаю, что ты меня стыдишься, и ничуть не сержусь! Я скоро получу то, что мне причитается, и уеду куда-нибудь подальше! После того как я встретила с этим чертовым доктором, мне нельзя возвращаться в Нордчестер.

Слова миссис Фишберн потихоньку затихали, очевидно, она отошла в

глубь комнаты. Кэтрин едва дышала, все услышанное не укладывалось у нее в голове, и в то же время она чувствовала, что слова важнее этих ей вряд ли еще доведется услышать. Вот только как же понять, в чем тайна медальона? И куда, по мнению миссис Фишберн и Хелен, делась Оливия, если Арчибальд Тармонт не похищал ее? И о какой сестре идет речь?

«Сперва надо дослушать их разговор, не пропустив ни слова! – сказала себе Кэти, пытаясь сдержать дрожь в напряженных коленях – ей было лучше слышно, если она слегка наклонялась. – А думать мы будем после, вместе с Бет. И, конечно же, нам придется рассказать обо всем мистеру Грейтону, не дожидаясь, когда судья Хоуксли вернется из Нордчестера!»

Поездка Хоуксли в клинику уже казалась Кэтрин лишней тратой времени. Она узнала о том, что миссис Фишберн и в самом деле служила в клинике, всего лишь послушав несколько минут чужой разговор. Который, кстати, еще не закончился.

– Нет, мы не станем пока уничтожать портрет! Кто знает, где и когда он может пригодиться. К тому же медальон сделан из золота и сам по себе будет стоять немало! Как только наступит понедельник, я отвезу его в Торхилл и попрошу ювелира вытащить портрет, а сам медальон переплавить в аккуратный золотой брусочек. Пройдоха знает меня и не станет задавать лишних вопросов!

И, наконец, после паузы, во время которой Кэти разобрала лишь то, что голос Хелен в ответ звучит куда более взволнованно, чем накануне, когда пропала ее сестра:

– Я не позволю тебе все испортить сейчас, когда мы уже почти достигли цели! И он тоже не позволит. Выпей чего-нибудь покрепче и приляг отдохнуть. Скоро мы услышим какие-нибудь новости об этой маленькой дряни!

В «Комнате с портретом» наступила тишина. Кэти еще несколько мгновений жадно прислушивалась, затем осторожно приблизилась к своей двери, вытащила ключ из замочной скважины и взглянула сквозь нее в коридор. Широкая спина миссис Фишберн удалялась в направлении «Комнаты с гобеленом», и вскоре она вошла в свою спальню и закрыла дверь.

Кэтрин с трудом выпрямилась, ноги ее болели, но она этого почти не замечала. Подождав еще чуть-чуть, она огляделась, понимая, что начисто забыла, зачем пришла в свою комнату. Ах да, она же собирается ночевать у Бет! Как удачно, ведь там они смогут поговорить без опасений быть подслушанными! На своем опыте Кэтрин знала теперь, что даже в самых толстых стенах есть изъяны, если у тебя громкий голос, а

любопытствующий за стеной настырен и неутомим.

В холле Бетси мерила шагами ковер.

– И где ты пропадала? – накинулась она на Кэти. – Я уж подумала, что ты увидела паука и упала в обморок!

– Идем, скорее, – коротко ответила ей Кэтрин, и гнев Бет рассеялся. Что-то произошло, что-то, задержавшее Кэтрин, и Бетси отчаянно хотела узнать, что именно. А для этого требовалось оказаться как можно дальше от «Охотников и свињи»!

Незамедлительно обе выскочили на улицу, проигнорировав приказ мистера Лофтли взять с собой лакея, и буквально бросились прочь от «Охотников и свињи», чтобы не попасться журналистам, облюбовавшим паб дядюшки Томаса как удобное место наблюдения за гостиницей и очаг, в котором то тлел, то раздувался огонь всяческих сплетен, слухов и домыслов.

Только через два квартала от Мэйн-стрит запыхавшаяся Кэтрин наконец остановилась так, что Бетси едва не налетела на нее.

– Можешь ты мне объяснить, куда мы так бежим? – темные волосы Бет выбились из-под шляпки, подол платья запылится на добрый фут, и она чувствовала себя измученной и раздраженной.

– В полицейский участок! – выпалила Кэти, приготовившаяся продолжить бег по улице. – Нам нужно поскорее узнать, где находится мистер Грейтон, и повидаться с ним!

– Я и с места не сдвинусь, пока ты не объяснишь мне, что за дьявол в тебя вселился! – Бет уперлась кулаками в бока, как торговка рыбой, и с самым решительным видом уставилась на Кэти.

Пришлось рассказать ей все, что Кэтрин смогла подслушать.

– Отвратительная старая жаба! – воскликнула Бет. – А эта кривляка Хелен! Как она может так ненавидеть сестру?

– Об этом ее пусть спрашивает главный констебль Грейтон! – попыталась остановить Кэтрин льющийся на нее поток вопросов. – Сейчас нужно думать о том, что за тайну скрывает медальон и куда делась Оливия! Похоже, миссис Фишберн и Хелен считают, что девочка сбежала сама, а Арчибалд Тармонт тут вовсе ни при чем!

Бетси не стала возражать против раскрытия этих новых тайн, и вскоре обе поспешно преодолели последние ярды, отделяющие их от полицейского участка Кромберри.

Увы, сержант Нобблз разрушил их надежды. Мистера Грейтона нет в Кромберри, он в сопровождении двух констеблей уехал в расположенный ниже по течению Крома Фанброк. В одном из поместий по соседству с

городком похитили драгоценности приехавшей погостить знатной дамы. Очень знатной, намекнул сержант. Главному констеблю ничего не оставалось, как отправиться на место преступления самому, к тому же существовал крошечный шанс, что драгоценности этой дамы похитил тот же человек, что и украшения миссис Синглтон.

Кэтрин и Бет не смогли скрыть, как они расстроены услышанным. Ни той, ни другой даже в голову не пришло поделиться своими секретами с сержантом, добродушным краснолицым малым. Нобблзу, как и всем в полицейском участке Кромберри, было известно, что юная мисс Хаддон весьма дружна с миссис Дримлейн и судьей Хоуксли. Эта дружба вызывала недоумение у многих в городе, но сержант благоразумно считал, что судье виднее, с кем ему водить знакомство. Сам же он был любезен и приветлив с мисс Хаддон и ее приятельницей и охотно поделился новостями расследования, коих, к сожалению, почти и вовсе не было. Хотя единственная новость сержанта поразила обеих.

В телеграмме из Фанброка, призывающей главного констебля Грейтона на помощь местным полицейским, не готовым вести допрос великосветской публики, говорилось и еще кое о чем. Каретник в Фанброке славился своими экипажами, которые не стыдились брать внаем на лето даже состоятельные люди, не желавшие содержать собственную конюшню в сельском доме. Джон Харт завидовал этому человеку, владевшему несколькими элегантными экипажами, летними и зимними, но не мог позволить себе содержать подобный.

И вот там-то, в Фанброке, обнаружился экипаж, по описаниям похожий на тот, что видела мисс Хаддон в Кромберри в ночь исчезновения Оливии Тармонт. Причем видела его не только Кэтрин. Дама, пославшая горничную передать уличному мальчишке письмо с угрозами для мисс Хаддон, сидела в похожем экипаже – зеленом, покрытом свежим лаком, чей блеск едва не ослепил мальчика, не привыкшего часто видеть на городских улицах подобную роскошь.

– Неужели экипаж нанял один и тот же человек? Эта загадочная дама? – Бетси не собиралась уходить из полицейского участка, пока не выяснит все до конца.

– Мне жаль, миссис Харт, но в первый раз нанимать зеленую карету приходила горничная, должно быть, та самая, а во второй раз за экипажем явился расторопный лакей, отказавшийся от услуг местного кучера.

– Конечно же, ему не нужен был кучер, который мог запомнить миссис Тармонт! – Бет испытывала досаду от того, что полиции удалось решить одну из загадок этой истории, и в то же время ответ выглядел довольно

беспольным. – Но ведь не могла же управлять лошадьми горничная той дамы!

– Согласен с вами, миссис Харт. – Сержант посмотрел на Кэтрин. – Мой коллега из Фанброка известил нас, что в первом случае к карете прилагался кучер. Главный констебль Грейтон намерен поговорить с ним, и уже в понедельник к полудню у нас появятся новые сведения, благодаря которым мы сможем продолжить поиски!

На этом сержант Нобблз закончил разговор с дамами, так как его внимания уже несколько минут искал констебль, задержавший уличного воришку.

Не сговариваясь, обе не стали рассказывать сержанту о том, что миссис Фишберн связана с Хелен Тармонт и хранит у себя медальон Оливии.

– Ах, ты только послушай его! – возмущалась Бетси, когда они с Кэтрин торопились к ее дому. – Грейтон мог вернуться и завтра, что стоят украшения какой-то графини по сравнению с убийством и похищением девочки! Наверняка он с удовольствием гостит у кого-то в поместье, пока мы здесь делаем его работу! Еще неизвестно, сможем ли мы застать его в понедельник!

– В понедельник будет уже слишком поздно, – расстроено ответила Кэти. – Миссис Фишберн отвезет медальон в Торхилл и превратит его в золотой слиток, который никто не сможет узнать!

– Что же нам делать? Отправить посыльного в Нордчестер к судье Хоуксли? – Бетси остановилась прямо посреди улицы.

– Мы должны пробраться в комнату миссис Фишберн и найти медальон раньше, чем она уничтожит его! – Кэтрин тоже остановилась и решительно потрянула головой, словно отгоняя страх и разочарование. – Вместо «Комнаты с портретом» мы отправимся к ней.

– Но что, если она носит его с собой? На шее или в потайном кармане платья? – Бет не разделяла воодушевления мисс Хаддон, хоть и готова была поддержать ее.

– Нам ничего не остается, как попробовать отыскать его! Никто не стал бы искать кулон у миссис Фишберн, ей нечего опасаться, и она может спрятать его в своей комнате.

– Или где угодно в гостинице, да хоть бы и в «Лавандовой спальне»! Думаю, твоему дяде не скоро удастся поселить там кого-нибудь!

Кэтрин внезапно замолчала, ее круглое личико помрачнело, и Бетси, недолго подождав ответа, потянула подругу за собой.

– Идем же, или ты хочешь торчать на улице до тех пор, пока кто-

нибудь не узнал нас и не набросился с расспросами? Ты побледнела, болит голова?

– Вовсе нет, но я подумала... – Кэти огляделась по сторонам, ответила на приветствие двух знакомых дам, но улыбка ее была слабой.

– Так что ты подумала? – Бет тоже поздоровалась со знакомыми и тотчас снова потащила Кэтрин по улице, не желая останавливаться ради пустой болтовни. – Кэтрин, да говори же!

– Я подумала... – снова начала девушка и умолкла было, но глаза Бет уже сверкали, как первые сполохи молнии. – Если миссис Фишберн никак не связана с Арчибальдом Тармонтом, а, похоже, так и есть, значит, его пособницей является миссис Мидлхем...

– О! – только и ответила Бет.

Оставшуюся часть пути обе молчали, размышляя об этом новом факте. Уже дома, в аккуратной гостиной Хартов, Кэтрин заговорила снова:

– Мне жаль, что это она. Миссис Мидлхем казалась доброй женщиной, несмотря на свою сдержанность. Она борется с болезнью без жалоб и слез, хотя ей очень плохо, она едва может спуститься по лестнице. И Полин... Знает ли она что-нибудь?

– Тебе следует жалеть лишь о том, что она встретила на твоём пути! – резко осадила ее Бетси. – Возможно, господь наказал ее этой болезнью за какие-нибудь гадкие поступки. А сейчас она хочет получить как можно больше денег у Арчи Тармонта, чтобы Полин не осталась без средств после ее смерти! А Полин... возможно, миссис Мидлхем нарочно заставила девочку подружиться с Оливией, чтобы потом похитить бедняжку! Что, если это Полин выманила Оливию из комнаты и помогла ей спуститься через окно?

– Ах, нет, это невозможно! – возразила Кэтрин, но в голосе ее недоставало решительности. Кто знает, быть может, Бетси права, и тогда это миссис Мидлхем послала Кэти записку с угрозами, и она же подслала Полин к Оливии Тармонт!

– Отчего же? – разумно возразила Бет. – Нам известно, что миссис Мидлхем – не та, за кого себя выдает, и наверняка она не просто так приехала в Кромберри именно в это время!

– Еще эта сестра миссис Фишберн... Кто она? – вспомнила Кэтрин еще об одной странной детали подслушанного разговора.

– Представления не имею! – Бет сердито сжала кулаки. – Мало того что эта желтоглазая ведьма явилась сюда и плетет интриги, так теперь еще появилась какая-то сестра! Скорей бы приехал главный констебль, уж теперь ему найдется о чем с ней поговорить!

Остаток вечера до того, как к ним присоединился за ужином рано возвратившийся Джон Харт, заговорщицы так и этак прикидывали, как бы им пробраться в комнату миссис Фишберн, найти там медальон и при этом не попасться на глаза никому, прежде всего хозяйке «Комнаты с гобеленом».

Им, сам того не зная, помог Джон Харт, сообщивший, что завтра викарий Фриддел намерен прочесть особенную проповедь о страданиях невинных, послушать которую, судя по всему, собирается чуть ли не весь город.

– Наверное, Хелен тоже пойдет в церковь вместе с женихом и его дядей, помолиться за здоровье своей сестры. – Бет многозначительно посмотрела на Кэти.

– И, конечно, миссис Фишберн направится туда же, поглазеть на тех, кто приедет в Кромберри из окрестных поместий! – поддержала ее мисс Хаддон. – А миссис Мидлхем, если у нее достанет на это сил, наверняка захочет послушать проповедь...

Обе прекрасно поняли друг друга – если они хотят найти медальон, более подходящего случая им не видать. В понедельник миссис Фишберн превратит его в бесполезный кусок металла, который уже не сможет ничего рассказать...

Глава 17

Наутро миссис Харт и мисс Хаддон явились в «Охотников и свинью» через четверть часа после того, как хозяева и немногочисленные постояльцы гостиницы ушли в церковь, группками и поодиночке. Дик Харт убежал из дома пораньше, чтобы зайти за Сарой, другая горничная и кухарка тоже покинули ненадолго гостиницу, и только Эндрю добросовестно дежурил в пустом холле, спасая «Охотников и свинью» от набегов журналистов. Впрочем, те явно рассчитывали поживиться какими-нибудь новостями в церкви. Столичные газетчики и представить себе не могли, что после загадочного убийства в Кромберри еще исчезнет одна из тех, кто был связан с жертвой. Похоже, этот городок стоит принимать во внимание, когда в Лондоне не происходит ничего чрезвычайного и газетам нечем заполнить несколько колонок!

Бетси разбудила дремлющего на стуле у входной двери лакея и задала ему несколько вопросов, чтобы убедиться – на втором этаже и в самом деле никого нет. Пока Эндрю с удовольствием болтал с миссис Харт – она обещала позже отпустить его перекусить, – Кэтрин прошла в кабинет своего дяди, изо всех сил стараясь делать вид, что не замышляет ничего необычного.

Девушка подошла к письменному столу и открыла верхний ящик. Там, под конвертами, рядом с расходными книгами, хранился ключ от другого ящика. Ящика, в котором хранились ключи от всех дверей в гостинице. Дядюшка Томас не скрывал от племянницы местонахождение ключа, но и не говорил о нем, пока как-то раз не понадобилось открыть дверь одного из номеров. Постоялец потерял свой ключ, и дядя попросил Кэти сбегать наверх и отпереть дверь, так как сам он в это время беседовал с дамами из благотворительного комитета, требовавшими от него предоставить «Зал герцогини» для ежегодного собрания дам-благотворительниц со всего графства.

Насколько помнила Кэтрин, мистер Лофтли скептически отнесся к этой идее, припомнив дамам, что во время благотворительного бала в его гостинице произошло убийство. Мисс Фриддел, однако, отмахнулась от этого факта, так как уже воочию представила свою будущую славу как устроительницы лучшего собрания десятилетия. Дядюшке Томасу пришлось сдаться, и в начале октября в «Охотников и свинью» должны были съехаться почтенные леди со всего графства.

«Теперь-то, пожалуй, собрание придется отменить. Второго убийства мисс Фриддел нашей гостинице не простит, – подумала Кэти, стоя перед столом с ключом в руке. – А было бы неплохо все же провести его – дядюшка смог бы улучшить свои дела».

Кэтрин вздохнула и поднесла ключ к замочной скважине. Она осознала, что нарочно отвлекает себя посторонними размышлениями, медлит, чтоб еще хоть на несколько мгновений отодвинуть момент, когда должна будет нарушить правила, предать доверие дяди и тети и проникнуть тайком в чужое жилище, пусть и временное, чтобы похитить там чужую вещь.

Но ведь это нужно для того, чтобы раскрыть тайну, наказать убийцу и вернуть своим родным спокойствие! Кэти испытывала муки совести еще и от того, что рассматривает задуманное не как суровую необходимость, против которой восстает все ее естество, но и как приключение, опасное и захватывающее. Она вовсе не должна была чувствовать это нетерпение, любопытство, смешанное со страхом, и желание, чтобы именно ей повезло в поисках. И все же она все это чувствовала...

Девушка вздрогнула и опомнилась, услышав из холла преувеличенно-громкий смех Бетси. Что она творит? Время уходит, через полтора, самое большее, два часа гости и хозяева гостиницы вернутся из церкви, а они еще ничего не нашли! И неизвестно, сколько времени понадобится на поиски!

Кэтрин решительно повернула ключ и открыла ящик. Ключ от «Комнаты с гобеленом» нашелся почти сразу, и через мгновение она уже поднималась по лестнице на второй этаж. Бетси последовала за ней, оставив лакея размышлять о том, насколько приятным сделало замужество характер миссис Харт.

У дверей комнаты миссис Фишберн Кэти уже не медлила, и обе проникли внутрь с трепещущим сердцем, но самым невозмутимым видом, на какой были способны в этот момент.

Но дальше дело пошло хуже. В каждой комнате «Охотников и свиньи» было непростительно много мебели, как думала теперь Кэтрин, прежде восхищавшаяся уютом старинных вещей и проявленным тетушкой Мэриан хорошим вкусом, позволившим сочетать их в наиболее выгодном свете.

– Медальон должен быть в саквояже миссис Фишберн, – сказала Бет после короткой паузы, когда обе стояли посреди комнаты, оглядываясь по сторонам.

– Почему? – Кэти смотрела на гобелен, давший название комнате, – за ним можно было спрятать сколько угодно маленьких вещиц, прикрепив булавкой с изнанки.

– Она живет здесь под чужим именем и должна понимать, что ее в любой момент могут разоблачить! Тогда ей придется бежать из Кромберри как можно быстрее, ты же сама говорила, она не собирается возвращаться в Нордчестер!

– Должно быть, она не ожидала, что доктор Фицпатрик появится здесь! – Кэти снова вспомнила сцену у лестницы, когда доктор окликнул мнимую миссис Фишберн, и позавидовала выдержке этой женщины, сумевшей не раскрыть себя.

– Кто мог представить себе, что миссис Синглтон погибнет, а доктор окажется ее родственником! – Бетси двинулась к шкафу в глубине комнаты. – Давай же, нам пора заняться поисками! Викарий Фриддел может сократить проповедь, если в церкви слишком душно!

– Я поищу под подушками, в ящиках туалетного столика и в шкатулке для рукоделия. – Кэти почувствовала, что не может заставить себя прикоснуться к платьям миссис Фишберн, уж слишком ей была противна эта женщина. – Может быть, она спрятала кулон туда, откуда может его быстро достать при необходимости!

Бетси посмотрела на утратившее краски личико девушки и молча кивнула. Обе занялись поисками, стараясь не забывать о том, что все вещи должны после осмотра лежать ровно так, как прежде.

– В саквояже ничего нет! – с досадой воскликнула Бетси. – Неужели она носит медальон с собой, в каком-нибудь потайном кармане?

– Это было бы просто ужасно! – откликнулась Кэти. – Уже завтра она собирается ехать в Торхилл, чтобы уничтожить его!

– Нам придется пойти в полицейский участок и попросить сержанта арестовать ее, как только она выйдет из гостиницы! – Похоже, ничего другого им не оставалось. – Надеюсь, сержант Нобблз согласится сделать это в отсутствие мистера Грейтона!

– Давай поищем еще где-нибудь, под кроватью, за гобеленом, под подушками в кресле! – Кэтрин не хотелось сдаваться, но еще больше ей не хотелось объясняться с сержантом.

Прошло еще полчаса напряженных поисков, а им казалось, что целая вечность. Бет забралась на стул и посмотрела на шкаф, хотя это место противоречило ее же собственным словам, что медальон должен храниться в тайнике, откуда его удобно достать в любой момент. Кэтрин подумала, что тучная миссис Фишберн не смогла бы так легко залезть на стул, но что еще им оставалось, как не искать в самых неожиданных местах?

– Идем отсюда. – Миссис Харт с досадой посмотрела на свои покрытые пылью рукава. – Эта гадкая самозванка перехитрила нас!

Кэти едва не плакала – у них не осталось надежд найти медальон самим и приблизиться к раскрытию тайн, окружавших мисс Тармонт и их близких. Понурившись, обе направились к выходу.

Возле самой двери на маленьком столике стояла низкая ваза с сухими ветками физалиса. Кэтрин едва не задела столик, когда входила в комнату, а сейчас она и вовсе забыла о нем. Бетси резко распахнула дверь, досадуя и стремясь как можно скорее оказаться подальше от «Комнаты с гобеленом» и жутких платьев миссис Фишберн. Кэти отпрянула и едва не опрокинула столик. Ваза пошатнулась, «китайские фонарики» на ветках зашуршали, и послышался еще один звук, как будто что-то глухо стукнуло о фарфор.

– Осторожнее! – вскрикнула Бетси. – Если ты разобьешь вазу, нам придется унести осколки с собой, и эта женщина тотчас заметит, что кто-то был в комнате!

– Прикрой дверь, – тихо ответила Кэтрин и осторожно принялась вытаскивать из вазы ветки, стараясь не повредить их. Она заметила на нескольких ветках пустые черенки, как будто часть оранжевых фонариков была утеряна.

– Ты думаешь... – Бетси постаралась закрыть дверь как можно тише и нетерпеливо повернулась к Кэтрин. – Мне показалось, что был какой-то странный звук...

– Мне тоже. Подержи это. – Кэти передала Бетси ветки и перевернула опустевшую вазу над столиком.

На поцарапанную лаковую поверхность выпал маленький сверток, что-то, завернутое в простой носовой платок, не слишком чистый.

Сейчас было не до того, чтобы проявлять брезгливость, и Кэти торопливо принялась развязывать узел, которым были связаны концы платка.

– Не получается, слишком туго! – пробормотала девушка, едва не сломав ногти.

– Скорей же! – поторопила ее Бет. – Давай посмотрим, что там, когда будем в твоей комнате!

– Хорошо, поставь эти ветки обратно. – Кэтрин сунула сверток в карман платья. – Что, если это оставил кто-то из прошлых постояльцев, может быть, пять или десять лет назад?

Бетси вернула на место ветки и поправила их, стараясь придать прежний вид, насколько он ей запомнился при мимолетном взгляде на вазу.

– Мы все равно не нашли ничего другого! И потом, платок не покрыт пылью! Идем отсюда поскорее!

Она снова начала открывать дверь, но тут в коридоре послышались

чьи-то голоса.

– Боже! – прошептала Кэтрин. – Кто-то уже вернулся!

– Может быть, горничные? – Бетси поспешно затворила дверь и прижалась к ней ухом.

Кэтрин молчала, с трепетом ожидая, что миссис Фишберн вставит в замок свой ключ и заметит, что дверь не заперта. Эти мгновения показались обеим куда более худшими, чем все предыдущее время, что они провели в чужой комнате. Наконец Бетси снова осмелилась приоткрыть дверь. Прислушавшись, она затем выглянула в коридор.

– Никого нет, – прошептала она, обернувшись к Кэти, и выскочила наружу, сжимая в руке ключ.

Кэтрин последовала за ней, прижав к себе край платья, чтобы снова не сбить проклятый столик. И как только горничная не натывается на него, когда приходит делать уборку?

Бетси заперла дверь, и обе едва ли не бегом бросились в комнату Кэтрин.

Только заперевшись в «Комнате с незабудками», обе почувствовали себя спокойнее. Кэтрин уселась на кровать и извлекла на свет свою добычу. Бет подошла к туалетному столику:

– Не трать время на развязывание этого узла! Где у тебя ножницы? Ах, вот они! Давай поскорее разрежем проклятый платок!

Кэти взяла ножницы из рук Бетси, руки у обеих чуть дрожали то ли от недавнего страха, то ли от предвкушения разгадки. Ну же! Вот концы платка с узлом падают на покрывало, остаток ткани раскрывается, и на ладони Кэти лежит потертый золотой медальон.

– Это он! – восклицает Кэтрин. Она видела кулон в тот день, когда судья Хоуксли принес его в «Охотников и свинью», чтобы вернуть Оливии. Где-то сейчас эта странноватая, вечно напряженная девочка?..

– Открывай скорее! – Бет нетерпеливо наклонилась к ней, но тут же разочарованно вздохнула – внутри медальона по-прежнему был детский портрет Хелен и Оливии, и только. Никаких записок, никаких тайн. Что же в нем такого ценного?

Этот вопрос Бет задала вслух, и Кэти с тем же недоумением пожала плечами. И в самом деле, с тех пор как она видела этот маленький золотой предмет в последний раз, с ним, кажется, не произошло никаких изменений.

– Давай посмотрим повнимательнее, – предложила она, и обе снова склонились над портретом беззаботных девочек, чье детство закончилось вскоре после написания этого портрета, как будто художник перенес его на

свою миниатюру целиком, ничего не оставив в жизни.

– Что ж, пусть судья Хоуксли и мистер Грейтон разбираются с ним, – решила Бетси через несколько минут, в течение которых они разглядывали медальон. – Пожалуй, нужно забрать его с собой, кто знает, может быть, другие люди так же легко могут проникнуть в твою комнату, как мы проникли к миссис Фишберн.

– Что мы теперь будем делать? – Кэти повернулась к ней, снова чувствуя, как нарастает тревога. – Миссис Фишберн, или как там ее зовут, вернется из церкви и, как только не найдет кулон, догадается, что его взял кто-то, кто не ходил на проповедь. Стоит ей спросить Эндрю...

– Я сказала Эндрю, чтоб он никому не говорил о нашем появлении здесь. – Бет явно гордилась своей предусмотрительностью. – Будто бы ты не хочешь, чтоб твой дядя знал, что ты не пошла послушать викария Фриддела. Идем, служба вот-вот закончится. Сегодня там, должно быть, собралась половина Кромберри. Смешаемся с толпой на церковном дворе, как будто мы все время были там и вышли вместе со всеми!

Кэтрин облегченно вздохнула и завернула медальон в остатки платка, положив туда же отрезанный узел – не стоит оставлять в комнате ничего, что напоминало бы об обыске у миссис Фишберн.

– Это самое лучшее, что мы можем сделать! Я не хочу оставаться здесь, когда кто-нибудь из них вернется! Теперь бояться нужно еще и миссис Мидлхем...

Бетси подошла к стене, отделяющей «Комнату с незабудками» от «Комнаты с портретом».

– Так, значит, здесь ты подслушиваешь их разговоры? Жаль, что с другой стороны к твоей спальне не примыкает комната миссис Мидлхем! Ты могла бы узнать все о ее планах! – Она прижалась щекой к стене и немного подождала. – Ничего не слышно!

Кэти покраснела. В словах Бет не было упрека, но девушка вновь почувствовала, как дурно она поступала и, если уж на то пошло, продолжает себя вести так же. Подслушивать чужие разговоры, тайком пробираться в чужие комнаты и красть чужие вещи... Что сказал бы отец, узнай он, как изменилась его дочь? Или она всегда была такой, любопытной и готовой пренебречь моралью, чтобы удовлетворить свое любопытство? Но думать о том, насколько дурно она себя ведет, было некогда.

– Я могу расслышать что-нибудь, только когда в той комнате разговаривают очень громко, – объяснила Кэтрин. – Пойдем, у нас едва хватит времени добежать до церкви!

– Уверена, сегодня викарий Фриддел не станет торопиться окончить проповедь, когда еще он сможет собрать столько прихожан? Ты же видела, Мэйн-стрит пуста, как и другие улицы, по которым мы шли! – успокоила ее Бет.

Кэти спрятала сверток с медальоном в сумочку, и обе заторопились к выходу. Волнение не оставило их, и, проходя мимо комнаты миссис Фишберн, обе невольно еще ускорили шаг, так что едва не бегом выскочили на лестничную площадку.

Бет посмотрела вниз. Эндрю по-прежнему дежурил в холле один, ни слуг, ни постояльцев не было видно, как и мистера или миссис Лофтли.

Обе чинно спустились по лестнице.

– Мой дядя не вернулся? – спросила Кэтрин уже у входа, чтобы поддержать историю, рассказанную лакею Бетси.

– Нет, мисс, – охотно откликнулся добродушный мальчик. – Только мисс Тармонт и мисс Фрост, кажется, мисс Тармонт стало дурно в церкви...

У Кэтрин перехватило дыхание. Неужели кто-то уже узнал настоящую фамилию мнимой миссис Фишберн и рассказал лакею?

– Мисс Фрост? – Бетси непонимающе глядела на лакея. – Кто это?

Бет то ли не запомнила, как на самом деле зовут эту вульгарную полную даму, то ли хотела выведать у Эндрю больше подробностей. И скучающий в одиночестве лакей был рад поддержать разговор.

– Мисс Сьюзен Фрост, горничная мисс Тармонт. Вы знаете ее, миссис Харт, она постоянно ходит туда и сюда с таким заносчивым видом!

– Ах да, конечно же, я видела ее, – протянула Бет. – Я лишь не знала ее фамилию. А теперь нам, пожалуй, нужно поспешить. Хоть бы нам не встретить кого-нибудь из газетчиков!

Она повернулась к Кэтрин, замершей рядом с полуоткрытой дверью.

– Пойдем, Кэти, нам пора! Ох, да что же с тобой, ты слышишь меня?

– Да-да, идем, – равнодушно пробормотала Кэтрин и толкнула дверь, невидящим взглядом скользя по пустой улице. Теперь-то она все поняла...

Вернее сказать, ей так показалось сперва. Но с каждым шагом по пустой улице, когда она пыталась на ходу объяснить все Бет, Кэтрин понимала – ошеломляющая разгадка одной из загадок не привела к чудесному раскрытию всех тайн!

– Эта миссис Фишберн на самом деле сестра Сьюзен? – Бетси повторила эти слова по меньшей мере три раза. – погоди, Кэтрин, я не могу бежать и думать одновременно!

– Мисс Фрост! Доктор Фицпатрик назвал эту женщину «мисс Фрост»! – пришлось повторять и Кэти. – И она сказала Хелен, что

медальон ей отдала сестра!

– Выходит, их обеих зовут «мисс Фрост»! – Бет замедлила шаги, когда впереди показались церковные ворота. – Ох, в это невозможно поверить! Все это время они делали вид, что незнакомы друг с другом! Иди медленнее, прошу тебя! Из церкви уже выходят люди!

Кэтрин вынуждена была послушаться, и обе проскользнули в приоткрытые ворота, когда на церковном дворе уже собралось немало прихожан. Викарий у дверей раскланивался с самыми родовитыми из них. Лица дам выглядели взволнованными и опечаленными, кое-кто прижимал к глазам или носу платочек. Должно быть, викарий Фриддел не пожалел цветистых фраз, чтобы заставить паству посочувствовать бедной пропавшей Оливии Тармонт.

– Зачем старшей мисс Фрост скрывать свое имя? И откуда у Сьюзен медальон Оливии? – тихо спрашивала Кэтрин, бормоча в спину Бет, пока обе пробирались к мисс Фриддел и дамам из попечительского комитета.

– Что, если это Оливия убила миссис Синглтон из-за медальона? – Бетси остановилась и обернулась так неожиданно, что Кэтрин едва не сбила ее с ног. – А Хелен Тармонт и ее горничная скрывают это, чтобы не пришлось отменять свадьбу Хелен?

– Тише, прошу тебя! – прошипела она, одновременно стараясь улыбаться и кивать всем, кто казался ей знакомым.

Наконец обе скромно заняли место позади мисс Фриддел, принимавшей от других дам поздравления по поводу удачной проповеди викария Фриддела, к которой его сестра, как все знали, приложила руку.

– Зачем Оливии убивать свою благодетельницу? И потом, она же еще ребенок! – Обе продолжали переговариваться, почти не понижая голоса. Теперь им можно было не бояться, что кто-то подслушает их разговор – мисс Фриддел с той же легкостью, что и мнимая миссис Фишберн, могла своим голосом заглушить любые разговоры на несколько ярдов вокруг.

– Ты забываешь о том, что ее дядюшка убил свою мать, когда девочке было всего семь или восемь лет! Что, если представители их рода склонны к приступам ярости, когда не получают того, что им нужно? Миссис Синглтон могла отобрать у девочки медальон, чтобы сохранить его, а Оливии это не понравилось. В конце концов, она только что получила его назад после того, как столько лет считала потерянным!

– Выходит, Арчибальд Тармонт ни при чем? – Кэтрин заметила в толпе мистера Лофтли и тетушку Мэриан. – Оливия потребовала свой медальон назад, миссис Синглтон отказала ей, и обозленная девочка ударила ее ножом для бумаг или чем-то подобным?

– Именно так! – Бетси кивнула, довольная тем, что смогла догадаться, кто убил миссис Синглтон, в то время как полицейские и весь город считали, что виновен Арчибальд Тармонт. – Но этот негодяй находится где-то поблизости, ты же сама слышала его слова в коридоре, да и та женщина, пославшая тебе записку... Миссис Мидлхем или кто-то другой...

– Как это ужасно! Тринадцатилетняя девочка способна совершить убийство и столько дней не признаваться в совершенном преступлении! Какой черной должна быть ее душа! – Кэти никак не могла поверить, что предположение Бетси может оказаться правдой.

– Быть может, в их роду передается по наследству какая-нибудь душевная болезнь, – предположила миссис Харт. – И после смерти бабки она поразила маленькую Оливию?

– Но тогда где она теперь? Сбежала, испугавшись, что ее тайну раскроют?

– Если бы миссис Фишберн – лучше я буду называть ее так, как привыкла, – не сказала о том, что девочка должна вскоре вернуться, я бы подумала, что Хелен вместе со своим женихом и его дядюшкой тайно отправили Оливию в какое-нибудь место...

– В Нордчестер! – подхватила Кэтрин. – Миссис Фишберн служит там, она могла бы устроить так, чтобы Оливию опоили каким-нибудь лекарством и заперли в сумасшедшем доме! Она сама говорила об этом, но она этого не делала! Оливия сбежала сама!

– Она могла отправиться к своему дяде, они стоят друг друга! – заявила Бетси.

Кэти только кивнула – дядюшка Томас и его супруга уже подходили к ним.

– Я и не заметила вас в церкви, мои дорогие! – ожидаемо воскликнула миссис Лофтли. – Не правда ли, викарий сегодня превзошел самого себя? Я плакала едва ли не больше, чем другие дамы, ведь маленькая мисс Тармонт жила в моей гостинице! Хоть бы ее нашли живой и здоровой!

От Кэтрин и Бетси требовалось лишь кивать и соглашаться с миссис Лофтли, но обе делали это без подобающего энтузиазма.

Из церковных дверей вышел мистер Теннерсон со своим племянником. За ними чуть позже показалась и миссис Мидлхем с дочерью, а миссис Фишберн не отставала от них и все время что-то говорила, говорила...

– Может быть, Сьюзен узнала в миссис Мидлхем помощницу Арчибальда Тармонта и попросила сестру приехать, чтобы следить за ней?

Продолжить разговор Бетси и Кэтрин удалось лишь через четверть

часа, когда мистер Лофтли с женой направились домой, а прислуга и домочадцы последовали за ними.

– Тогда почему она не сообщила об этом мистеру Грейтону? Боялась? – Кэтрин пыталась вспомнить все, что слышала за последние дни и что явно не предназначалось для ее ушей. – О, тогда выходит, что Арчибальд Тармонт говорил о свадьбе своей племянницы с миссис Мидлхем! Она, должно быть, просила его покинуть Кромберри, чтобы не быть арестованным за убийство матери. А он отказался!

– Да, пожалуй, так оно и есть, – пришлось согласиться Бет. – Как жаль, что вечером мы с Джоном приглашены к его друзьям! Я бы хотела видеть лицо судьи Хоуксли, когда ты будешь рассказывать ему обо всем, что мы узнали!

Кэтрин и самой не терпелось дожидаться возвращения миссис Дримлейн и судьи. То, что им с Бет удалось узнать на самом деле, и то, что они додумали сами, смешалось в ее голове, и к тому моменту, когда она перешагнула порог «Охотников и свиньи», она уже была уверена, что все произошло именно так. Оливия в каком-то помешательстве убила миссис Синглтон, но ее сестра, которой не терпится выйти замуж за Роджера Теннерсона, скрыла от полиции, что знает, кто убийца. И все же Хелен взволнована и обеспокоена настолько, что всем, кто окружает ее, приходится успокаивать девушку. Причем делают они это отнюдь не при помощи ласковых увещаний.

Дядюшка ее жениха, похоже, настолько стеснен в средствах, что не потерпит ни малейшей задержки со свадьбой. Теперь понятно было, что Хелен придется отдать часть своего состояния не только мистеру Теннерсону-старшему, но и сестре своей горничной, посвященной в тайну Оливии. И признаться, что ее шантажируют, Хелен не может. Иначе придется рассказать всю правду!

Кэтрин не могла пожалеть высокомерную, лживую Хелен, но Оливию ей было жаль. Убийство бабушки могло разрушить душевное здоровье ребенка, а утрата единственной памяти о счастливом детстве – медальона, принадлежавшего ее матери, должна была казаться девочке настоящей потерей. Где бедняжка сейчас? Навряд ли Оливия способна позаботиться о себе, у нее нет денег, нет друзей. Откуда могла прийти помощь? Ничего не оставалось, как предположить, что в карете, ожидавшей у паба, сидел мистер Тармонт. И сейчас девочка в руках своего безнравственного дядюшки. Похоже, Хелен придется столкнуться с еще одним шантажистом!

«Скоро от ее приданого ничего не останется, – думала Кэтрин, возвращаясь за стойку. – И Роджер Теннерсон совсем не выглядит

влюбленным! Зачем он женится на этой девушке? Не иначе, ему так же не повезло с дядей, как его невесте! Старший мистер Теннерсон руководит поступками своего племянника и не собирается упускать свою выгоду!»

Бетси отвлекла дядюшку Томаса, а Кэтрин незаметно возвратила в его кабинет ключ от «Комнаты с гобеленом». Миссис Фишберн поднялась к себе, и теперь Кэти и Бет гадали про себя, обнаружила она уже пропажу медальона или же ей несвойственно поминутно заглядывать в свой тайник? Впрочем, несколько обломанных веточек говорили о том, что медальон не все время тихо лежал в вазе.

Миссис Мидлхем и Полин еще не возвращались, а оба Теннерсона сразу прошли выпить кофе в беседке. Похоже, здоровье Хелен Тармонт их не очень-то беспокоило.

Не появлялись и миссис Дримлейн с судьей Хоуксли. Как ни надеялась Бетси застать их, ей пришлось вскоре отправиться к себе домой. Каким бы покладистым супругом ни оказался Джон Харт, Бет не могла отсутствовать целыми днями, тем более в воскресенье.

Эндрю послали куда-то с поручением, и холл на некоторое время опустел. Не зная, чем себя занять, и чувствуя, что ее мысли все время двигаются по одному и тому же кругу, Кэтрин достала из сумочки медальон и некоторое время рассматривала его, готовая спрятать украденную вещь при малейшем постороннем звуке.

Так и не найдя в нем ничего необычного, Кэти вытащила из-под конторской книги лист желтоватой бумаги и принялась перерисовывать портрет обеих мисс Тармонт. В детстве сестры сильнее походили друг на друга, и Кэтрин довольно быстро сделала набросок, почти не взглядывая на медальон – перед ее мысленным взглядом маячило тонкое личико Оливии.

Увлечшись своим занятием, Кэтрин едва расслышала скрип лестницы – кто-то спускался в холл со второго этажа. Она едва успела затолкать медальон поглубже в недра конторки, а лист бумаги прикрыла книгой записи постояльцев, когда в холле появился старший мистер Теннерсон.

Он был без своей трости, но ступал тяжело, и Кэтрин постаралась придать своему лицу приветливое выражение до того, как он повернулся к ней.

– О, мисс Хаддон, чудесный день сегодня, не правда ли? Должно быть, вам скучно здесь одной, когда ваши подруги прогуливаются по Мэйн-стрит и строят глазки джентльменам! – Теннерсон неспешно направился к Кэти, и девушка почувствовала, как растет ее тревога.

– Я привыкла, сэр, ведь это моя обязанность – быть здесь и присматривать за всем, – немного неловко ответила она.

– И вы сидите за этой конторкой с самого утра и до позднего вечера? Поистине, жестоко со стороны вашего дядюшки не выпускать вас на волю! – Джентльмен добродушно улыбался, но глаза его глядели холодно.

За полгода Кэтрин повидала немало таких глаз. Это миссис Дримлейн научила ее обращать внимание не на слова или улыбку, а на то, как человек смотрит на собеседника. «Как будущий художник, ты должна подмечать мелочи, видеть человеческую натуру по взгляду, излому брови или наклону головы, – поучала старая дама. – В твои годы не стоит уже быть чрезмерно доверчивой. Среди ваших постояльцев встречаются разные люди, и кто-то из них может быть опасен для юной девушки...»

Кэтрин тогда грустно улыбнулась – похоже, ее мечта стать художницей так и останется мечтой, но старалась больше приглядываться к тем незаметным знакам, что неизбежно подает скрытая часть природы любого человека, пусть и против его воли. И сейчас она чувствовала, что мистер Теннерсон только притворяется добродушным дядюшкой, остановившимся поболтать с юной леди о всяких пустяках. «Он мне не дядюшка, а я не леди. И интересовать его может только одно», – подумала девушка, перед тем как ответить как можно спокойнее.

– Иногда меня подменяет тетя или миссис Харт. Конечно же, я выхожу прогуляться, в лавку и навестить друзей. Моя жизнь вовсе не похожа на заточение в темнице, сэр. – Она постаралась улыбнуться искренне и беззаботно, как и подобает молодой, не особенно сообразительной девушке.

– Вот как! А я уж было подумал, что вы проводите здесь долгие одинокие часы! – Мистер Теннерсон продолжал улыбаться в ответ на ее улыбку. – Впрочем, я ведь не видел вас здесь сегодня утром. Ходили прогуляться?

– Я заночевала в гостях у подруги, а утром мы вместе с ней сразу пошли послушать преподобного Фриддела. – Кэтрин мечтала поскорее закончить этот разговор. – Дядя поручил Эндрю, нашему лакею, дежурить в холле, чтобы не пускать сюда журналистов. Они докучают нашим гостям...

– Мистер Лофтли очень заботится об удобстве своих постояльцев, но, пожалуй, к журналистам надо относиться с большим почтением, – заметил джентльмен, рассеянно постукивая пальцами по краю конторки. – Они могут написать о вашей гостинице что-нибудь нелестное, и у вас возникнут затруднения с новыми гостями.

– После того как в «Лавандовой спальне» убили миссис Синглтон, нам и без того трудно заполнить новых постояльцев, – на сей раз совершенно

искренне вздохнула Кэти. – А эти газетчики ведут себя безобразно, так и норовят пробраться в холл, а кто-то даже пытался проникнуть на второй этаж...

– Вот как! – снова повторил ее собеседник, на этот раз куда более живо. – Вы видели кого-то сегодня утром?

– Нет, сэр, это было пару дней назад. – Кэти была довольна собой. – Сегодня я вернулась из церкви вместе с дядей и тетей и с тех пор видела только наших гостей и слуг.

– Слуги тоже ходят по воскресеньям в церковь? – настойчивые расспросы продолжались.

– Конечно, если у нас немного постояльцев и горничным не нужно готовить номера для новых гостей.

– А этот ваш лакей, он мог отлучиться куда-нибудь?

– Возможно, на две-три минуты... – Кэти всерьез испугалась, что мистер Теннерсон начнет расспрашивать Эндрю и тот забудет об обещании молчать, данном Бетси. Хорошо, что Эндрю куда-то ушел!

– Понимаю, – мистер Теннерсон задумчиво посмотрел на лестницу.

Кэти решила, что пора ей проявить некоторую сообразительность.

– Что-то случилось, сэр? Вас кто-то побеспокоил? – встревоженно спросила она.

– Ах, нет, нет, что вы, моя дорогая! Я всего лишь хотел убедиться, что покой ваших гостей надежно охраняют. Невеста моего племянника очень расстроена исчезновением маленькой Оливии, я бы не хотел, чтоб ее тревожили журналисты или любопытствующие дамы из попечительского комитета. Довольно и того, что на нее все глазели в церкви!

– Мы все очень обеспокоены судьбой мисс Оливии, – опять же искренне ответила девушка. – Хоть бы она поскорей нашлась!

– Мы все на это надеемся, мисс Хаддон! – Кажется, джентльмен утратил интерес к беседе. – Пойду прогуляюсь, пожалуй, до обеда еще довольно времени. Надеюсь, позже вы последуете моему примеру – погода сегодня просто чудесная!

Поклонившись ей, как настоящей леди, Теннерсон ушел. Сквозь окно Кэти со своего места видела, как к нему подскочил какой-то человек, вероятно, один из газетчиков, но мистер Теннерсон небрежным жестом отмахнулся от него и не спеша двинулся вниз по Мэйн-стрит, почти не хромя.

Кэтрин почувствовала, что лоб ее покрылся испариной. Нетрудно было сообразить, в чем состояла цель этих расспросов. Миссис Фишберн обнаружила пропажу медальона, и мистер Теннерсон решил выяснить,

была ли у кого-то возможность пробраться на второй этаж, оставшись незамеченным. Из слов мисс Хаддон он мог сделать однозначный вывод – да, возможность была.

«Кого он подозревает? Скорее всего, они решили, что Оливия пряталась где-то неподалеку и улучила минуту, когда в холле никого не было, чтобы забрать свой кулон. Но тогда она должна была точно знать, где он находится! – думала Кэтрин, глядя на медальон, который снова вытащила из глубин конторки. – Знал бы он, что может дотронуться до пропавшей вещицы! Даже не представляю, что и он, и миссис Фишберн сделали бы со мной, если б только узнали, что это я украла медальон! Скорей бы вернулся судья Хоуксли! Скоро я начну дрожать от страха, и рано или поздно это кто-нибудь заметит!»

Она никак не могла расслабиться, ни болтовня горничных, остановившихся в дверях ресторана, ни храп дядюшки Томаса, слышный из его кабинета, не казались ей умиротворяющими, как обычно. Вернулись миссис Мидлхем и Полин, и при виде них Кэтрин едва усидела на месте, так сильно ей захотелось вскочить на ноги и броситься прочь из «Охотников и свиньи». И бежать, бежать, пока она не окажется в безопасности. Только вот где оно, это безопасное место?

Глава 18

Закончился воскресный обед. Кухарка постаралась, как и всегда, будь в «Охотниках и свинье» всего один постоялец или два десятка.

Хелен Тармонт спустилась в ресторан вместе с женихом и его дядюшкой. Розовое платье не смогло освежить ее лицо, оно все равно оставалось бледным и измученным. Кэтрин слышала, как мистер Теннерсон-старший говорил, что прогулялся до полицейского участка, но никаких новостей об Оливии «эти тупоголовые бездельники» ему не сообщили.

Роджер Теннерсон казался рассеянным и едва не прошел в ресторан впереди невесты, его успел одернуть дядя.

Миссис Фишберн заняла место за столом рядом с миссис Мидлхем и Полин. Кэтрин нарочно заскочила ненадолго на кухню, чтобы ненароком взглянуть на гостей. Миссис Мидлхем выглядела такой же бледной, как Оливия, в ее руках появилась неловкость, и Полин пришлось помогать ей подносить к губам бокал с разбавленным водой вином. Миссис Фишберн, против обыкновения, ела молча, лицо ее было мрачным, и Кэти, едва взглянув на нее, поторопилась к себе за конторку. Эндрю вернулся, и в холле ей было спокойнее.

Наконец, когда уже начало темнеть, а гости разошлись по своим комнатам, у дверей остановилась карета судьи Хоуксли. Эндрю проворно выскочил на улицу и подал руку миссис Дримлейн, которая осторожно выбралась на тротуар. Однако экипаж не уехал, и Кэтрин, в нетерпении вскочившая на ноги, с удивлением увидела, как старая дама поманила ее рукой, не торопясь входить в гостиницу.

– Твоей тете придется обойтись без тебя некоторое время, малиновка, – заявила миссис Дримлейн вместо приветствия. – Пойдем скорее, карета ждет нас.

Кэтрин уже сделала шаг вперед, когда вспомнила о своем сокровище, спрятанном за книгами и бумагами в конторке. Вот было бы нелепо, забудь она самое главное, то, из-за чего с таким нетерпением ждала весь день!

Она схватила медальон вместе с остатками платка, но ее сумочка была наверху, в «Комнате с незабудками». Судя по нетерпеливому виду миссис Дримлейн, она не собиралась ждать, пока Кэтрин наденет шляпку и возьмет сумочку, поэтому Кэти поспешно завернула сверток в свой рисунок – ни к чему оставлять его, когда самой ее не будет в гостинице!

– Я должна предупредить тетушку... – пробормотала она неуверенно.

– Этот милый молодой человек передаст миссис Лофтли, что мы с тобой вышли прогуляться перед вечерним чаем, не правда ли? – пронизательные глаза миссис Дримлейн задержались на лице Эндрю до тех пор, пока лакей не кивнул понимающе. Очевидно, что лучше не говорить мистеру Лофтли или кому-то еще о том, что мисс Хаддон уезжает в карете судьи Хоуксли. За прошедшие дни Эндрю привык к тому, что в «Охотниках и свинье» все время происходит что-то необычное, и чувствовал гордость от того, что причастен к этим тайнам, пусть даже ничего не понимал в происходящем.

– Скорей же! – скомандовала миссис Дримлейн, едва Кэти приблизилась, и почти сбежала с крыльца. Дверь экипажа тотчас распахнулась, и чья-то рука помогла сперва старой леди, а затем Кэтрин подняться в карету.

Дверца захлопнулась, судья Хоуксли приказал кучеру трогать, и экипаж потрясся по мостовой к дому судьи.

Только тут Кэтрин заметила, что в сумраке кареты их четверо. Прямо напротив нее сидел мужчина в темной одежде, в котором она не сразу, но все же признала доктора Фицпатрика.

– Должно быть, вы удивлены спешке и таинственности, с которыми мы прибыли сюда за вами, – обратился к ней судья Хоуксли. – Но эти меры предосторожности необходимы, так как доктор Фицпатрик любезно согласился приехать в Кромберри, чтобы прояснить кое-что касательно миссис Фишберн. Или мисс Фрост, как ее зовут на самом деле. И нам бы не хотелось, чтобы эта дама заметила его и сбежала, прежде чем ответит на вопросы констебля Грейтона.

Доктор Фицпатрик поздоровался, его представили Кэтрин, и миссис Дримлейн даже прибавила, что отец ее юной подруги также занимается медициной в своем Стоунфолле.

Кажется, этот факт до некоторой степени примирил доктора Фицпатрика с неожиданным для него увеличением их компании. Почтенный доктор явно не понимал, какую пользу может принести молоденькая девушка в таком серьезном деле, как поиски убийцы и похищенной девочки.

Остаток пути судья Хоуксли объяснял Кэтрин, почему они не вернулись на три часа раньше – экипаж сломался в семи милях от Нордчестера, и им пришлось ожидать в придорожном трактире, пока треснувшее на камне колесо не будет заменено на первое попавшееся из имеющихся в арсенале нордчестерского каретника.

Через полчаса все четверо собрались в малой библиотеке судьи. Кэтрин вновь испытывала неловкость, но на сей раз ее смущал мрачный вид доктора Фицпатрика. Он то и дело хмурил высокий лысеющий лоб, словно пытался что-то вспомнить.

– Я счел возможным рассказать доктору обо всем, что нам уже известно, начиная с истории трагической гибели миссис Роуз Тармонт и до пятничного исчезновения Оливии, – начал судья после того, как две горничные расторопно накрыли на стол. – Уверен, наш новый друг принесет больше пользы нашему делу, если будет знать все подробности. И мистер Грейтон вполне одобрит мои действия, несмотря на строгий запрет посвящать в тонкости расследования посторонних.

При этом судья с улыбкой взглянул на Кэти, давая понять, что она-то не относится к посторонним, как бы ни стремился главный констебль Грейтон думать иначе.

– Итак, в лечебнице доктора Фицпатрика нам удалось узнать, что дама, весьма похожая на миссис Фишберн, служила там много лет под именем мисс Фрост. И у доктора нет ни малейших сомнений в том, что именно эту женщину он видел в «Охотниках и свинье» в день похорон миссис Синглтон.

Доктор молча кивнул, потом все же нехотя прибавил:

– Если бы я не был так расстроен из-за смерти моей кузины, я бы, вероятно, настаивал на своем. Но эта женщина с такой непоколебимой уверенностью заявила мне, что я обознался...

– Вас можно понять, друг мой, – мягко прервал его судья. – К счастью, полиции не пришлось слишком долго искать сведения о миссис Фишберн, и, как только мы узнали, что она была вашей пациенткой, тотчас догадались, что постоялица мистера Лофтли – самозванка. Но об этом мы уже говорили...

– Как и о том, что наш разговор с этой женщиной запомнила мисс Хаддон, – доктор впервые посмотрел на Кэтрин с интересом.

Девушка с досадой почувствовала, что краснеет. Умное лицо доктора не лишено было признаков высокомерия, и ей неприятна была мысль, что он считает ее присутствие здесь неуместным.

– Совершенно верно. Еще до того, как мы встретились с вами, я был уверен, что эта женщина похитила документы умершей пациентки и воспользовалась ими для своих целей, – продолжил судья. – В ходе беседы с вами мы надеялись пролить свет на эти цели, но, увы... Миссис Фишберн, или, вернее, мисс Фрост, заявила, что берет отпуск в связи с неотложными семейными делами и вернется, как только сможет.

– Я сожалею, что не смог помочь, – коротко прибавил доктор. – Она служила в клинике много лет и, хоть и была порой чрезмерно строга к пациентам, работала на совесть. Единственным необычным фактом, связанным с ней, было то, что несколько лет назад она ходатайствовала о принятии в клинику пациентки, своей племянницы...

– Племянницы? – ахнула Кэтрин.

Одновременно с ней судья возмущенно обратился к доктору:

– Почему вы раньше не сказали нам об этой племяннице?

– Я полагал это неважным для вашего дела, – невозмутимо пожал плечами доктор Фицпатрик. – Мы не разглашаем имена наших пациентов без веских причин, и я заговорил об этом сейчас только потому, что вспомнил – мисс Фрост внесла оплату за содержание в клинике мисс Энн Стерн лишь за текущий месяц. Если в следующем месяце оплата не поступит, нам придется перевести девушку в отделение, где содержатся больные, за которых платят различные благотворительные учреждения. Условия там намного хуже, но выбирать не приходится...

– Я не уверен, имеет ли существование этой девушки какое-либо значение для нашего расследования, – все еще недовольным тоном ответил судья, – но я прошу вас постараться вспомнить все, что может быть связано с мисс Фрост. Она приехала в Кромберри под чужим именем, похитила бумаги умершей женщины, уже тем самым совершив преступление, и может оказаться пособницей преступника, обвиняемого в двух убийствах!

– Я приму это к сведению, – сухо ответил доктор.

Миссис Дримлейн сочувственно покачала головой. Она явно считала, что почтенный доктор слишком погружен в свою науку, а потому забывчив и рассеян во всем остальном.

– Это имеет значение! – звонким голосом объявила вдруг Кэтрин, и все уставились на нее.

– Вам есть что нам рассказать? – подался вперед судья. – Я подозревал, что в эти два дня вы с миссис Харт не теряли времени даром и узнали что-то новое. Итак, что за тайну вам удалось раскрыть?

– Мисс Фрост – сестра горничной Хелен Тармонт! – выпалила Кэти. – Ее зовут мисс Сьюзен Фрост, сегодня утром мы узнали ее фамилию от нашего лакея...

– Выходит, если эта больная девушка приходится мисс Фрост племянницей, она – дочь Сьюзен? – подхватила миссис Дримлейн, явно не желая украсить беседу и своими догадками.

– Или другой сестры, или брата мисс Фрост. Я думаю, Сьюзен никогда не была замужем, раз она носит ту же фамилию, что и сестра... – протянул

судья, пытаюсь решить, важно ли это. – Если только это не случайное совпадение, они могут и вовсе не быть родственницами!

– Не могут! – Кэтрин не смогла сдержать торжество – настал момент, которого она так ждала. Следующие четверть часа она рассказывала о том, что ей удалось подслушать из разговора в «Комнате с портретом», и наслаждалась заслуженным вниманием. Девушка не пыталась оправдать себя, упирая на важность раскрыть тайну независимо от того, какими способами это сделано. К ее тайной радости, никто из троих взрослых собеседников не укорил ее за подслушивание чужих разговоров.

К версии о том, что Оливия убила миссис Синглтон из-за медальона, судья Хоуксли и миссис Дримлейн отнеслись явно скептически, хоть и ничего сперва не сказали. Доктор Фицпатрик промолчал, но морщинки на его лбу говорили о том, что он всерьез обдумывает возможность того, что жену его кузена убила тринадцатилетняя девочка, страдающая помутнением рассудка.

– Поразительно! – воскликнул судья, когда покрасневшая Кэтрин умолкла и взяла чашку с чаем. – Теперь мы знаем очень, очень многое, но загадки только прибавляются! Мисс Оливия сбежала сама, сестра горничной требует от Хелен денег неизвестно за какие заслуги, а мистер Теннерсон разговаривает с будущей женой своего племянника, как с нерадивой служанкой! Поистине, это какой-то дьявольский клубок, и как нам его распутать без Грейтона, я и помыслить не могу!

– Если бы только можно было найти медальон! – вздохнула миссис Дримлейн. – Ручаюсь, он бы пролил свет хотя бы на некоторые секреты этой компании!

– Я сейчас же напишу записку сержанту Нобблзу! – восторженно воскликнул судья. – Эта женщина должна быть арестована с медальоном в руках в тот момент, когда попытается уничтожить его! За ней установят слежку до самого Торхилла! Тамошний ювелир известен полиции своими темными делами, но еще ни разу не попался. Сейчас как раз подходящий случай схватить их обоих! Завтра же вернется и Грейтон, и неизбежная беседа с этой дамой должна будет дать ответы на все вопросы!

– Если только она не откажется говорить, – остудил его пыл доктор Фицпатрик.

Пришла пора Кэтрин достать из рукава еще одну свою карту.

– Миссис Фишберн не сможет отвезти медальон в Торхилл, – сказала она негромко.

– Это почему же? – Миссис Дримлейн прищурилась, глядя на девушку поверх очков.

– Его у нее больше нет. – Кэти опустила глаза, краснея еще сильнее, но тут же вновь посмотрела на судью Хоуксли. – Мы с Бет Харт пробрались в ее комнату и нашли медальон! Мы не знали, когда вы вернетесь, и боялись, что она сбежит вместе с ним раньше...

– Невероятно! – На сей раз это был доктор Фицпатрик, кажется, начинавший понимать, что мисс Хаддон пригласили на это собрание не только ради красивых глаз и милой улыбки.

– Так где же он? – воскликнул Хоуксли.

Миссис Дримлейн первой обернулась к приставному столику, куда Кэти положила свой сверток, перед тем как сесть на диван. Кэтрин молча кивнула и подала сверток судье.

Хоуксли отодвинул в сторону свою чашку и развернул бумагу. Остатки платка он также отложил в сторону и наконец бережно открыл медальон. Миссис Дримлейн и доктор Фицпатрик напряженно смотрели на руки судьи, вертевшие так и эдак поблескивающий в свете ламп предмет. Кэтрин же глядела на лицо пожилого джентльмена, страстно надеясь, что вот, вот сейчас он объяснит, в чем состоит загадка медальона. Но увы...

– Должен признаться, я в затруднении. – Судья Хоуксли поднял голову и поочередно оглядел собеседников. – Эта вещица попала мне в руки пять лет назад, когда обе мисс Тармонт покинули мой дом. В следующий раз я смотрел на него дней десять назад, когда принес в гостиницу, чтоб вернуть его мисс Тармонт. И тогда, и сейчас я не вижу в нем ничего необычного. Это всего лишь портрет двух сестер...

Миссис Дримлейн протянула руку, и судья молча отдал ей медальон.

– Может быть, что-то спрятано под миниатюрой? – предположил доктор Фицпатрик. – Ее можно вынуть из рамки?

– Детали выписаны так тщательно, художник, написавший девочек, был настоящим мастером, – задумчиво произнесла старая леди. – Но портрет такой крошечный... Быть может, мы должны разглядеть что-то на фоне за спиной девочек? Какое-то указание, намек...

– Я принесу нож для бумаг и увеличительное стекло. – Судья Хоуксли поднялся и прошел через арку в большую библиотеку.

– Миниатюру нужно достать очень аккуратно, мы можем поцарапать ее, – забеспокоилась миссис Дримлейн. – На ней уже есть повреждения, какое-то пятнышко или царапина на лице у Хелен...

– Возможно, это всего лишь родимое пятнышко, – пожал плечами доктор Фицпатрик.

– У старшей мисс Тармонт нет родимых пятен. Должно быть, на миниатюру попала какая-то пылинка, – возразила Кэтрин. Она уже не

испытывала желания придумывать романтическую историю о несчастной любви доктора Фицпатрика. Он казался ей холодным и равнодушным человеком, смотревшим на людей исключительно как на объекты для своих исследований. Хотя он же был опечален смертью миссис Синглтон...

Кэти не успела додумать свою мысль – вернулся судья с тонким лезвием и увеличительным стеклом. Миссис Дримлейн все еще не выпускала из рук медальон, и Хоуксли протянул ей увеличительное стекло. Доктор Фицпатрик пригляделся к бумаге, в которую был завернут медальон, и принялся разглаживать ее.

– Здесь что-то нарисовано, – заметил он.

– Я попробовала перерисовать портрет мисс Тармонт из медальона, – смущенно пояснила Кэти. – Время шло так медленно, и мне нужно было чем-то себя занять...

– Боже мой! – Миссис Дримлейн резко взмахнула увеличительным стеклом. – Где вы были раньше с вашим стеклом?

– Что такое? – Судья, нетерпеливо поигрывающий ножом для бумаг, нахмурил седые брови. – Вы что-то заметили?

Кэтрин замерла в ожидании ответа, едва не перестав дышать.

– Девочка на портрете – вовсе не Хелен Тармонт, вот что я вам скажу! – воскликнула миссис Дримлейн. – Или, вернее, та Хелен Тармонт, что живет в гостинице мистера Лофтли, не может быть девочкой с этого портрета!

– Но почему вы так думаете? – Судья протянул руку, желая наконец заполучить медальон и заново рассмотреть его.

– Взгляните сами! При увеличении видно, как похожи Хелен и Оливия. Еще тогда, увидев портрет, я подумала, что Хелен выросла совсем не такой хорошенькой, какой обещала стать в детстве. Ее брови шире и темнее, и разрез глаз совсем другой...

– Не может быть! – доктор Фицпатрик бесцеремонно перебил леди.

– Посмотрите сами! – негодуя заявила миссис Дримлейн, возмущенная этим недоверием. Пусть ее зрение уже не так хорошо, как было прежде, но в очках и с увеличительным стеклом она способна заметить то, что не сразу обнаружит и более молодой человек!

Но доктор вовсе не намеревался подвергнуть сомнению ее слова. Он потрясал смятым листом, на котором Кэти изобразила маленьких мисс Тармонт.

– Одна из этих девочек содержится в нашей лечебнице как племянница мисс Фрост! У меня нет никаких сомнений, те же волосы, те же глаза и родимое пятнышко на щеке! Конечно, она выросла, но у меня нет сомнений

– это Энн Стерн!

Взволнованные возгласы его собеседников смешались, и несколько мгновений невозможно было разобрать ни единого слова. Первым умолк судья, отложивший нож для бумаг, чтобы рассмотреть портрет, нарисованный Кэтрин. Обе дамы прекратили ахать и замолчали после того, как доктор Фицпатрик сбил крышечку с сахарницы, передавая лист бумаги судье Хоуксли.

– Но это же... – Миссис Дримлейн снова посмотрела на медальон, который так и не выпустила из рук. – Выходит, в вашей лечебнице все это время находится Хелен Тармонт, а девушка, которую опекала миссис Синглтон, на самом деле... Кто же она?

– Племянница миссис Фишберн! – Кэтрин прижала ладони к побледневшим щекам. – Я вспомнила! Тот разговор в коридоре... Я слышала вовсе не мужской голос, это была миссис Фишберн! И она разговаривала со Сьюзен!

– Так это был не Арчибальд Тармонт? – Судья, только начавший вглядываться в черты Хелен на смятом рисунке, снова поднял взгляд на мисс Хаддон. – Но тогда эта девушка и в самом деле должна быть дочерью Сьюзен Фрост! И эти злонамеренные женщины подменили ею настоящую Хелен, чтобы завладеть состоянием Тармонтов!

– Как они смогли это сделать? И когда? – Доктор Фицпатрик утратил свою невозмутимость. В своей практике он сталкивался с разными случаями проявления корысти наследников, стремящихся запереть в сумасшедшем доме надоевшую бабушку или тетю, но чтобы преступники подменили настоящую наследницу! Нет, такого доктор припомнить не мог. Как и судья Хоуксли, чувствующий, что тонет в этом нагромождении фальшивых имен. Что же это за невероятная интрига, сколько преступлений скрывается за ней? Миссис Фишберн, миссис Мидлхем и ее дочь, а теперь еще и Хелен Тармонт, оказывается, вовсе не Хелен, а какая-то мисс Стерн! И это имя, скорее всего, не настоящее!

– Господи, дай нам силы разобраться во всем этом! – пробормотал Хоуксли.

– Все это началось в ночь убийства Роуз Тармонт, – сказала вдруг миссис Дримлейн, и голос ее звучал так уверенно, что остальные тотчас поняли – да, именно так все и было. – Должно быть, Хелен стало плохо, возможно, у нее начался какой-то припадок, и горничная как-то сумела доставить ее в Нордчестер в состоянии, не вызывающем сомнений в ее болезни. А в ваш дом, мой дорогой друг, приехала другая девочка.

– Похоже, что это единственно возможный ответ, – согласился судья. –

Обе девочки были напуганы и расстроены, и я не так хорошо знал их, чтобы заметить подмену. А вскоре за ними приехали Синглтоны и увезли в свое поместье...

– А как же Оливия? – вступила в разговор притихшая было Кэтрин. – Она должна была знать, что девочка рядом с ней – не ее сестра!

– Ее запугали, я уверена! – У миссис Дримлейн и тут нашлось объяснение. – Должно быть, горничная пригрозила ей какой-то карой, может быть, даже смертью, если она заговорит. Да даже и не послушайся она, ее слова всегда можно было объяснить помутнением рассудка, вызванным трагедией в их доме.

– Так вот почему она все время казалась такой тихой, напряженной, а Сьюзен разговаривала с ней так грубо! – Кэтрин чувствовала, что нить истины, которую они перебирают осторожно, боясь в любой момент оборвать, становится все крепче. Скоро на нее можно будет нанизывать бусины раскрытых тайн, одну за другой...

– И после смерти миссис Синглтон она сбежала, чтобы не стать следующей жертвой! – заметил судья.

– Так кто же убил миссис Синглтон? – Доктор Фицпатрик посмотрел на Хоуксли, затем на миссис Дримлейн и, наконец, на Кэти, не зная, от кого придет ответ.

– Конечно, девушка, выдающая себя за Хелен! – Судья опередил миссис Дримлейн, едва успевшую раскрыть рот. – Наверяд ли я ошибусь, если предположу, что миссис Синглтон, как и мы, рассмотрела медальон повнимательнее и обнаружила, что все эти годы в ее доме жила вовсе не Хелен Тармонт. Быть может, она взяла его в руки просто так, чтобы убить время за утренним туалетом, и случайно раскрыла эту тайну, стоившую ей жизни!

– Чтобы заполучить состояние Тармонтов, эти женщины ни перед чем не остановятся! – Судья помрачнел. – И Теннерсоны тоже должны быть в сговоре с ними, мисс Хаддон слышала достаточно, чтоб мы были в этом уверены. Да и сестры Фрост не смогли бы проделать все это за одну ночь – кто-то должен был помогать им, опоить чем-то Хелен и доставить ее в Нордчестер. Возможно даже, не в ту же самую ночь, а позже, когда ни у кого не останется сомнений, что с Синглтонами уехали Хелен и Оливия Тармонт. Но какими качествами должна обладать эта девушка, чтобы так долго выдавать себя за Хелен! Ведь ей было не больше пятнадцати лет, когда она начала играть эту роль!

– Я думаю, Роджер Теннерсон не хочет жениться на мнимой Хелен Тармонт, он не любит ее, – робко заметила Кэти. – И она тоже, скорее всего,

не влюблена в него.

– Конечно, они хотят поскорее получить деньги Тармонтов! – Миссис Дримлейн выглядела как человек, чьи прогнозы полностью оправдались. – И разделят их между собой. Оливия, должно быть, опасается за свою жизнь, ведь ей бабка завещала солидное приданое, а эти негодяи наверняка планируют завладеть и им! Миссис Фишберн не напрасно требует свою часть, ведь она так рисковала, запирая настоящую Хелен в вашей лечебнице! Хелен должна была каждую минуту кричать о том, что она вовсе не мисс Стерн, что ее силой увезли из родного дома!

– Девочка и в самом деле больна, – возразил доктор Фицпатрик. – Я был в Лондоне, когда она приехала, и не знаю, кто привез ее, но мой заместитель принял ее без малейших колебаний. Припадки ярости, истерики... Она набрасывалась на других больных, как только ей уменьшали дозу лекарств, и только спустя несколько месяцев она стала вести себя тише.

– И ни разу не попыталась объяснить, кто она такая? – усомнилась миссис Дримлейн.

– Возможно, она и говорила что-то в минуты просветления, но... Больные часто изобретают себе вымышленные биографии и... – Доктор Фицпатрик умолк в некотором смущении.

– И их никто никогда не слушает. – Судья Хоуксли мрачно кивнул. – Если Хелен и была здорова в ночь, когда убили ее бабушку, в вашу клинику она попала уже больной. Кто-то должен был довести ее до этого, и старший мистер Теннерсон вполне подходит на эту роль.

– Неужели они продумали этот план заранее? – Доктор Фицпатрик все еще не мог охватить разумом весь чудовищный замысел, да и остальные тоже только пытались постигнуть его.

– Надеюсь, ответы на эти вопросы мы получим от них самих. – Судья Хоуксли выглядел усталым и старым, в его глазах можно было заметить отвращение, которое он питал ко всем преступникам, вершившим свои замыслы жестоко и хладнокровно.

– А как же Арчибальд Тармонт? Выходит, он с тех самых пор не появлялся в Кромберри? – Кэтрин хотелось разрешить еще одну проблему, касающуюся непосредственно ее самой. – Тогда кто та женщина, приславшая мне записку? И миссис Мидлхем, кто она на самом деле?

– Мне известна тайна миссис Мидлхем, – удивил собеседников Хоуксли. – Грейтон рассказал мне, а ему поведала свою историю сама миссис Мидлхем. Это чужая тайна, и я не стану пока раскрывать ее, скоро все и без того узнают правду. Скажу лишь, что к смерти миссис Синглтон и

тайнам семейства Тармонт миссис Мидлхем не имеет никакого отношения.

У Кэтрин на лице невольно отразилось разочарование.

– Что касается Арчибальда Тармонта и полученной вами записки... Мы не можем исключать возможность того, что он появился в наших краях и желает получить часть семейного состояния, но записку мог написать кто-то другой. Теперь, когда мы знаем, что в самой гостинице пребывает целая компания преступников, подозревать можно любого из них. Вы сидите за конторкой, мисс Хаддон, и видите и слышите многое, что уже неоднократно демонстрировали нам. Нельзя исключать и то, что миссис Фишберн, или ее сестра, или сама Хелен Тармонт заметили ваш интерес к их компании и решили напугать вас.

Миссис Дримлейн согласно кивнула.

– Скорей, это горничная Сьюзен или ее сестра, они догадались, что ты слышала их разговор в коридоре, и решили заставить тебя молчать.

– Но как же карета, в которой сидела неизвестная дама? – возразила Кэти. – Навряд ли они стали бы нанимать экипаж в другом городе, чтобы приехать в Кромберри и передать мне эту записку!

– Пожалуй, это обстоятельство пока остается для нас загадкой... – протянул судья. – Но мы уже знаем столько, что, боюсь, главный констебль Грейтон опять будет недоволен тем, как далеко мы продвинулись без его участия.

– Ему не стоило уезжать в такое время, – хладнокровно пожал плечами миссис Дримлейн, в отличие от Кэтрин, ее мистер Грейтон совсем не пугал.

– Он отвечает за работу полиции всего графства, – поспорил с ней судья. – И не может постоянно заниматься делами одного лишь Кромберри.

– Но он должен искать Оливию! – воскликнула Кэтрин. – Если Теннерсоны и мисс Фрост найдут ее раньше, они могут убить девочку!

– Оливию ищут все свободные констебли и сержанты. Но я по-прежнему придерживаюсь мнения, что ей кто-то помог. О ней ничего не известно уже два дня, без еды и денег она не продержалась бы так долго, она ведь не девочка из бедной семьи, способная выжить на улице!

– Она могла забрести в неблагополучные кварталы и попасть в руки тех самых бедных семей, – заметил доктор Фицпатрик. – Тогда ее бросающееся в глаза платье уже продано старьевщику, волосы острижены, а сама она в лохмотьях просит милостыню где-нибудь возле богадельни!

О том, что еще могло случиться с тринадцатилетней девочкой, неспособной постоять за себя, доктор предпочел при дамах промолчать. Но судья Хоуксли понял его.

– Констебли регулярно обходят бедные кварталы и притоны, коих у нас в Кромберри, к счастью, не так уж много, и предупреждают местный люд, что, если девочка появится там, ее немедленно следует отвести в полицейский участок. Я сам назначил вознаграждение тому, кто найдет Оливию...

Он не добавил «живой или мертвой», но слова повисли в воздухе. Кэтрин содрогнулась.

– Что ж, уже довольно поздно, я думаю, нам с Кэти уже пора отправляться домой, – заявила миссис Дримлейн. После долгого пути и напряженного разговора старая леди выглядела совершенно обессиленной.

– Мой экипаж отвезет вас, – тотчас ответил судья. – Доктор Фицпатрик сегодня будет моим гостем, а утром, лишь только появится Грейтон, полиция наведается в «Охотников и свинью». Нам осталось подождать совсем немного, и, я надеюсь, виновные в этих ужасных преступлениях будут арестованы!

– Боюсь, у вас не хватит улик, чтобы обвинить фальшивую мисс Хелен в убийстве моей кузины, – мрачно заметил доктор Фицпатрик.

– Вынужден признать, что это так. Наши дорогие помощницы нашли медальон не у нее, а у такой же фальшивой миссис Фишберн, – вздохнул судья. – И мы не можем с уверенностью утверждать, был он украден до или после гибели миссис Синглтон.

Кэтрин впервые почувствовала себя виноватой. Не следовало ли им с Бет оставить медальон на прежнем месте? Тогда полицейские смогли бы найти его сами и арестовать миссис Фишберн, как и планировал сперва судья Хоуксли. А теперь их с Бет слово будет поставлено против слов этой женщины, и неизвестно еще, кому поверят присяжные. Если дело вообще дойдет до суда присяжных – Кэти слишком мало знала о тонкостях процесса, чтобы рассуждать об этом.

– Нам нужно, чтобы эта девушка сама призналась в убийстве, – продолжил Хоуксли. – И мы можем обвинить ее и горничную хотя бы в похищении настоящей Хелен Тармонт! Принудительное помещение в лечебницу равносильно покушению на убийство! Жаль, что бедняжка не сможет сама дать показания против этих женщин!

– Вернувшись в Нордчестер, я немедленно сам займусь ее лечением. Возможно, ее состояние объясняется излишней «заботой» мисс Фрост. – В голосе доктора слышалось чувство вины. – Если ее можно вылечить, я сделаю это, обещаю вам!

Судья Хоуксли молча кивнул, а миссис Дримлейн только грустно покачала головой. Кэтрин не осмелилась спросить ее, какие ужасы

старушка успела увидеть в нордчестерской лечебнице, но зрелище наверняка было не из тех, о чем стоит вспоминать на ночь.

Ночью Кэтрин несколько раз просыпалась и вскрикивала, ей снились пугающие сны. Хелен в платье горничной стучала в дверь «Лавандовой спальни», Оливия с длинным кинжалом выглядывала из камина, мистер Теннерсон-старший появлялся в зеркале за ее спиной, а младший Теннерсон снимал маску и превращался в незнакомую девушку, копию Оливии, только постарше, в развевающихся серых одеяниях. Девушка плакала, и слезы как будто размывали ее черты, и вот рядом с Кэтрин уже стоит возле конторки Дженни Морвейн, бедная погибшая подруга... Или ее призрак.

– Дженни! – вскрикнула Кэти и в очередной раз проснулась. За окном едва начинало светлеть, наступил последний понедельник июля. Попытаться заснуть снова было бессмысленно, и Кэтрин заставила себя встать с постели и распахнуть окно. На Мэйн-стрит было тихо и пустынно, лишь одна ранняя пташка, чья-то горничная, уже подметала крыльцо.

Каким будет этот день? Когда приедет главный констебль Грейтон и жизнь некоторых обитателей «Охотников и свиньи» изменится? Судья Хоуксли обещал, что полиция не допустит ни единой лишней минуты промедления, но Кэтрин не представляла, как скоро наступит роковой час. Оставалось только ждать. И надеяться, что ее волнение не вызовет подозрений у проницательного мистера Теннерсона или злобной, хитрой миссис Фишберн, как продолжала Кэти называть старшую мисс Фрост. Впрочем, миссис Дримлейн и судья Хоуксли тоже предпочитали использовать это, уже привычное, имя.

Бетси Харт сегодня собиралась поехать с мужем на ферму к его родственникам, кузина Джона и Дика разрешилась двойней, и Бет хотела побольше разузнать обо всем, что связано с появлением на свет новых людей. По некоторым намекам миссис Харт Кэти поняла, что будущей весной в семье Хартов тоже появится малыш, и беспокойство Бет было понятным.

«Она будет сожалеть, что ее не оказалось здесь в самый важный момент, – думала Кэтрин, недовольно хмурясь своему бледному, сонному отражению. – Но лучше ей узнать обо всем после, она и без того так испугалась вчера, когда мы пробрались в комнату миссис Фишберн. Тревоги матери могут повредить малышу, так всегда говорит отец! Завтра, за чаем с миссис Дримлейн, мы с ней расскажем Бетси обо всем, что здесь произойдет. Боже мой, как мне хочется, чтобы поскорее наступил этот

момент, когда мы соберемся в «Зале фей» и будем мирно пить чай и обсуждать случившееся!»

Но пока еще ничего не случилось, и Кэтрин, с трудом сдерживая зевоту, спустилась вниз к раннему завтраку. Горничные хихикали и перешептывались, не стесняясь ее, и из их болтовни Кэти поняла, что Сара надеется в скором времени также носить фамилию «Харт».

«Еще одна свадьба у Хартов! Как чудесно! Я нарисую Дика и Сару и подарю им портрет!» Первая радостная новость за много дней отвлекла Кэтрин, и за конторку она усаживалась в бодром настроении.

Миссис Лофтли, появившаяся из своей спальни лишь через полчаса, тоже выглядела довольной – накануне они получили письмо от двух почтенных дам, собирающихся, по традиции, провести в Кромберри пару дней по дороге в Бат. Сведения об убийствах и похищениях в «Охотниках и свинье» либо не дошли до этих леди, либо они сочли эти новости не настолько пугающими, чтобы изменять своим привычкам. Разумеется, они не читали газет, как можно! И так раздражающие дядюшку Томаса статьи в столичных газетах не лишили миссис Лофтли удовольствия принимать у себя старых знакомых.

– Боюсь, нам придется переделать «Лавандовую спальню» и назвать ее как-то по-другому, – говорила тетушка Мэриан. – Мы сохранили «Зал фей» в прежнем виде, потому что эту комнату так любит наша дорогая миссис Дримлейн, но для других постояльцев ночевать в комнате, где произошло убийство, – слишком тяжелое испытание. Позже я подумаю, что можно сделать, не слишком потратившись на обстановку.

– «Сиреневая комната», например, – предложила Кэтрин. – Я нарисую ветви цветущей сирени вместо акварелей с лавандой, а у мистера Логана можно заказать вазы и предметы для туалетного столика с изображением сирени.

– Ты прекрасно придумала, милая! – обрадовалась тетушка. – Счет от миссис Баклер за покрывало и эти чудесные портьеры едва не лишил твоего дядю аппетита, и мы не можем просто так выбросить их!

Кэтрин тут же принялась предлагать миссис Лофтли и другие идеи, как можно при помощи прелестных безделушек изменить облик комнаты, не потратив ни одного лишнего пенни, и за этим приятным разговором прошла часть утра.

Настроение мисс Хаддон испортилось, когда по лестнице спустились в холл Теннерсоны и Хелен, или как там ее на самом деле звали. Миссис Фишберн следовала за ними молча, похоже, она была не способна сегодня предаваться своему любимому занятию – пустой болтовне.

Вся компания прошла на завтрак, и миссис Лофтли поторопилась следом, чтобы проследить, все ли в порядке – старший мистер Теннерсон оказался весьма придирчивым гостем.

«Когда же, ну когда вернется мистер Грейтон? Что, если все они после завтрака уедут в поместье Тармонтов? И все события произойдут там?»

Кэтрин страшилась грядущего, но едва ли не меньше ее пугала перспектива пропустить развязку. Так же думала и миссис Дримлейн, появившаяся четверть часа спустя с намерением выпить чая в беседке, а затем посидеть с книгой в холле – утром в «Зал фей» совсем не заглядывало солнце.

В четверть одиннадцатого Кэтрин прошла по холлу, чтобы размять ноги, и взглянула в окно. Напротив входа в «Охотников и свинью» она увидела констебля, дружески болтающего с чьей-то горничной, а чуть дальше по улице сержант Нобблз серьезно беседовал с двумя журналистами, у которых хватало терпения до сих пор оставаться в Кромберри.

«Кажется, там, дальше по улице, разглядывает витрину еще один констебль, – подумала Кэтрин и вернулась на свое место. – Должно быть, мистер Грейтон где-то рядом».

Она переглянулась с миссис Дримлейн, и сообразительная старая леди тоже подошла к окну, чтобы взглянуть на Мэйн-стрит. Удовлетворенная увиденным, она вновь устроилась на диване так, чтобы видеть и выход из ресторана, и входную дверь. Завтрак вот-вот должен закончиться, и, если Грейтон не появится, преступная компания может отправиться на прогулку или уехать в дом Тармонтов!

Миссис Дримлейн слышала, как Теннерсон-старший возмущается тем, что маленькую мисс Оливию до сих пор не нашли, и намерен жаловаться в Лондон на некомпетентность местной полиции. Девушка, известная в Кромберри как Хелен Тармонт, молча сидела за столом и пила чай, не притронувшись к завтраку.

Кэтрин даже вообразить не могла, что должна была чувствовать самозванка, на протяжении пяти лет каждый день вынужденная изображать другого человека. Разоблачение могло явиться с самой неожиданной стороны, и эта угроза должна была давить на девушку тяжелым гнетом.

Манеры, воспитание, жесты и походка, тысячи мелочей, которые могли выдать ее! Не говоря уже об Оливии, запуганной младшей сестре, которая в один прекрасный день могла не выдержать и раскрыть ужасную тайну, пусть даже с риском для собственной жизни!

Конечно, ничего бы этого не случилось, если бы не погибла старая

Роуз Тармонт. А что, если ее смерть также была подстроена сестрами Фрост? И Арчибальд Тармонт не убивал ни миссис Синглтон, ни свою мать? Эта мысль стала для Кэтрин очередным потрясением и, если бы не боязнь, что ее подслушают горничные или постояльцы, она тотчас озвучила бы ее миссис Дримлейн. А так придется подождать. Да сколько же продлится ее ожидание бога ради!

Кэти едва успела пожалеть, что у миссис Лофтли нет для нее никакого поручения, когда из дверей ресторана прошли в холл самозванка и оба Теннерсона.

– Я не уверена, что хочу идти на прогулку, когда моя сестра до сих пор... – Голос девушки дрогнул, и Роджер Теннерсон заботливо взял ее под руку.

– Сидеть здесь в неизвестности, не зная, чем себя занять, тоже не годится, дитя мое. – В ласковом голосе старшего Теннерсона чувствовался приказ. – Я уже приказал одной из здешних горничных подняться наверх и попросить Сьюзен принести вашу шляпку.

Действительно, Сара уже спешила вверх по лестнице, и Кэтрин проводила ее взглядом, после чего вновь повернулась к этим троице. Старший Теннерсон подошел к миссис Дримлейн и заговорил о пустяках, а младший остался стоять рядом со своей невестой, не пытаясь развлечь или утешить ее.

Сьюзен со шляпкой в руках спустилась вниз через несколько минут, и в этот момент входная дверь распахнулась.

Глава 19

Для Кэти так и осталось загадкой, как сумел главный констебль Грейтон так ловко подстроить свое появление. Любой театр был бы рад пригласить его на роль отца Гамлета, ну, то есть его тени, наводящей дрожь как на публику, так и на других актеров на сцене.

Пока что его появление навело дрожь только на Кэтрин и несколько взволновало миссис Дримлейн, чуть выпрямившуюся на своем диване. Ни Теннерсоны, ни девушка рядом с ними, ни Сьюзен не сочли визит главного констебля чем-то из ряда вон выходящим. В конце концов, он ведь должен был сообщать им новости о пропавшей Оливии, не отправлять же простого сержанта!

Следом за Грейтоном в холл вошел сержант Нобблз.

Услышав за спиной какой-то шум, Кэтрин резко обернулась и увидела, что из кабинета дядюшки Томаса выходит судья Хоуксли. И когда же он успел явиться в гостиницу и спрятаться там? Когда Кэтрин завтракала? Удивляться этому второму эффектному появлению уже не было времени, в холле начинало разворачиваться главное действие.

– Вы нашли мою сестру? Узнали что-то о ней? – в ответ на вполне любезное приветствие Грейтона воскликнула мнимая мисс Тармонт.

– Увы, мисс, нам до сих пор неизвестно, куда исчезла мисс Оливия. Я пришел сюда по другому поводу. – Загорелое лицо Грейтона посуровело, жесткий подбородок выдвинулся вперед. – Полагаю, ваша тревога о ее здоровье не столь уж искренняя, она ведь вовсе не доводится вам сестрой!

– Что-о? – старший Теннерсон резко шагнул вперед, позабыв, как видно, о своей хромоте – его палка осталась прислоненной к дивану рядом с сидящей миссис Дримлейн.

– Мне неизвестно ваше имя, мисс, – не обращая на него внимания, продолжал Грейтон. – Но, вероятно, мы это скоро выясним. В беседке во дворе доктор Фицпатрик сейчас беседует с бывшей служащей своей клиники, мисс Фрост, известной здесь под именем миссис Фишберн. Вашей тетушкой!

Кэтрин не могла видеть лицо девушки, выдающей себя за Хелен Тармонт, – лицом к ней стояли только Грейтон и сержант Нобблз. Не удержавшись, она тихонько встала со своего места и отошла к лестнице, укрывшись за спиной стоявшего там судьи Хоуксли. Миссис Дримлейн, похоже, тоже не желала упустить ни малейшей мелочи и поднялась с

дивана, благоразумно отодвинувшись подальше от замершей в центре холла группы людей.

– Что вы такое говорите, Грейтон? Вы ответите за эти нелепые домыслы! – со старшего Теннерсона слетел последний налет благодушия. – Вы не смогли найти убийцу миссис Синглтон, разыскать пропавшую девчонку вам тоже не удалось, и вы еще смеете являться сюда и обвинять в чем-то эту бедную девушку, потерявшую за одну неделю свою попечительницу и сестру!

– Как я уже сказал, сэр, эта девушка, скорее всего, носящая ту же фамилию, что и ее мать и тетушка, а именно Фрост, не может быть сестрой мисс Оливии Тармонт, и вам это известно не хуже, чем мне! – Холодный и резкий тон Грейтона еще не набрал всей мощи, на какую он был способен. – Мисс Хелен Тармонт в настоящее время находится в нордчестерской лечебнице, помещенная туда не по своей воле, но не без вашей помощи!

– Дядя, что это значит? – Удивленный голос Роджера Теннерсона убедил Кэтрин, что молодой человек не был посвящен в дела своего дядюшки. Грейтона же было не так легко убедить.

– Вы собираетесь жениться на этой девушке, мистер Теннерсон, – язвительно заявил Грейтон. – Что ж, венчание придется отложить. Я пришел арестовать ее за убийство миссис Синглтон! И вы, и ваш дядя также будут взяты под стражу за соучастие в убийстве, похищении мисс Хелен Тармонт и, возможно, Оливии Тармонт, а также за преступный замысел по присвоению состояния Тармонтов. Разумеется, компанию вам составят и обе мисс Фрост!

– Я не убивала миссис Синглтон! – вскрикнула девушка, делая шаг назад под пронизывающим взглядом главного констебля. – С какой стати мне убивать женщину, которая обо мне заботилась?

– Судья Хоуксли передал Оливии Тармонт медальон, на котором изображены сестры Тармонт... – Как только Грейтон заговорил про медальон, с губ Сьюзен сорвался то ли стон, то ли всхлип. Услышавшая его миссис Дримлейн отступила еще дальше, под защиту судьи Хоуксли, до сих пор молчавшего.

– Миссис Синглтон забрала медальон у Оливии, чтобы хранить его вместе со своими драгоценностями. На беду, она решила рассмотреть его и сделала поразительное открытие – девушка, которую она опекала последние пять лет, вовсе не Хелен Тармонт! Не ошибусь, если предположу, что она захотела задать вам несколько вопросов, и вам ничего не оставалось, как убить ее! Иначе все ваши планы рухнули бы! Скажите

мне, мисс, как вам удалось заставить Оливию молчать все эти годы? Вы угрожали убить и ее?

Грейтон шагнул вперед, сержант оставался у двери, закрывая ее собой. Из дверей «Зала герцогини» выглядывали мистер и миссис Лофтли, их потрясенные лица выглядели до нелепости похожими, но на них никто не обращал внимания. В дверях ресторана столпились остальные слуги, за спинами горничных и кухарки маячили Эндрю и рослый констебль.

Самозванка еще попятилась и вскрикнула от испуга, наткнувшись спиной на своего жениха. Роджер Теннерсон вздрогнул и отшатнулся от нее, его приятное юное лицо выражало страдание.

– Вы ничего не сможете доказать! – закричала вдруг Сьюзен, протягивая вперед руки, как будто хотела вцепиться ногтями в лицо Грейтона.

– Отчего же, мисс Фрост? – Главный констебль заговорил хладнокровно, почти равнодушно, но всем было очевидно, что за этим равнодушием скрывается ненависть к преступникам, помогающая ему столько лет хорошо делать свою работу. – Медальон, который миссис Фишберн, вернее, мисс Руби Фрост, хотела сегодня отвезти к ювелиру и уничтожить, находится у меня. Так же как и показания доктора Фицпатрика об обстоятельствах, при которых в его лечебницу была принята Хелен Тармонт. Есть и другие улики, о них я не вижу смысла сейчас говорить, а когда мы найдем мисс Оливию, она дополнит то, что еще остается неясным.

– Вам никогда не найти ее, должно быть, эта дрянь уже лежит мертвая в какой-нибудь канаве! – В голосе горничной слышалась такая ненависть к бедной девочке, что даже на лице Грейтона, повидавшего немало, промелькнула озадаченность.

– Мисс Оливия находится в полной безопасности в доме моего мужа... бывшего мужа, – тихий голос прозвучал так неожиданно, что на мгновение в холле повисла пауза, а затем комната наполнилась изумленными вздохами и приглушенными проклятиями.

Кэтрин, как и все присутствующие, кроме бдительного сержанта, не сводившего глаз с преступной компании, обернулась к лестнице, по которой с трудом, но почти бесшумно спускалась миссис Мидлхем.

– Вашего мужа? Что вы тут такое болтаете? – снова возмутился старший Теннерсон. – Неужели после всего бреда, что тут наговорил отчаявшийся из-за своих неудач Грейтон, мы еще будем слушать лепет больной женщины? Вам пора отправляться в богадельню, а лучше сразу напрямиком на кладбище!

Миссис Мидлхем несколько мгновений молчала, замерев на ступенях. Ее взгляд был направлен на Теннерсона, и внезапно на изможденном лице появилась бледная улыбка. Отнюдь не доброжелательная.

– А я ведь не узнала вас, Арчи, – неожиданно сказала она. – Болезнь не пощадила меня, а вы, похоже, сами постарались изменить свою внешность...

– Арчи? – пробормотал рядом с Кэтрин судья Хоуксли. – Арчибальд Тармонт?

– Ну, конечно же. – Миссис Мидлхем продолжила спускаться по лестнице, не переставая улыбаться. Ее улыбка выглядела жутковато, и миссис Лофтли громко ахнула и тут же зажала ладонью рот.

Сержант Нобблз, не оборачиваясь, приоткрыл дверь на улицу и что-то сказал. В холл тотчас вошли двое констеблей, а Грейтон неторопливо вытащил из кармана пистолет, взвел курок и направил его на старшего Теннерсона.

– Что ж, самозванцев у нас все прибавляется. – Он выглядел удивленным, но лучше других владел собой и сейчас, должно быть, заново оценивал все, что успел узнать утром после возвращения в Кромберри. – Теперь мне понятно, как вам удалось так быстро подменить Хелен Тармонт этой девушкой. Бывший дворецкий Тармонтов сообщил нам, что из всей прислуги только горничная молодой миссис Тармонт не боялась гнева старшей хозяйки и была любезной с опальным сыном Роуз Тармонт. Должно быть, вы поддерживали отношения и после того, как Арчибальда запретили впускать в дом. И вместе придумали этот дьявольский план!

Арчибальд Тармонт молчал, его благородные седины уже не скрывали яростный блеск его глаз, рот кривился от гнева и ненависти.

– Я обвиняю вас в убийстве вашей матери, Арчибальд Тармонт. Присяжным придется набраться терпения, выслушивая список всех ваших преступлений!

– И вы поверили этой больной женщине? Я впервые вижу ее! Если это ваш свидетель, то присяжные будут полными идиотами, согласившись принять ее показания, – презрительно бросил Тармонт. – Да она не доживет до суда!

– Вам не стоит беспокоиться об этом, уверен, ваши соседи узнают вас, если присмотрятся получше! – вмешался судья Хоуксли. – Так, значит, мисс Оливия скрывается в поместье Блантвиллов?

Последний вопрос был обращен к миссис Мидлхем и вызвал новую волну вздохов. Ведь она сказала, что Оливию приютил ее бывший муж! Выходит, миссис Мидлхем на самом деле – сбежавшая когда-то супруга

Чарльза Блантвилла!

Кэти помнила эту историю. Значит, бывшая миссис Блантвилл вернулась...

– После того как мой второй супруг покинул меня и нашу маленькую дочь Полин, я вынуждена была пойти в гувернантки и однажды смогла устроиться в дом Синглтонов, чтобы заботиться об Оливии Тармонт, – спокойно объяснила миссис Мидлхем, похоже, ее уже давно перестало волновать мнение других о ее поступках. – Начало моей болезни совпало по времени с помолвкой мисс Тармонт и мистера... Теннерсона, и миссис Синглтон сочла, что Оливии больше не нужна гувернантка, ведь скоро Оливия вернется в родной дом вместе с замужней сестрой. Должна сказать вам, что миссис Синглтон была равнодушна ко всем, кроме себя самой, и рада была бы поскорее избавиться от девочек, забота о которых так неожиданно обременила ее. Увы, Оливия не посвятила меня в семейные тайны, я видела, что девочка боится сестры и ее горничной, но не могла понять причины их неприязни к Оливии. Если бы она осмелилась поделиться со мной, я приложила бы все силы, чтобы изобличить преступниц!

Сьюзен сделала шаг к дочери и взяла ее за руку. Если бы кто-то взглянул на них сейчас, то заметил бы сходство, ранее не бросающееся в глаза, так как любой счел бы его невозможным. Но все смотрели на исхудавшую больную женщину, подобно призраку отца Гамлета явившуюся обличить зло.

– После моего отъезда Оливия писала мне, и с каждым письмом я испытывала все большую тревогу. Девочка отчаянно боялась возвращаться в родительский дом, уверенная, что там ее ждет смерть. По ее словам, ее сестра не желала делиться с ней ни единым пенни из завещанного ее бабушкой приданого, и Оливия опасалась, что вскоре после венчания сестры с ней произойдет какой-нибудь несчастный случай. Она молила меня приехать в Кромберри и помочь ей, ведь больше ей не к кому было обратиться за помощью!

Сьюзен вполголоса бормотала какие-то проклятия, младший Теннерсон, кажется, готов был в ужасе броситься прочь, а старший Теннерсон, в котором все видели теперь Арчибальда Тармонта, осторожно оглядывался, словно искал возможность сбежать.

– И вы поверили девочке и помогли ей, но ничего не сказали мне, – укоризненно заметил Грейтон, но его тон смягчился, когда он заговорил с умирающей женщиной.

– Я обещала Оливии, что помогу ей скрыться и не раскрою тайну до

тех пор, пока не будет арестован убийца миссис Синглтон. После смерти этой дамы я поверила, что Оливия не преувеличивает, что ей действительно грозит опасность. Но и тогда бедняжка не рассказала мне всего...

– Мистер Блантвилл согласился позаботиться о девочке?

– Я приехала сюда не только ради Оливии. Моя собственная дочь скоро останется сиротой, ее отец отказался от нее, и я не знаю, где он теперь. У меня никого не осталось, кроме старой няни, в чьем доме мы жили последние два месяца, но и она умерла... – Миссис Милдхем ухватилась за перила, возле которых стояла, долгий и волнительный разговор явно лишал ее сил. – Пришлось обратиться к бывшему мужу. Чарльз, несмотря на все свои недостатки, – добрый человек, и, как бы он сперва ни злился, он все же согласился позаботиться о Полин. После того как я уговорила его стать опекуном моей дочери, мне пришлось просить его помочь и Оливии. Он рассердился, но не отказал, и бегство мисс Тармонт сложилось удачно. Все это время он рвется поговорить с вами, мистер Грейтон, но я взяла с него слово молчать до тех пор, пока преступников не покарает суд или я сама не предстану перед судом Божьим!

– Вы и ваш бывший супруг весьма затруднили мою работу, но мы вернемся к этому позже, – коротко сказал на это главный констебль Грейтон и вернулся к тому, зачем явился в «Охотников и свинью»: – Итак, нам пора избавить мистера и миссис Лофтли от их преступных гостей. Полицейская карета уже ждет вас, и вам придется потесниться, чтобы разместиться там вчетвером.

В ответ на это заявление Роджер Теннерсон испуганно дернулся, дочь Сьюзен Фрост прижалась к матери, а Арчибальд Тармонт с самым невозмутимым видом уселся на диван и даже закинул ногу на ногу, давая понять, что он-то уж не намерен никуда идти.

– Вы хотите знать, почему Оливия не рассказала вам всю правду о нашем милом семействе? – Он слегка повернул голову и одарил миссис Милдхем насмешливым взглядом. – Так я расскажу вам. А заодно и вам, Грейтон. Я не убивал свою мать! Это моя прелестная юная племянница Хелен размозжила голову своей бабке, а маленькая Оливия оказалась невольной свидетельницей убийства!

– Как? Что? Хелен? – снова тревожные возгласы, а главный констебль Грейтон, уже собравшийся отдать констеблям приказ силой вывести Тармонта на улицу, замер, так и не подав сигнала.

– Я не могу в это поверить! – решительно возразила миссис Дримлейн, до сих пор молчавшая.

– Полно, миссис Дримлейн! Вы к тому времени уже давненько обитали где-то далеко от наших краев, но и вы должны были помнить, каким несдержанным был характер Хелен даже в самом нежном возрасте! Судья Хоуксли-то уж наверняка помнит, как походила моя племянница на свою бабушку! А к пятнадцати годам она и вовсе стала невыносимой, и моя матушка, на беду, решила отправить ее в пансион, надеясь, что тамошние строгие порядки усмирят ее. Хелен не пожелала ехать, но что она могла сделать? После смерти моего брата его детей опекала их бабушка, и она могла распорядиться их судьбой, как ей угодно!

Судья Хоуксли переглянулся с миссис Дримлейн, но ни один из них не прервал речь этого человека. Молчал и Грейтон, понимая, что неосторожным словом может лишиться их всех возможности узнать правду, даже если она окажется еще более ужасной, нежели они себе представляли.

– Не найдя других аргументов, разъяренная Хелен раскрыла череп своей бабушке как раз в тот момент, когда на шум их ссоры явилась с одной стороны маленькая Оливия, а с другой – преданная горничная. Испуганная Оливия бросилась прочь, искать убежище в своей комнате. Хелен же заметила сестру и пригрозила убить и ее, если она скажет хоть слово. Кто знает, на что она была способна, если бы ее верная горничная не оглушила и не связала ее? Сьюзен, почему бы тебе не присоединиться к моему рассказу? Поделись с почтенной публикой, как тебе удалось запугать Оливию сиротским приютом, в случае если ее сестру запрут в сумасшедшем доме или повесят за убийство бабушки? И как ты придумала весь этот план подменить Хелен своей дочерью, из которой так хотела сделать настоящую леди? Кто бы мог подумать, что твои усилия дать ей приличное воспитание оказались ненапрасными! Моя мать тотчас прогнала бы тебя, узнай она, что ты растешь в Торхилле внебрачного ребенка! И вдруг такая возможность отомстить за все язвительные слова и несправедливые наказания! Твоя дочь превращается во внучку Роуз Тармонт и наследует все деньги! Да моя мать, должно быть, все пять лет вертится в гробу! Так что, друг мой Грейтон, я никуда не собираюсь идти, ведь я не совершал никакого преступления! Я всего лишь назвался чужим именем, чтоб меня не узнали в Кромберри, так ведь это не преступление, не так ли?

Насмешливый, глумливый даже тон Арчибальда вызвал у Кэтрин дрожь отвращения. Миссис Мидлхем, похоже, испытывала то же самое, она не сводила с Тармонта взгляда, в котором читалось презрение. Даже известие о том, что пятнадцатилетняя девочка убила собственную бабушку, уже не казалось им таким ужасным по сравнению с этим бесконечным

цинизмом. В конце концов, Хелен, судя по всему, и вправду была больна душевно.

Сьюзен больше не могла выслушивать все это. Она выскочила вперед и встала рядом с диваном, на котором вальяжно развалился Тармонт.

– Вы лжете, как лгали всю свою жизнь! Это вы помогли мне оглушить и связать буйствующую Хелен, а затем унесли ее из дома в хижину лесника, где скрывались в ожидании возможности пробраться в дом и ограбить свою мать! Вы запачкали кровью подоконник и дверную ручку, чтобы в убийстве заподозрили вас, а не Хелен! Это вы той же ночью съездили в Торхилл за Молли и заставили ее изображать Хелен Тармонт! И, наконец, это вы много лет назад придумали план – женить своего сына на Хелен и вернуть себе состояние Тармонтов!

– Сына? – переспросил то ли сам Роджер Теннерсон, то ли кто-то другой.

– Да-да, сына! Этот молодой человек – его сын от той женщины, мисс Теннерсон, на которой он отказался жениться, надеясь сделать партию получше! Она умерла от любви к джину, и Арчибальд вырастил мальчика, как своего племянника, надеясь, что Роджер, послушный его воле, добудет для него деньги, которых он так жаждал!

Роджер закрыл лицо руками, его затылок трясся, и некому было утешить его. Его невеста, чье имя – Молли – наконец прозвучало, стояла молча, бледная и едва не теряющая сознание от ужаса.

– Мой сын, пусть так... – Арчибальд Тармонт даже не посмотрел на юношу. – Что ж, я хотел устроить этот брак, это правда. Разве это большая плата за необходимость всю жизнь скрываться из-за того, что меня обвиняют в преступлении, которого я не совершал? И я пощадил твою дочь, Сьюзен, когда увидел девушку в прошлом году и понял, что это не моя племянница. Ты забыла, должно быть, как сама рассказала мне все об убийстве моей матери? И о том, что Хелен безумна. Что ж, подумал я, все к лучшему. Бедняжка Хелен будет до конца дней своих содержаться в приличной клинике, мой сын и Молли счастливо заживут в старом доме Тармонтов под моей опекой, и маленькая Оливия получит свое приданое... Что толку было ворошить прошлое, выносить на свет божий правду о смерти моей матери...

– Да как ты смеешь, негодяй, продолжать лгать? Ты был в доме в ту ночь, ты помог мне избавиться от Хелен! – высокомерие и невозмутимость Сьюзен слетели с нее, как последние осенние листья опадают с темной сухой осины. – Я не знала, что делать с обезумевшей девчонкой, и ты уговорил меня подменить ее моей дочерью!

– Грейтон, может быть, вы уже избавите нас от общества этой женщины? – Арчибальд Тармонт отвернулся от нее и сделал небрежное движение рукой, словно бы желая отодвинуть Сьюзен со своего пути, но так и не поднялся с дивана. – От ее слов веет безумием, можно подумать, что не Молли, а Хелен – ее родная дочь...

Последий звук еще не слетел с его губ, когда Сьюзен схватила прислоненную к дивану палку и изо всех сил, увеличенных гневом и ощущением краха всех ее замыслов, ударила его по голове набалдашником в виде серебряного ананаса.

Женский визг и крики со всех сторон, Сьюзен замахивается снова, но Грейтон успевает выстрелить из своего пистолета прежде, чем ананас проделает вторую дыру в черепе Арчибальда Тармонта.

Судья Хоуксли бросился вперед, чтобы схватить Сьюзен, но палка уже выпала из ее руки – Грейтон попал ей в плечо. Позже он пришел в ужас при мысли, что мог ранить или убить кого-нибудь из невинных людей, ведь дальше почти за спиной Сьюзен находилась дверь в ресторан, возле которой столпилась прислуга.

Сержант Нобблз подбежал к горничной одновременно с судьей и ногой отбросил палку подальше от дивана, а сам схватил стонущую Сьюзен за здоровую руку. По ковру миссис Лофтли пробежала окровавленная дорожка.

Молли с рыданием попыталась оттолкнуть сержанта, но к ней уже спешил один из констеблей, он оттащил вырывающуюся девушку от матери, не обращая внимания на ее яростные крики.

А Хоуксли и Грейтон склонились над Арчибальдом Тармонтом, повалившимся боком на диванные подушки.

– Констебль, немедленно бегите за доктором Фицпатриком! – крикнул Грейтон, но доктор уже сам протолкался между горничными, встревоженный выстрелом.

Миссис Мидлхем обессиленно опустилась на ступеньку лестницы, Кэтрин прижалась к миссис Дримлейн, миссис Лофтли без чувств повисла на руках у своего мужа.

Арчибальд Тармонт еще попытался что-то сказать, но на губах его пузырилась кровь, и разобрать слова было невозможно. Доктор Фицпатрик молча покачал головой в ответ на тяжелый взгляд Грейтона.

Судья Хоуксли обернулся к рыдающим горничным.

– Ступайте на кухню и посидите там, – приказал он. – Все закончилось. Эндрю, проводи девушек и побудь с ними.

Лакей нехотя принялся подталкивать горничных к двери, кухарка

вышла первой, но продолжала оглядываться через плечо.

– Матушка!

По лестнице протопали быстрые шаги – это прибежала Полин.

– Миссис Мидлхем, вам лучше пройти в «Зал герцогини». – Грейтон отвел взгляд от Арчибальда Тармонта и посмотрел на троих женщин. – Миссис Дримлейн, мисс Хаддон, вам тоже лучше уйти, это зрелище не для ваших глаз. Я отправлю к вам доктора Голдблюма с какими-нибудь каплями, которые помогут вам успокоиться после пережитого кошмара...

Никто из них не тронулся с места. Миссис Дримлейн не успела возразить, хотя явно собиралась сделать это.

– Он умер, – сказал доктор Фицпатрик. – Удар был необыкновенно силен.

– перевяжите чем-нибудь руку мисс Фрост, и мы наконец отправимся в полицейский участок. – Грейтон, казалось, и сам едва стоял на ногах от потрясений последних минут, что уж говорить о дамах. – Мистер Роджер Теннерсон, судя по тому, что мы здесь услышали, вы оставались в неведении относительно замыслов вашего отца и обеих, вернее сказать, целых трех мисс Фрост. Поэтому я пока не буду арестовывать вас, но требую, чтоб вы оставались в гостинице под присмотром констебля. Мисс Сьюзен Фрост, ко всем вашим преступлениям добавилось еще и убийство Арчибальда Тармонта. Мисс Молли Фрост, я арестую вас за убийство миссис Синглтон, но вы понесете наказание и за другие деяния, совершенные вместе с...

– Это я убила миссис Синглтон! – Сьюзен, побелевшая от боли, вложила последние силы в этот вскрик. – Моя дочь неповинна в смерти этой змеи! Все было так, как вы и говорили, она рассмотрела медальон и заподозрила, что Хелен на самом деле совсем другая девушка. К счастью, прежде чем рассказать мужу о своих подозрениях, она решила расспросить меня. Что мне оставалось? Я не могла позволить, чтобы все рухнуло в тот самый миг, когда мы едва не достигли цели! Он не позволил бы нам отступить! – Она кивнула на распростертого на подушках Арчибальда Тармонта и потеряла сознание, доктор Фицпатрик и констебль едва успели подхватить ее.

– Мама, мама! – зарыдала Молли, но сержант Нобблз, по сигналу Грейтона, уже подталкивал ее к двери. Бесчувственную Сьюзен с наспех перевязанной платком рукой констебля вынесли из гостиницы на руках, ее надлежало сперва отвезти в лечебницу к доктору Голдблюму, где констебли должны были стеречь ее до тех пор, пока не смогут отвезти ее в тюрьму.

За другой каретой, которая должна была увезти тело Арчибальда

Тармонта, сержант уже хотел послать одного из своих констеблей, когда в холл вбежал испуганный Эндрю:

– Миссис Фишберн! Она исчезла! Должно быть, она ударила констебля вазой по голове и сбежала через двор!

– Дьявол ее заберит! – выругался Грейтон, совершенно позабывший о еще одной соучастнице преступления. – Нобблз, пошлите всех свободных людей искать ее, немедленно! Где мисс Хаддон?

– Я здесь, сэр. – Кэтрин, жавшаяся к миссис Дримлейн, робко выступила вперед.

– Набросайте для полицейских несколько портретов миссис Фишберн, эта женщина не должна исчезнуть! Она так же повинна в случившемся, как ее сестра и племянница!

– Да, сэр, я постараюсь! – Кэтрин поспешила усесться за свою конторку, где за дядюшкиными книгами у нее всегда были припрятаны запас бумаги и карандаши. Правда, она не была уверена, что сможет удержать карандаш в дрожащих пальцах. Как можно требовать от нее сейчас, чтоб она *рисовала*? Но она должна помочь Грейтону, значит, придется сделать над собой усилие.

Главный констебль Грейтон вышел вслед за сержантом.

Холл почти опустел, миссис Дримлейн помогла Полин увести миссис Мидлхем, дядюшка Томас в своей комнате приводил в чувство супругу, справедливо полагая, что она будет очень огорчена из-за того, что пропустила последние сцены этой драмы.

Доктор Фицпатрик о чем-то говорил с судьей Хоуксли, а Роджер Теннерсон с потерянными видом стоял возле тела отца, то и дело касаясь рукой его плеча или волос.

Входная дверь снова распахнулась, и Кэтрин подняла голову от своего неуверенного рисунка в надежде, что полицейские уже схватили миссис Фишберн и ее труд не понадобится.

Но вместо констебля или сержанта Нобблза в холл вбежала незнакомая ей девушка без шляпки, с растрепанными, но все же очень красивыми рыжими волосами.

– Роджер! – воскликнула она и замерла, увидев мертвого Арчибальда.

Незнакомка вскрикнула, прижала к губам узкую ладонь, но тут же решительно отвела взгляд от мертвого тела.

– Элизабет! – Теннерсон бросился ей навстречу, и девушка тотчас обняла его, не стесняясь посторонних. – О, Элизабет!

– Что здесь произошло? Твой дядя мертв?! – погладив юношу по голове, Элизабет чуть отодвинулась и, схватив Роджера за плечи, слегка

встрянула его. – Я видела, как эту гадкую, отвратительную выскочку уводила полиция. Это она убила твоего дядю? Я всегда знала, что она не достойна тебя, и, вот видишь, я была права...

– Она не убивала... отца, – с трудом выговорил Роджер. – Но что ты здесь делаешь, Элизабет? Разве мы не расстались навсегда?

– Конечно же, нет! Неужели ты думал, что я откажусь от тебя только потому, что я так сказала? – Девушка насмешливо фыркнула, но лицо ее тут же стало суровым, несмотря на яркий румянец на щеках. – Я приехала сюда, чтобы расстроить твою свадьбу!

– Свадьбы не будет, Элизабет, – грустно ответил Роджер и осторожно снял ладони девушки со своих плеч, перехватив ее пальцы своими.

– Мы оба должны радоваться этому, ведь ты никогда ее не любил! – Похоже, решительности Элизабет было не занимать, как и Молли Фрост. Словно именно таким девушкам нравился Роджер Теннерсон.

– Он хотел, чтобы я женился на Хелен, чтобы поправить наши дела... – виновато протянул Роджер, покосившись в сторону дивана.

– Ты знаешь, что моего приданого хватит нам обоим! – Девушка сама сжала пальцы Роджера. – Зачем ты согласился на эту помолвку?

– Полагаю, мистер Теннерсон все расскажет вам чуть позже, мисс, – вмешался в разговор судья Хоуксли. – За последние полчаса здесь произошло столько событий, что расторгнутая помолвка кажется совершенной ерундой...

– Для вас, сэр, может быть, но не для меня и Роджера! – запальчиво воскликнула рыжеволосая Элизабет. – Я проделала такой путь, чтобы расстроить эту свадьбу, и не моя вина, что это сделали без меня. Я бы все равно добилась своего, я бы заставила эту Хелен уехать, я уже предупреждала ее, чтоб она убиралась туда, откуда явилась!

– Предупреждали? – переспросил судья. – Вы виделись с девушкой, которая была невестой вашего... мистера Теннерсона?

– Я виделась с ней лишь однажды, до того, как приехала в Кромберри. Она показалась мне просто отвратительной. Но я готова была встретиться с ней и лично потребовать оставить Роджера в покое, если она не отступится, получив мою записку!

– Записку? – быстро переспросил судья. – Вы послали ей записку?

– Ну, конечно, я же так и сказала! – Девушка казалась настоящей фурией, но сейчас Кэтрин не обращала внимания на ее растрепанные волосы, которые так подошли бы горгоне Медузе на каком-нибудь портрете. Главным было то, что говорила Элизабет.

– А как давно вы отправили записку? И что в ней было написано? –

вкрадчиво спросил судья.

– Зачем вы допрашиваете ее, сэр? – робко вступил в разговор Роджер.

– Мне нечего скрывать, дорогой! – улыбнулась ему девушка. – Я послала сюда мальчишку с запиской для мисс Тармонт. Я написала, чтобы она поскорее уезжала, если не хочет неприятностей для себя!

– Вы адресовали ее мисс Тармонт?

– Господи, нет! Мальчишка не умел читать, и я не была уверена, что он правильно запомнит ее фамилию, поэтому попросила мальчишку передать записку леди, одетой в бордовое платье...

– Розовое.

– Что? – Элизабет обернулась к Кэтрин, которая поднялась на ноги, чувствуя, как дрожь поднимается от пальцев к локтям и выше, словно желая превратить всю девушку в подобие неловко поставленного на стол желе.

– Для леди, одетой в розовое платье, – повторила Кэти слабым голосом.

– Ну да, в розовом, наверное, в розовом! – раздраженно ответила Элизабет. – Я видела ее накануне, она поехала куда-то, и на ней было розовое платье!

Судья Хоуксли повернулся к Кэтрин, по щекам которой потекли слезы.

– Вот видите, дитя мое, как неожиданно все разрешилось! Теперь вы понимаете, что все это время вам не нужно было так сильно бояться, угрозы предназначались вовсе не вам.

– Ах, боже мой, это вы получили мою записку? – Элизабет подбежала к Кэтрин и, едва не сбив конторку, схватила ее за руки так же пылко, как до этого она трясла за плечи Роджера Теннерсона. – Простите, простите, я и не думала, что мое послание попадет не в те руки!

– Я была в тот день в розовом платье, и мальчик решил... – Кэтрин не могла говорить, ей нужно было выплакаться. Слезы ее были не только слезами облегчения, но и ответом на пережитый ужас, сочувствие, неприязнь, чувство вины...

Элизабет еще раз сильно сжала ее пальцы и, развернувшись, снова направилась к Роджеру Теннерсону, который рядом с ней казался еще более юным и потерянным, нежели обычно. Впрочем, его это, похоже, вполне устраивало.

Вечером наплакавшаяся вволю Кэтрин тихо сидела у постели своей тетки, которую от волнения мучили желудочные колики.

– Вот все и закончилось, дорогая, – ласково сказала тетушка Мэриан. –

Завтра к нам придет судья Хоуксли и расскажет, как вы с Бет опять помогли в поисках убийцы. Даже не одного убийцы.

Кэтрин предпочла бы, чтоб судья умолчал кое о чем. Подслушивать разговоры постояльцев – совсем не то, что требуется от служащих «Охотников и свиньи». Но она все же испытывала совсем немного гордости от того, что ее неблагоприятные поступки помогли главному констеблю Грейтону не только схватить убийцу, но и разобраться в том, что произошло на самом деле пять лет назад в доме Тармонтов. Арчибальд Тармонт погиб, и никто не будет сожалеть о нем, кроме сына. Но Роджера скоро утешит деятельная Элизабет.

Оливию Тармонт мистер Блантвилл отправит в пансион вместе с Полиң, как только миссис Мидлхем покинет этот мир. А ждать, увы, осталось совсем недолго. Дом Тармонтов будет снова стоять пустым, и на этот раз, скорее всего, его все же выставят на продажу. Оливию никогда не вернется туда, да и Роджер, пусть в его жилах и течет кровь Тармонтов, навряд ли захочет еще раз побывать в Кромберри.

– Журналисты превратят эту историю в сенсацию, – с горечью и в то же время с некоторым удовлетворением заметил дядюшка Томас, удобно устроившийся в кресле у незажженного камина. – «Лавандовая спальня» так же прославит нас, как прославил «Зал фей», к худу ли, к добру ли...

– Не будем сейчас думать об этом, дорогой, – мягко улыбнулась его жена. – Поживем – увидим. А пока дай-ка Кэти несколько шиллингов на бумагу и краски. Пора заняться превращением «Лавандовой спальни» в «Сиреневую комнату».

notes

Здесь и далее – отсылки к делу о загадочных убийствах юных девушек, описанных в книге Натали Доусон «Зал фей». – *Прим. ред.*